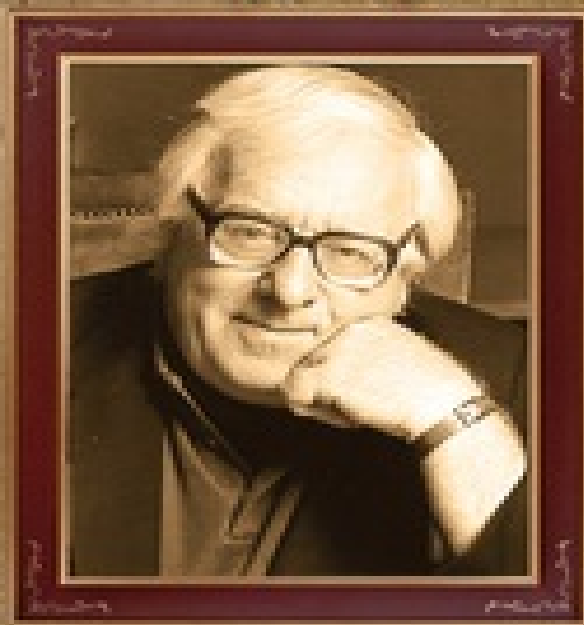

Лучшие мировые
детективы

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Смерть –
дело одинокое
Кладбище
для безумцев
Давайте все
убьем Констанцию

Annotation

Кинозвезда Констанция Раттиган получает по почте Книги Мертвых – старый телефонный справочник и записную книжку, фамилии в которой отмечены надгробными крестиками. Чтобы спасти ее и раскрыть загадку последовавшей за этим цепочки смертей, потрясших Голливуд воспоминаний и Голливуд современности, героям нового романа Брэдбери (уже знакомым читателю по «Смерть – дело одинокое») придется Констанцию убить. Причем всем вместе.

- [Рэй Брэдбери](#)
  - [Глава 01](#)
  - [Глава 02](#)
  - [Глава 03](#)
  - [Глава 04](#)
  - [Глава 05](#)
  - [Глава 06](#)
  - [Глава 07](#)
  - [Глава 08](#)
  - [Глава 09](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

Рэй Брэдбери

Давайте все убьем Констанцию

Книга посвящается с любовью моей дочери
***Александре** – без ее помощи третье тысячелетие,*
быть может, никогда бы не наступило, и – также с
*благодарностью и любовью – **Сиду Стибелу***

Глава 01

Ночь была темная, грозовая^[1].

Такое начало – способ завлечь читателя?

Ну ладно, ночь была грозовая, на Венис^[2] (Калифорния) рушилась темная стена дождя, полуночное небо расщепляли молнии. Ливень зарядил с заката и, похоже было, на всю ночь. Все твари замерли под этим потоком. В темных бунгало, накрытые теньями, мерцали тусклые голубые огоньки; полуночные прорицатели накликали там новости, одна хуже другой. В потопе, на десять миль к югу и столько же к северу, не двигалось ничто, кроме Смерти. И кого-то, кто резво бежал *впереди Смерти*.

Чтобы постучаться в тонкую, как бумага, дверь моего бунгало – ту, что смотрела на океан.

И вспугнуть меня, согнутого над пишущей машинкой, за рытьем могил – мое средство от бессонницы. Стук в дверь, в разгар грозы – и меня накрыло крышкой гроба.

Я распахнул дверь и увидел... Констанцию Раттиган.

Ту самую Раттиган, всем известную.

По небу трещинами побежали ослепительные молнии; фотовспышка, другая, десятая; щелк-щелк, готово: Раттиган.

Сорок лет успехов и несчастий, затиснутых в смуглое тюленье тело. Золотистый загар, пять футов два дюйма роста, знай себе мелькает то тут, то там; заплывет в море на закате, вернется (говаривали), оседлав волну, на рассвете; на пляже – круглые сутки, переключается за полмили с морским зверьем или нежится в бассейне на берегу, в каждой руке по мартини, голая с головы до пят, подставляет себя солнцу. А то ныряет в подвальный этаж, где у нее кинопроектор, смотреть, как мельтешит на бледном потолке собственная тень с тенями Эриха фон Штрогейма^[3], Джека Гилберта^[4] или Рода Ларока^[5]; потом, оставив на подвальных стенах свой немой смех, опять на пляж – подвижная мишень, ни Времени, ни Смерти не угнаться.

Констанция.

Раттиган, та самая.

– Господи, что ты тут делаешь? – По ее выдубленному солнцем, как у дикарки, лицу катились то ли дождевые капли, то ли слезы.

– Господи, – отозвался я, – а ты что?

– Отвечай на мой вопрос!

– Мэгги поехала на восток, на какую-то преподавательскую конференцию. Я пытаюсь закончить новый роман. Наш дом стоит пустой. Мой прежний квартирохозяин сказал: ваше жилье на берегу не занято – приезжай, пиши, купайся. Вот я и приехал. Господи, Констанция, входи. Ты вот-вот утопнешь!

– Уже утопла. Посторонись!

Но Констанция не двинулась с места. Долгое мгновение она стояла, дрожа, под вспышками гигантских молний, за которыми следовали удары грома. На миг мне почудилось, что передо мной давно знакомая женщина – шире, чем жизнь, прыг в море, прыг на берег, женщина, чью тень я наблюдал на потолке и стенах подвального кинозала, где она скользила по бытию фон Штрогейма и других немых теней.

Но тут все перевернулось. Она стояла в дверном проходе, убавленная светом и грохотом. Размерами Констанция сравнялась с ребенком, к груди она прижимала черную сумку, поеживаясь, обхватила бока, глаза были прикрыты от непонятного страха. Трудно было поверить, что сюда явилась под громовые раскаты не кто иная, как Раттиган, вечная кинозвезда.

Наконец я повторил:

– Входи, входи.

Она опять прошептала:

– Посторонись!

Надвинулась на меня, присосалась поцелуем, тягучим, как «морская» ириска, и пробежала мимо. На середине комнаты надумала вернуться и легонько чмокнуть меня в щеку.

– Ого, в этом что-то есть, – кивнула она. – Но погоди, я трясусь от страха!

Ухватившись за локти, Констанция мокрым кулем шмякнулась на софу. Я сбегал в ванную, стащил с Констанции платье и укутал ее гигантским полотенцем.

– Ты так поступаешь со всеми своими дамами? – клацая зубами, поинтересовалась она.

– Только когда на дворе ночь и гроза.

– Я не скажу Мэгги.

– Не дергайся, Раттиган, бога ради.

– Всю жизнь только и слышу это от мужчин. А сами уже заносят кол – вогнать мне в сердце.

– Ты что зубами скрежещешь: чуть не утонула или перепугалась?

– Как сказать. – Она бессильно откинулась назад. – Я мчалась без остановки всю дорогу от дома. Не ожидала тебя застать, ты ведь давно уже

съехал, но, господи Иисусе, как здорово, что ты тут! Спаси меня!

– От чего, бога ради!

– От смерти.

– От смерти никто не спасется, Констанция.

– Не говори так! Я не собираюсь умирать. Я здесь, Христос, для жизни вечной!

– Это просто молитва, Констанция, а не реальность.

– Ты вот будешь жить вечно. Твои книги!

– Лет сорок, быть может.

– А ты не швыряйся сорока годами. Мне бы из них хоть парочка пригодилась.

– Что бы тебе пригодилось, так это глоток-другой. Посиди смирно.

Я принес полбутылки «Голд дака».

– Боже! Это еще что?

– Скотч я не терплю, а это грошовое зелье как раз для писателя.

Хлебни.

– Отрава. – Констанция скорчила гримасу. – Тащи живей что-нибудь другое!

В нашей маломерной ванной я отыскал небольшую фляжку водки, отложенную для тех случаев, когда ночь никак не кончается. Констанция ухватила ее:

– Иди к мамочке!

Она присосалась к бутылке.

– Полегче, Констанция.

– Тебе хорошо говорить.

Она сделала еще три глотка и с закрытыми глазами вернула мне фляжку.

– Бог милостив.

Констанция снова откинулась на подушки.

– Не хочешь послушать, от какой чертовой напасти я улепетывала по берегу?

– погоди. – Я поднес к губам бутылку «Голд дака» и отпил. – Выкладывай.

– Так вот. *От смерти.*

Глава 02

Я уже жалел, что во фляжке с водкой больше ничего не осталось. Дрожа, я включил небольшой газовый обогреватель в холле, обыскал кухню и извлек бутылку «Риппла».

– Черт! – вскричала Раттиган. – Никак тоник для волос! – Она пила и тряслась. – На чем я остановилась?

– Как ты мчалась во весь опор.

– Да, но от чего я убегала, тоже было сказано.

В переднюю дверь постучался ветер.

Я держал Констанцию за руку, пока стук не прекратился.

Потом она схватила свою черную сумку и протянула мне какую-то книжечку.

– Вот.

Я прочитал: «Телефонный справочник Лос-Анджелеса. 1900».

– Бог мой, – прошептал я.

– Скажи, зачем я это взяла с собой? – спросила она.

Я пролистал книгу: А, потом Г, Д (кино, ТВ, сериалы) и до самого конца; имена, имена из забытого года, имена, о господи, имена.

– Соображай, – сказала Констанция.

Я начал с начала. А – Александер, Альберт и Уильям. Б – Берроуз. В –

...

– О черт, – прошептал я. – Тысяча девятисотый. А на дворе тысяча девятьсот шестидесятый. – (Из-под вечного летнего загара Констанции проступала бледность.) – Эти люди. Почти все уже умерли. – Я уставился на фамилии. – По большей части телефонов бесполезно звонить. Это...

– Что?

– Это Книга мертвых.

– В самую точку.

– Книга мертвых, – повторил я. – Египетская. Из гробницы.

– Прямоком. – Констанция замолчала.

– Кто-то тебе ее послал? Записку приложил?

– К чему еще и записка?

Я перевернул еще несколько страниц.

– Ни к чему. Поскольку никого практически не осталось в живых, подразумевается...

– Скоро меня не будет.

– Твоя фамилия станет последней в перечне?

– Угу.

Я затрясся и подкрутил нагреватель.

– Гнусная выходка.

– Гнусная.

– Телефонные книги, – пробормотал я. – Мэгги говорит, я над ними пускаю слезу, но все зависит от того, что это за книги и какого года.

– Да, все зависит от этого. И вот...

Она вынула из сумки еще одну черную книжечку.

– Открой.

Я прочел: «Констанция Раттиган» и адрес ее дома на берегу – и открыл первую страницу. Фамилии были все на А.

– Абрамс, Александер, Аллен, Алсоп.

Я стал читать дальше:

– Басс, Бенсон, Бертон, Болдуин, Брэдли...

Кончики пальцев у меня похолодели.

– Это ведь все твои друзья? Фамилии сплошь знакомые.

– И что?

– Не все, но большинство похоронены на Лесной Лужайке. И вот их откопали. Кладбищенская книга, – проговорил я.

– И похуже, чем та, девятисотого года.

– Почему?

– Эту я уже несколько лет назад отдала. «Голливудским помощникам».

У меня не хватало духу вычеркивать фамилии. Мертвые накапливались. Осталось всего несколько живых. Но я эту книжку отдала. И вот она вернулась. Я нашла ее вечером, после пляжа.

– Боже, ты купаешься в такую погоду?

– И в дождь, и в солнце. Возвращаюсь вечером, а она лежит во дворе, словно надгробие.

– Записки не было?

– Слов тут не нужно.

– Господи Иисусе. – Я взял в одну руку старый справочник, а в другую книжечку Раттиган, испещренную буквами и цифрами.

– Две почти что Книги мертвых.

– Ага, почти что, – кивнула Констанция. – Посмотри сюда, сюда и вот сюда.

Она показала мне на трех страницах три фамилии, каждая обведена красными чернилами и помечена крестиком.

– Эти фамилии? Они какие-нибудь особенные?

– Да, особенные. АВ мертв. Так, во всяком случае, я думаю. Но, видишь, они помечены? Помечены крестиками, и что бы это значило?

– Кандидаты на тот свет? Следующие?

– Да, то есть нет, не знаю, только мне страшно. Гляди.

Фамилия Констанции, в самом начале, тоже была отмечена красным кружком и крестиком.

– Книга мертвых плюс список вероятных кандидатов в покойники?

– Как она тебе на ощупь, эта книжка?

– Холодная. Ужасно холодная.

Дождь барабанил по крыше.

– Кто бы мог устроить тебе такое, Констанция? Назови нескольких.

– Черт, да сколько угодно. – Она помолчала, прикидывая. – Поверишь, если я скажу девятьсот? Плюс-минус дюжина.

– Бог мой, список подозреваемых длинноватый.

– За тридцать-то лет? Скудненько.

– Скудненько? – воскликнул я.

– Рядами выстроились на берегу.

– Ты не обязана была их впускать!

– А если они все кричали: Раттиган?!

– Ты не обязана была слушать.

– Что это, хор баптистов?

– Прости.

– Ладно. – Большим глотком она прикончила бутылку и поморщилась. – Поможешь найти этого сукина сына или сукиных сынов, если их двое – каждый подбросил по книге.

– Я не детектив, Констанция.

– А не ты ли, помнится, чуть не потоп в канале с этим психом Чужаком?

– Ну...

– А не тебя ли я видела в соборе Нотр-Дам на студии «Феникс» с Горбуном? Помогли мамочке, пожалуйста.

– Подумаю утром. Не на сонную голову.

– Эта ночь не для сна. Приласкай лучше эту старую развалину. А теперь...

Она встала, держа в руках две Книги мертвых, пересекла комнату, распахнула дверь в черную хлябь, где прибой размывал берег, и нацелилась.

– погоди! – выкрикнул я. – Если я возьмусь помочь, мне они понадобятся!

– Молодчина. – Она закрыла дверь. – Постель и ласки? Но без механического монтажа.

– И в мыслях не было, Констанция.

Глава 03

Без четверти три, среди грозовой ночи, у самого бунгало с жутким сверканием воткнулась в землю молния. Разразился гром. Мыши в стенах подошли с испугу.

Раттиган подскочила в постели.

– Спаси меня! – завопила она.

– Констанция! – Я взгляделся в тьму. – Бога ради, ты к кому обращаешься? К себе или ко мне?

– К любому, кто слушает!

– Мы все слушаем.

Она лежала в моих объятиях.

В три пополудни, в час, когда умирают все, кому нужно умереть, зазвонил телефон.

Я поднял трубку.

– Кто это с тобой в постели? – Мэгги говорила из местности, где в помине не было ни дождя, ни грома с молнией.

Я поискал глазами загорелое лицо Констанции, белый череп, прикрытый летней плотью.

– Никого, – ответил я.

И почти не соврал.

Глава 04

Утром, в шесть, где-то там занялся рассвет, но его было не видно из-за дождя. Молнии все еще сверкали, фотографируя прибой, захлестывавший берег.

Небо прорезала невероятно мощная молния, и я понял, что, пошарив по другому краю кровати, никого там не найду.

– Констанция!

Передняя дверь стояла распахнутой, как выход со сцены, дождь барабанил по ковру, две телефонные книги, большая и маленькая, были брошены на пол, с расчетом, чтобы я их заметил.

– Констанция, – испуганно повторил я и огляделся.

По крайней мере, платье надела, подумал я.

Набрал ее номер. Тишина.

Я накинул дождевик и, ослепленный дождем, дотащился по берегу до дома Констанции, похожего на арабскую крепость; и снаружи и внутри он был ярко освещен.

Однако теней нигде не мелькало.

– Констанция! – громко позвал я.

Свет продолжал гореть, было тихо.

На берег набежала чудовищная волна.

Я присмотрелся, нет ли на песке ее следов, ведущих к морю.

Следов не было.

Слава богу, подумал я. Хотя следы могло смыть дождем.

– Будь здорова! – выкрикнул я.

И пошел прочь.

Глава 05

Позднее я, прихватив две упаковки по полдюжине пива, отправился по пыльной тропе через заросли деревьев и диких кустов азалии. Постучался в резную, в африканских узорах, дверь Крамли и стал ждать. Постучался еще раз. Тишина. Я поставил к двери одну из упаковок и отошел.

Секунд через восемь-девять дверь чуть приоткрылась, высунулась рука в пятнах никотина, схватила пиво и втянула его внутрь. Дверь захлопнулась.

– Крамли, – крикнул я и подбежал к двери.

– Проваливай, – слышалось из дома.

– Крамли, это Чудила. Впусти меня!

– И не подумаю. – Первую бутылку Крамли уже открыл: голос его прочистился. – Звонила твоя жена.

– Черт! – шепотом выругался я.

Крамли сделал глоток.

– Сказала, стоит ей уехать из города, ты непременно свалишься с волнолома в залежи гуано или затеешь встречу по карате с командой лилипутиц-лесбиянок.

– Ничего подобного она не говорила!

– Слушай, Уилли, – (это в честь Шекспира), – я человек немолодой, эти кладбищенские карусели и люди-крокодилы, что плавают в полночь в глубине каналов, не по мне. Кинь другую упаковку. Благодарю Бога за твою жену.

– Проклятье, – процедил я сквозь зубы.

– Она сказала, если ты не остановишься, она вернется домой раньше времени.

– Так она и сделает, – пробормотал я.

– Хуже нет – жена заявляется рано и портит потеху. Погоди. – Он глотнул. – Ты, Уильям, хороший парень, но отлезь.

Я опустил на крыльцо вторую упаковку пива, водрузил на нее телефонный справочник 1900 года и личную телефонную книжку Раттиган и отошел.

После долгой паузы рука вновь высунулась, по методу Брайля ощупала книги, скинула их и схватила пиво. Я ждал. Наконец дверь опять приоткрылась. Рука с любопытством обшарила книги и утянула внутрь.

– Отлично! – вырвалось у меня.

Отлично, думал я. Часа не пройдет, и, клянусь богом... он позвонит!

Глава 06

Через час Крамли позвонил.

Но не назвал меня Уильямом.

– Дерьмо на дерьме. Ничего не скажешь, умеешь ты закинуть крючок. Ну, что это за чертовы Книги мертвых?

– Почему ты так говоришь?

– Проклятье, я рожден в покойницкой, воспитан на кладбище, прошел обучение в Долине Царей вблизи Карнака в Верхнем Египте – или это Нижний? По ночам мне снится иногда, что я завернут в креозот. Как не узнать Мертвую книгу, если тебе ее подадут с пивом?

– Все тот же старина Крамли, – проговорил я.

– Как ни досадно. Когда повешу трубку, позвоню твоей жене!

– Не надо!

– Это еще почему?

– Потому что... – Я замолк, судорожно вздохнул и выпалил: – Ты мне нужен!

– Чушь собачья.

– Слышал, что я сказал?

– Слышал, – пробормотал он. – О господи. – И наконец произнес: – Встречаемся у дома Раттиган. На закате. Когда что-то выходит из прибоа и норовит тебя схватить.

– У дома Раттиган.

Опередив меня, он повесил трубку.

Глава 07

Самое время для событий – ночь. И уж никак не полдень: солнце светит слишком ярко, тени выжидают. С неба пышет жаром, ничто под ним не шелохнется. Кого заинтригует залитая солнечным светом реальность? Интригу приносит полночь, когда тени деревьев, приподняв подолы, скользят в плавном танце. Поднимается ветер. Падают листья. Отдаются эхом шаги. Скрипят балки и половицы. С крыльев кладбищенского ангела цедится пыль. Тени парят на вороновых крыльях. Перед рассветом тускнеют фонари, на краткое время город слепнет.

Именно в эту пору зарождаются тайны, зреют приключения. Никак не на рассвете. Все затаивают дыхание, чтобы не упустить темноту, сберечь ужас, удержать на привязи тени.

А значит, наша встреча с Крамли на песке перед белой арабской крепостью, то есть прибрежным домом Раттиган, состоявшаяся, когда темные волны бились о еще более темный берег, пришлась на самый правильный час. Мы приблизились и заглянули внутрь.

Все двери по-прежнему стояли распахнутые, внутри горел яркий свет, и пианола с пробитой на валике в 1928 году мелодией Гершвина^[6] повторяла ее вновь и вновь, в третий уже раз, для единственных слушателей, нас с Крамли; музыки в доме нам хватило с избытком, но вот Констанции не было совсем.

Я открыл рот – извиниться перед Крамли, что зря его позвал.

– Лакай свое пойло и заткнись. – Крамли сунул мне пиво. – Так вот, – продолжил он, – какого черта все это значит? – Он перелистал личную Книжку мертвых, принадлежащую Раттиган. – Тут, тут и вот тут.

Он указывал на полдюжины фамилий в красных кружках и с глубоко вдавленными, свежими крестиками.

– Констанция предположила, и я тоже, что люди, чьи фамилии помечены, пока живы, но, возможно, скоро умрут. А ты как думаешь?

– Никак, – отозвался Крамли. – Развлекайся сам. Я намылился в конце недели в Йосемитскую долину, а тут являешься ты, вроде кинопродюсера, сценарии ему слишком пресные, надо бы там-сям уксусу подбавить. Не сбежать ли мне туда прямо сейчас, а то ты глядишь зайцем, который что-то учуял.

– Имей терпение. – Я увидел, что он поворачивается к двери. – Тебе не хочется разведать, кто из этих помеченных до сих пор живет и здравствует,

а кто дал дубаря?

Я схватил книжку, а потом кинул обратно, так что Крамли пришлось поймать. Она распахнулась на странице, где громаднейший крест соседствовал с фамилией, годившейся на цирковую афишу. Крамли нахмурился. Я прочел вверх ногами: Калифия. Царица Калифия. Банкер-Хилл. Без адреса. Но с телефонным номером.

Крамли хмурился, но не мог оторвать взгляд от страницы.

– Не знаешь, где это? – спросил я.

– Банкер-Хилл, черт, знаю, знаю. Я родился в нескольких кварталах к северу. Котелок, где что только не варится: мексиканцы, цыгане, ирландцы, у этих окна утыканы дымоходами, белое отребье и черное тоже. Я там бывал, заглядывал к «Каллахану и Ортега, Похоронное бюро». Надеялся увидеть настоящие трупы. Бог мой, Каллахан и Ортега, что за имена, там, среди Хуаресов Вторых, гвадалахарских лоботрясов, увядших розочек с Розарита-Бич, дублинских шлюх. Скопище отбросов!

Внезапно Крамли взревел, разозлившись на себя за дорожные байки и готовность запродать себя в мою очередную вылазку.

– Слышал, что я болтаю? Слушал? О господи!

– Слышал. Почему бы нам не позвонить просто-напросто по всем этим номерам с красными кружками и не узнать, кто упокоился, а кто еще разгуливает?

Не давая ему времени возразить, я ухватил книжку и припустил вверх по дюне к ярко освещенному бассейну при доме Раттиган, где на стеклянном столике ждал телефонный аппарат. Я не решился оглянуться на Крамли, который выжидал, пока я наберу номер.

В трубке послышался далекий голос. Номер больше не обслуживался. Тьфу ты, подумал я, но нет, погоди!

Я проворно позвонил в справочное, узнал номер, набрал цифры и отвел трубку от уха, чтобы слышал Крамли.

– Каллахан и Ортега, добрый вечер. – Глубокий голос с сочным ирландским акцентом был достоин главной сцены Эбби-театра.

Я ухмыльнулся. Глянул вниз: там маялся Крамли.

– Каллахан и Ортега. – Повторная фраза прозвучала громче, с раздражением. Долгое молчание. Я не открывал рта. – Кто там, чтоб тебя?

Не дожидаясь Крамли, я повесил трубку.

– Сукин сын. – Он попался на крючок.

– В двух-трех кварталах от места, где ты родился?

– В четырех, хитрющая морда.

– Ну?

Крамли сгреб книжку Раттиган.

– Книга мертвых, но не совсем? – произнес он.

– А не попробовать ли другой номер? – Я открыл книжку, перелистнул и остановился на Р. – Вот этот, ага-ага, даже лучше Царицы Калифии.

Крамли нахмурился:

– Раттиган, Маунт-Лоу. Что это за Раттиган засел на горе Лоу? Было время, большой красный трамвай возил туда на пикники тысячные толпы – с тех пор как он упал замертво, минула уже половина моей жизни.

По лицу Крамли пробежала тень воспоминаний.

Я обратил внимание на другое имя.

– Раттиган. Собор Святой Вибианы.

– Святой Иисусе, прах его возьми, какой такой Раттиган затаился в соборе Святой Вибианы?

– Слова утвердившегося в вере католика. – Я рассматривал физиономию Крамли, с которой не сходила теперь хмурая гримаса. – Знаешь что? Я отправляюсь.

Я сделал для вида три шага, и тут Крамли выругался.

– И как ты, на фиг, туда доберешься без прав и автомобиля?

Я не оборачивался.

– Ты меня отвезешь.

Последовало долгое задумчивое молчание.

– Да? – поторопил я.

– А ты знаешь, как найти, где в старые времена ходил этот треклятый трамвай на Маунт-Лоу?

– Меня возили туда родные, когда мне было полтора года от роду.

– Стало быть, ты можешь показать дорогу?

– Запомнил в точности.

– Закрой пасть. – Крамли закинул в свой драндулет полдюжины пива. – Полежай.

Мы залезли в автомобиль, оставили Гершвина долбить в Париже дырки на валике пианолы и тронулись с места.

– Языком не болтай, – распорядился Крамли. – Просто кивай головой влево, вправо или вперед.

Глава 08

– Чтоб мне провалиться, если я знаю, за каким бесом я это делаю, – бормотал Крамли, ведя машину по границе противоположной полосы. – Я сказал, чтоб мне провалиться, если я знаю, за каким бесом...

– Я слышал. – Я наблюдал приближавшиеся горы и предгорья.

– Угадай, кого ты мне напоминаешь. – Крамли фыркнул. – Мою первую и единственную жену, вот уж умела задурить мне голову: и так повернется, и эдак, и улыбку во весь рот изобразит.

– Разве я дурил тебе голову?

– Вякни, что не дурил, и я тебя вышвырну из машины. Стоит тебе меня завидеть, как ты садишься и делаешь вид, будто решаешь кроссворд. Слова четыре успеешь разгадать, и тут я хватаю карандаш и сажусь на твое место.

– Разве я когда-нибудь так поступал, Крамли?

– Не беси меня. Следишь за названиями улиц? Следи. И вот что. Объясни, с чего ты затеял эту дурацкую экспедицию?

Я бросил взгляд на книжку Раттиган, лежавшую у меня на коленях.

– Она спасалась бегством, так она сказала. От Смерти, от одного из назначенных к смерти имен в этой книжке. Может, книжку послал ей кто-то из них в качестве порченого дара. А может, она, как мы сейчас, бежала им навстречу, желая, скажем, взглянуть в глаза тому, кто осмелился послать могильный словарь впечатлительному ребенку – актрисе.

– Раттиган не ребенок, – пробурчал Крамли.

– Ребенок. Ей никогда бы не добиться такого успеха на экране, если бы за всеми ее сексуальными вывертами не проглядывала там и тут меглиновская крошка^[7]. Тут не старушку Раттиган вогнали в дрожь; это испуганная школьница бежит сломя голову через темный, полный чудовищ лес – Голливуд.

– Стряпаешь по вдохновенью, как твой рождественский кекс с цукатами и орехами?

– Разве похоже?

– Без комментариев. С чего бы одному из этих красочернильных приятелей посылать ей две книжки, полные поганых воспоминаний?

– А почему бы и нет? Констанция перелюбила в свое время массу народу. И вот, спустя годы, масса народу ее ненавидит. Они были отвергнуты, оставлены в прошлом, забыты. А она сделалась знаменитой. Они смешались с мусором на обочине. А может, они состарились, стоят

одной ногой в могиле и жаждут напоследок сделать кому-нибудь пакость.

– Ты начинаешь разговаривать вроде меня.

– Боже упаси, надеюсь, нет. То есть...

– Все нормально. Тебе никогда не быть Крамли, как мне никогда не быть Жюлем Верном-младшим. Куда это нас занесла нелегкая?

Я поспешно поднял глаза.

– Ага! Это она. Маунт-Лоу! Где в давние времена пал замертво старый красный трамвай.

– Профессор Лоу, – начал я, считывая случайно всплывшее на внутренней стороне век воспоминание, – в годы Гражданской войны изобрел фотографирование с воздушного шара.

– А это откуда взялось? – воскликнул Крамли.

– Просто пришло на ум, – откликнулся я нервно.

– Набит бесполезной информацией.

– Ну, не знаю, – обиделся я. – Мы ведь у Маунт-Лоу, верно? И гора названа в честь профессора Лоу, и по ее склону взбирается его Тунервилльский трамвай^[8], так?

– Угу, угу, точно, – согласился Крамли.

– Ну вот, профессор Лоу изобрел фотографирование с воздушного шара, способ получить изображение вражеских войск во время великой войны между штатами. Воздушные шары, а также новое изобретение, поезда, помогли победить Северу.

– Хорошо, хорошо, – проворчал Крамли. – Я вылезая и готов карабкаться.

Я высунулся из окошка машины и оглядел длинную, задущенную сорняками тропу, которая взбиралась и взбиралась по длинному уклону, где сгущались вечерние тени.

Я закрыл глаза и прочел в памяти:

– До вершины три мили. Ты в самом деле хочешь идти пешком?

Крамли уставился на подножие горы.

– О черт, нет. – Он вернулся в автомобиль и со стуком захлопнул дверцу. – Есть хоть малейший шанс, что мы сумеем взбежать по этой чертовой тропинке? Похоже, откинем копыта.

– Шанс есть всегда. Вперед!

Крамли подогнал наш драндулет к краю совсем заросшей тропы, заглушил двигатель, вышел, сделал несколько шагов по склону, ковырнул носком ботинка землю, вытащил пучок травы.

– Аллилуйя! – воскликнул он. – Сталь, железо! Старые рельсы, их не позаботились вытащить, засыпали землей, и ладно!

– Да ну?!

Крамли побагровел и рванул назад, почти закрыв собой машину.

– Тьфу, проклятье! Не заводится, чтоб ее!

– Жми на стартер!

– Распроклятье! – Крамли топнул по педали. Автомобиль затрясло. –

Так его перетак!

Мы поднимались.

Глава 09

Горный путь находился в двойном запустении. Сухой сезон пришел рано. Солнце выжгло полевые травы, оставив сухие ломкие стебли. В быстро тускнеющем свете склон холма до самой вершины напоминал цветом пшеничное поле под палящим солнцем. Под колесами хрустело. Две недели назад кто-то швырнул спичку и весь склон вспыхнул огнем. Происшествие расцветило заголовки газет и телеэкраны, пламя выглядело очень эффектно. Но огонь давно погас, углей и сухости не осталось тоже. Пока мы с Крамли преодолевали по затерянной тропе, петля за петлей, гору Лоу, о происшедшем нам напоминал только запах пожарища.

В пути Крамли заметил:

– Хорошо, ты сидишь с другой стороны и не видишь обрыв. Добрых тысяча футов.

Я стиснул колени.

От Крамли это не укрылось.

– Ну ладно, может, и не тысяча, а каких-нибудь пятьсот.

Я закрыл глаза и стал читать всплывающий на внутренней стороне век текст:

– «Рельсовый транспорт на Маунт-Лоу работал частично на электричестве, частично на канатной тяге».

– И? – заинтересовался Крамли.

Я развел колени.

– «Рельсовый путь был открыт четвертого июля тысяча восемьсот девяносто третьего года, тысячам пассажиров бесплатно подавали печенье и мороженое. В первом фуникулере Пасаденский медный духовой оркестр играл «Привет, Колумбия». Однако в соседстве с облаками они перешли на «Ближе, Господь мой, к Тебе», чем заставили прослезиться не меньше десяти тысяч зрителей вдоль рельсовой дороги. Далее им подумалось, что их путь ведет «Все выше и выше», с тем они и достигли вершины. За ними последовал в трех фуникулерах Лос-Анджелесский симфонический; в одном скрипки, в другом медные духовые инструменты, в третьем литавры и деревянные духовые. В суматохе забыли дирижера с его палочкой. Позднее в тот же день, также в трех фуникулерах, совершил восхождение Мормонский церковный хор из Солт-Лейк-сити; в одном сопрано, в другом баритоны, в третьем басы. Они пели «Вперед, воители Христовы», что показалось очень уместным, когда они скрылись в тумане.

Сообщается, что на флаги, украсившие троллейбусы, поезда и фуникулеры, пошло десять тысяч миль красной, белой и синей материи. Когда знаменательный день подошел к концу, одна слегка истеричная дама, боготворившая профессора Лоу за то, какие усилия он вложил в создание рельсового пути, баров и гостиниц, заявила, согласно рассказам: «Хвала Господу, от коего проистекает всяческое благословение, и профессору Лоу тоже хвала», после чего все заново прослезились», – бормотал я.

– Охренеть, – проговорил Крамли.

Я добавил:

– «Тихоокеанская железная дорога вела к Маунт-Лоу, Пасадена-Острич-Фарм, Силег-Лайон-Зу, Сан-Гэбриел-Мишен, Монровии, Болдуинз-Ранчо и Виттиеру».

Крамли буркнул что-то себе под нос и замолк, ведя машину.

Приняв это за намек, я спросил:

– Уже приехали?

– Заячья душонка. Открой глаза.

Я открыл глаза.

– Думаю, приехали.

Мы в самом деле приехали. Перед нами стояли развалины железнодорожной станции, за ними – несколько обугленных подпорок сгоревшего павильона.

Я медленно выбрался из машины и остановился рядом с Крамли, обозревая мили земли, ушедшей в плаванье навек.

– Такого и Кортес^[9] не наблюдал, – заметил Крамли. – Вид что надо. Удивительно, почему дорогу не восстановили.

– Политика.

– Как всегда. И где мы в таком месте отроем субъекта по имени Раттиган?

– Вот там!

Футах в восьмидесяти от нас, за обширным пространством перечных деревьев виднелся маленький, наполовину вросший в землю домик. Огонь до него не добрался, но краска была размыта и крыша потрепана дождем.

– Там должно быть тело, – сказал Крамли, направляясь туда вместе со мной.

– Тело всегда имеется, иначе зачем идти смотреть?

– Ступай проверь. Я здесь постою, позлюсь на себя за то, что мало взял выпивки.

– Детектив какой-то.

Я не спеша приблизился к домику и изо всех сил стал тянуть дверь.

Наконец она взвизгнула и подалась, я испуганно отпрянул и заглянул внутрь.

- Крамли, – позвал я наконец.
- А? – Нас разделяло шестьдесят футов.
- Пойди посмотри.
- Тело? – спросил он.
- Лучше того. – У меня перехватило дыхание.

Глава 10

Мы вступили в лабиринт из газетной бумаги. Да что там лабиринт – катакомбы с узкими проходами меж штабелей старых газет: «Нью-Йорк таймс», «Чикаго трибьюн», «Сиэтл ньюс», «Детройт фри пресс». Пять футов слева, шесть справа и промежутки, где маневрируешь, со страхом ожидая обвала, который раздавит тебя насмерть.

– Ни фиги себе! – вырвалось у меня.

– Да уж, – проворчал Крамли. – Господи Иисусе, да тут газет, воскресных и ежедневных, наверное, тысяч десять, уложенных слоями – нижние, гляди-ка, желтые, верхние белые. А штабелей не один, не десять и не двадцать – бог мой, целая сотня!

И правда: газетные катакомбы, проглядывавшие сквозь сумерки, плавно поворачивали и исчезали из виду.

Позднее я сравнивал себя с лордом Карнарвоном, открывшим в 1922 году гробницу Тутанхамона. Все эти старинные заголовки, груды некрологов – к чему они вели? Штабеля, еще штабеля, а за ними еще. Мы с Крамли пробирались боком, едва протискивая живот и зад.

– Боже, – прошептал я, – случись настоящее землетрясение...

– Было! – Голос доносился издали, из глубины газетного туннеля. Мумия. – Газеты трянуло! Еще немного, и из меня бы вышла лепешка!

– Кто там? – крикнул я. – Где вы запрятались?

– Знатный лабиринт, а? – веселилась мумия. – Моя работа. Экстренные утренние выпуски, последние вечерние, отчеты о скачках, воскресные комиксы, всего не перечислить! За сорок лет! Музейная библиотека новостей, негодных для печати. Идите дальше! Сверните налево. Я где-то здесь!

– Идите! – тяжело дыша, бросил Крамли. – Да тут негде воздуху глотнуть!

– Правильно, давайте сюда! – звал гнусавый голос. – Почти дошли. Держитесь левой руки. Не вздумайте курить! Отсюда поди выберись при пожаре – настоящая ловушка из заголовков: «Гитлер приходит к власти», «Муссолини бомбит Эфиопию», «Умер Рузвельт», «Черчилль выстраивает железный занавес» – здорово, а?

Завернув за последний угол среди высоких столбов печатной продукции, мы обнаружили в этом лесу поляну.

В дальнем ее конце виднелась походная кровать. То, что на ней

лежало, можно было сравнить с длинной вяленой тушей или с встающей из земли мумией. Резкий запах бил в ноздри. Не мертвый, подумал я, и не живой.

Я медленно приблизился к койке, Крамли шел сзади. Стало понятно, что это за запах. Не мертвечины, а грязи, немытого тела.

Груда тряпья зашевелилась. Края древних одеял на ней напоминали следы прибоа на отмели. Меж сморщенных век проглядывал крохотный проблеск.

– Простите, что не встаю. – Сморщенный рот дрогнул. – У хрыча с Хай-Лоу-стрит сорок лет как не стоит. – Едва не захлебнувшись смехом, рот закашлялся. – Нет, нет, я здоров, – прошептал он. Голова упала назад. – Какого дьявола вас так долго не было?

– То есть?..

– Я вас ждал! – воскликнула мумия. – Какой сейчас год? Тридцать второй? Сорок шестой? Пятидесятый?

– Уже теплее.

– Шестидесятый. Ну что?

– В яблочко, – кивнул Крамли.

– Я не совсем спятил. – Иссохший рот старика дрогнул. – Вы принесли мне еду?

– Еду?

– Нет, нет, не может быть. Еду таскал парнишка, собачьи консервы, жестянку за жестянкой, а то бы вся эта Граб-стрит^[10] обвалилась. Вы ведь не он... или он?

Мы обернулись и помотали головами.

– Как вам мой пентхаус? Первоначальное значение: место, где держали пентюхов, пока они окончательно рехнутся. Мы приписали ему другое значение и подняли квартплату. О чем бишь я? А, да. Как вам эти хоромы?

– Читальня Общества христианской науки^[11], – отозвался Крамли.

– Треклятое пристрастие, – проговорил Рамзес II. – С тысяча девятьсот двадцать пятого года. Остановиться не смог. Руки загребущие, то есть загребущие не особенно, а вот выпускать не любят. Все началось в тот день, когда я забыл выбросить утренние газеты. Дальше скопилась подборка за неделю, и пошла в рост гора макулатуры: «Трибьюн», «Таймс», «Дейли ньюс». Справа от вас тридцать девятый год. Слева – сороковой. Второй штабель сзади – весь из сорок первого!

– Что бывает, если вам понадобится какой-нибудь номер, а на него навалено фута четыре?

– Стараюсь об этом не думать. Назовите дату.

– Девятое апреля тридцать седьмого года, – слетело у меня с языка.

– Какого черта? – одернул меня Крамли.

– Не трогайте парнишку, – шепнул старик под пыльным одеялом. – Джин Харлоу^[12], умерла в двадцать шесть лет. Уремическое отравление. Панихида завтра. Лесная Лужайка. Похороны сопровождает дуэт – Нельсон Эдди, Джанетт Макдональд^[13].

– Бог мой! – вырвалось у меня.

– Варит котелок, а? Еще!

– Третье мая сорок второго года, – ляпнул я наобум.

– Погибла Кэрол Ломбард. Авиакатастрофа. Гейбл рыдает^[14]. Крамли обернулся ко мне.

– Это все, что тебе известно? Звезды забытого кино?

– Не цепляйтесь к парнишке, – проговорил старческий голос шестью футами ниже. – Что вы здесь делаете?

– Мы пришли... – начал Крамли.

– Нам нужно... – начал я.

– Стоп. – Старика закружила пыльная буря мыслей. – Вы – продолжение!

– Продолжение?

– В последний раз, когда на гору Лоу взбирался самоубийца, чтобы кинуться вниз, ему это не удалось, он спустился на своих ногах, внизу его сшиб автомобиль, и благодаря этому у него есть теперь на что жить. Последний случай, когда здесь действительно кто-то побывал, пришелся... на сегодняшней полдень!

– Сегодняшний?!

– Почему бы и нет? Почему бы не навестить старого, утонувшего в пыли калеку, с тридцать второго года забывшего о женских ласках. Да, незадолго до вас здесь побывал кое-кто, кричал в туннеле из плохих новостей. Помните сказку про мельницу, варившую овсянку? Скажешь «вари», и из нее полетится горячая каша. Парнишка ее запустил. А как остановить, не знал. Проклятая овсянка затопила весь город. Идешь куда-нибудь – проедай себе дорогу. А у меня вот полно газет, а овсянки кот заплакал. О чем бишь я?

– Кто-то у вас кричал...

– Из коридора между лондонской «Таймс» и «Фигаро»? Ага. Женщина, ревела как мул. Я даже описался. Грозилась обрушить мой штабеля. Лягнуть один – и конец, визжала она, обвалится твоя треклятая

постройка и раздавит тебя в лепешку!

– На мой взгляд, землетрясение...

– Было, было! «Наводнение на реке Янцзы» и «Дуче побеждает» тряслись почему зря, но я, как видите, цел. Штабеля выстояли даже в большое землетрясение тридцать второго года. Так или иначе, эта ненормальная обвинила меня во всех грехах и потребовала газеты за определенные годы. Я сказал, пусть посмотрит первый ряд слева, а потом справа. Весь необработанный материал я храню наверху. Было слышно, как она штурмует штабеля. От ее проклятий мог бы повториться «Пожар в Лондоне!». Хлопнула дверью и была такова – не иначе, побежала искать, откуда бы прыгнуть. Не думаю, что ее сшибла машина. Знаете, кто она была? Я ведь темнил, не назвал. Догадались?

– Нет, – растерялся я.

– Видите письменный стол с наполнителем для кошачьего туалета? Смахните наполнитель, найдите листки с затейливым шрифтом.

Я шагнул к столу. Среди древесных опилок и, как мне показалось, птичьего помета обнаружили две дюжины одинаковых приглашений.

– «Кларенс Раттиган и...» – Я помедлил.

– Читайте! – потребовал старик.

– «Констанция Раттиган, – выдавил я из себя и продолжил: – Счастливы объявить о своей свадьбе, которая состоится десятого июня тысяча девятьсот тридцать второго года в три пополудни на Маунт-Лоу. Эскорт автомобильный и железнодорожный. Шампанское».

– Туда, где вы живете, приглашение дошло? – спросил Кларенс Раттиган.

Я поднял взгляд.

– Кларенс Раттиган и Констанция Раттиган. Погодите. А девичью фамилию Констанции разве не полагалось упомянуть?

– Выглядит как инцест, вы об этом?

– Как-то необычно.

– До вас не дошло, – прохрипели губы. – Констанция заставила меня взять ее фамилию! Меня звали Оверхолт. Сказала, чтоб ей провалиться, если она променяет свое первоклассное имя на мою потасканную кличку, и вот...

– Вас окрестили перед церемонией? – догадался я.

– Раньше не был окрещен, но наконец окрестился. Епископальный священник из Голливуда решил, что я спятил. Вы когда-нибудь пытались спорить с Констанцией?

– Я...

– Не говорите «да», все равно не поверю! «Люби меня или покинь меня», пела она. Мне нравилась мелодия. Умасливала душу церковным елеем. Я первый в Америке такой дурак, кто сжег свое свидетельство о рождении.

– Черт меня дери, – посочувствовал я.

– Не вас. Меня. На что вы смотрите?

– На вас.

– А, понятно. Вид у меня не очень. Тогда тоже был не ахти. Видите эту яркую штуквину поверх приглашений? Латунная рукоятка вагонновожатого на Маунт-Лоу. Моя: я был водителем трамвая на Маунт-Лоу! Господи Иисусе! Нет ли где поблизости пива? – внезапно спросил старик.

Я сглотнул слюну.

– Вы заявляете, что были первым мужем Раттиган, а потом просите пива?

– Я не говорил, что был ее первым мужем, просто одним из мужей. Ну, где же пиво? – Старик поджал губы.

Крамли вздохнул и пошарил в карманах.

– Вот пиво и «Малломары».

– «Малломары»! – Старик высунул кончик языка, и я положил на него печенье. Он подождал, пока печенье растает, словно это была церковная облатка. – «Малломары»! Женщины! Жить без них не могу!

Он привстал за пивом.

– Раттиган, – напомнил я.

– А, да. Свадьба. Она поднялась в гору на моем трамвае и взбесилась из-за погоды, думала, я ее состряпал, и сделала мне предложение, но как-то ночью, после медового месяца, видит, климат от меня не зависит, обросла сосульками, и только я ее и видел. Я никогда теперь не стану таким, как прежде. – Старик вздрогнул.

– Это все?

– То есть как это все?! Вам удавалось когда-нибудь обставить ее два раза из трех?

– Почти, – шепнул я.

Я достал из кармана телефонную книжку Раттиган.

– Мы узнали о вас вот отсюда.

Старик посмотрел на свою фамилию, обведенную красными чернилами.

– Кто мог вас ко мне послать? – Задумавшись, он сделал еще глоток. – Пойдите! Вы вроде как писатель?

– Вроде как.

– Вот оно, ужучил! Как давно вы с ней знакомы?

– Несколько лет.

– Один год с Раттиган – это тысяча и одна ночь. В комнате смеха. Проклятье, сынок. Держу пари, она хочет, чтобы вы написали ее автобиографию, потому и обвела мою фамилию. Начать с меня, Старого Верного.

– Нет.

– Просила вас делать заметки?

– Никогда.

– Черт, а ведь было бы здорово? Кто еще напишет такую дикую книгу, как Констанция? А такую злобную? Бестселлер! Да на вас золотой дождь прольется. Живее вниз, сговорить издателя! Мне за информацию отчисления от прибыли! Идет?

– Отчисления.

– А теперь дайте мне еще «Малломаров» и пива. Мало наболтал, нужно еще?

Я кивнул.

– Там на другом столе... – (На ящике из-под апельсинов.) – Список гостей на бракосочетании.

Перебирая счета на ящике, я нашел листок хорошей бумаги и стал его разглядывать, старик тем временем заговорил:

– Задумывались когда-нибудь, откуда произошло название Калифорния?

– Что это...

– Помолчите. В тысяча пятьсот девятом году испанцы, выступая из Мексики на север, несли с собой книги. В одной, изданной в Испании, шла речь о царице амазонок, которая правила страной изобилия, текущей млеком и медом. Царица Калифия. Страна, где она царила, называлась Калифорнией. Испанцы заглянули в эту долину, увидели молоко, вкусили меда и назвали все это...

– Калифорнией?

– Ну вот, смотрите список гостей.

Я взглянул и прочел:

– Калифия! Бог мой! А мы сегодня пытались ей позвонить. Где она сейчас?

– То же самое хотела знать и Раттиган. Как раз Калифия предсказала, что нам предопределено вступить в брак, но о крушении умолчала. Вот Раттиган и взяла меня за жабры, устроила пир на весь мир с дрянным шампанским, и все из-за Калифии. Явилась сегодня и кричит в конец

газетного туннеля: «Где, черт побери, она живет, ты должен знать!» «Я не виноват! – ору я в ее конец. – Давай, Констанция! Калифия погубила нас обоих. Иди убей ее раз, потом другой. Калифию!»

Выдохшись, мумия упала обратно, на подушку.

– Таковы были ваши слова, – напомнил я. – Сегодня в полдень?

– Около того, – вздохнул старик. – Я послал Раттиган по следу. Надеюсь, найдет проклятую астрологиню и... – Речь его стала невнятной. – А еще «Малломаров»?

Я положил печенье ему на язык. Оно растаяло. Старик зачистил:

– Глядя на меня, кому придет в голову, что у этого чуда-юда без костей лежит в банке полмиллиона. Можете убедиться. Вдыхал жизнь в уолл-стритовские ценные бумаги, которые не померли, а просто впали в спячку. С сорок первого года, через все Хиросимы, Эниветоки^[15] и Никсонов. Прикуплю-ка, думаю, «Ай-би-эм», прикуплю-ка «Белл». И вот заработал себе на хоромы с видом на Лос-Анджелес, удобства, правда, на улице, и «Глендейл маркет» за немалые деньги гоняет ко мне наверх парнишку со «Спамом»^[16], чили в жестянках и водой в бутылках! Жизнь Райли^[17]! Ну что, ребята, достаточно порылись в моем прошлом?

– Почти.

– Раттиган, Раттиган, – продолжал старик. – Клики, шквал аплодисментов – бывало, бывало. В этих газетах ее время от времени поминали. Возьмите по газете в верхушке каждой стопки – четыре справа, шесть слева, все они разные. Наследила на дороге в Марракеш. Сегодня вернулась подчистить за собой.

– Вы в самом деле ее видели?

– Не было надобности. От этого крика Румпельштильцхен разорвался бы пополам^[18], а потом склеился заново.

– Ей нужен был только адрес Калифии и больше ничего?

– И те газеты! Забирай себе и подавись. Это был долгий развод, без конца.

– Можно взять? – Я поднял приглашение.

– Хоть дюжину! Не пришел никто, кроме ее одноразовых приятелей. Она все комкала приглашения и разбрасывала. Говорила: «Всегда можно заказать еще». Забирайте карточки. Утаскивайте газеты. Как, вы сказали, вас зовут?

– Я не говорил.

– Слава богу! На выход! – заключил Кларенс Раттиган.

Мы с Крамли осторожно двинулись меж башен лабиринта,

позаимствовали из восьми штабелей экземпляры восьми разных газет и уже собрались выйти в дверь, но тут дорогу нам преградил малыш, нагруженный коробкой.

– Что принес? – спросил я.

– Бакалею.

– В основном выпивку?

– Бакалею, – повторил мальчик. – Он там еще?

– Не возвращайтесь! – донесся из глубин газетного лабиринта голос фараона Тутта. – Меня не будет дома!

– Ага, он там, – сделал вывод мальчик, заметно побледнев.

– Три пожара и одно землетрясение! Будет еще одно! Я его чую! –

Голос мумии постепенно затих.

Малец поднял глаза на нас.

– Тебе разбираться. – Я отступил.

– Не двигаться, не дышать. – Мальчик перенес через порог одну ногу.

Мы с Крамли не двигались и не дышали.

И он скрылся.

Глава 11

Крамли умудрился развернуть свой драндулет и направить его вниз по склону, не свалившись при этом с обрыва. По дороге глаза у меня наполнились слезами.

– Молчи. – Крамли избегал на меня глядеть. – Не хочу это слышать.

Я сглотнул.

– Три пожара и одно землетрясение. И еще одно приближается!

– Ну хватит! – Крамли въехал по тормозам. – Оставь свои мысли при себе. Новое землетрясение точно на носу: Раттиган! От нас только клочья останутся! Выходи давай, и ножками!

– Я боюсь высоты.

– Ладно! Придержи язык!

Черт-те сколько лиг мы ехали молча. На улице, в окружении машин, я начал одну за другой просматривать газеты.

– Проклятье, – выругался я. – Не понимаю, почему он указал нам именно эти?

– Что ты видишь?

– Ничего. Голый нуль.

– Дай мне. – Крамли схватил газету и стал изучать ее одним глазом, другим следя за дорогой. Начал накрапывать дождь.

– «Эмили Старр, смерть в двадцать пять лет^[19]», – прочитал он.

Машину стало сносить, и я крикнул:

– Осторожней!

Крамли просмотрел следующую газету:

– «Коринн Келли разводится с фон Штернбергом^[20]».

Он забросил газету за спину.

– «Ребекка Стэндиш помещена в больницу. Быстро угасает».

Газета последовала за предыдущей.

– «Женевьев Карлос выходит замуж за сына Голдвина^[21]». Да?

Под стук дождя я протянул ему еще три газеты. Все они полетели на заднее сиденье.

– А ведь он уверял, что не спятил. Как же?

Я перетасовал газеты.

– Мы что-то пропускаем. Не стал бы он за здорово живешь их держать.

– Разве? Яблочко к яблочку, свояк свояка, психи тоже кучкуются.

– С чего бы это Констанция... – Я замолчал. – Погоди.

– Гожу. – Крамли стиснул руль.

– Внутри, страница светской хроники. Большая фотография. Констанция, боже мой, моложе на двадцать лет, и мумия, наш давешний знакомец, но молодой, не иссохший и собой приятный, их венчание, с одной стороны Марти Кребс, помощник Луиса Б. Майера^[22], а с другой – Карлотта Ц. Калифия, известный астролог!

– Которая сказала Констанции устроить свадьбу на Маунт-Лоу. Астролог предсказывает, Констанция берет под козырек. Найди страницу про похороны.

– Похо?..

– Найди! Что ты видишь?

– Святы-братья! Ежедневный гороскоп и имя – Царица Калифия!

– Что там за прогноз? Хороший? Безобидный? Подходящий день, чтобы разбить сад или оженить лоботряса? Читай!

– «Счастливая неделя, счастливый день. Принимайте все предложения, от крупных до мелких». Так, что дальше?

– Нам необходимо найти Калифию.

– Зачем?

– Не забывай, ее фамилия тоже обведена красным кружком. Нужно повидаться с Калифией, пока не произошло какое-нибудь несчастье. Красный крестик означает смерть и похороны. Да?

– Нет, – возразил Крамли. – Старый Тутанхамон на горе все еще трепыхается, а он помечен и кружком, и крестиком!

– Но он чувствует, что кто-то до него добирается.

– Кто – Констанция? Это чудо с пальчик?

– Ладно, старик цел. Но это не значит, что Калифия тоже жива. Старый Раттиган мало что нам поведал. Может, от Калифии будет больше толку. Все, что нам требуется, это адрес.

– И это все? Слушай. – Крамли внезапно свернул на обочину и вышел из автомобиля. – Большинству не приходит в голову, вот и Констанции не пришло и нам тоже. Кое-куда мы не заглянули. «Желтые страницы»! Ну не кретины? «Желтые страницы»!

Он пересек тротуар, вошел в телефонную будку и стал листать потрепанный телефонный справочник, вырвал страницу, сунул книгу обратно.

– Телефонный номер старый, недействительный. Но, может, узнаем адрес астрологини.

Он сунул страницу мне под нос. Я прочел: ЦАРИЦА КАЛИФИЯ.

Хиромантия. Френология. Астрология. Египетская Некрология. Твоя жизнь – моя. Добро пожаловать.

И уличное заведение под знаком зодиака.

– Ага! – Грудь Крамли лихорадочно вздымалась. – Констанция навела нас на египетскую древность, а древность ссылается на Калифию, которая сказала Констанции: выходи за него!

– Это нам неизвестно!

– Черта с два неизвестно. Выясним.

Он включил передачу, и мы поспешно отправились выяснять.

Глава 12

Мы миновали «Центр аномальных исследований царицы Калифии», мертвую точку Банкер-Хилла. Крамли бросил на нее кислый взгляд. Я кивнул, обращая его внимание на более приятный для него объект: ПОХОРОННОЕ БЮРО КАЛЛАХАНА И ОРТЕГИ.

Крамли ободрился.

– Как домой вернулся, – признал он.

Наш драндулет остановился. Я вышел.

– Идешь? – спросил я.

Крамли, не снимая рук с руля, глядел в ветровое стекло, словно продолжал вести машину.

– Как так, – проговорил он, – весь мир, похоже, старится вместе с нами?

– Идешь? *Ты мне нужен.*

– Посторонись.

Поднявшись по крутым бетонным ступенькам, он двинулся было по дорожке из растрескавшегося цемента, но остановился, обозрел большой белый дом, похожий на ветхую птичью клетку, и произнес:

– На вид настоящая недопекарня, где стряпают печенье с дурными предсказаниями внутри.

Мы пошли дальше. На пути нам встретились кошка, белая коза и павлин. Когда мы поравнялись с птицей, она распустила хвост, подмигивая тысячью глазков. Мы остановились у парадной двери. Я постучал, и мне заporошил ботинки неожиданный снегопад из чешуек краски.

– Если дом держался на этом, его дни сочтены, – заметил Крамли.

Я постучался костяшками пальцев. Судя по шуму, внутри катили по паркету массивный передвижной шкаф. В дверь толкнулось с той стороны что-то тяжелое.

Я снова поднял руку, но изнутри донесся визгливый, словно воробьиный, крик:

– Убирайтесь!

– Я просто хотел...

– Убирайтесь!

– Пять минут, – взмолился я. – Четыре, две, одну, бога ради. Мне нужна ваша помощь.

– Нет, – выкрикнул пронзительный голос, – это я нуждаюсь в вашей!

Мой мозг завертелся, как Ролодекс. Я услышал голос мумии. И повторил его слова:

– Задумывались когда-нибудь, откуда произошло название Калифорния?

Тишина. Высокий голос перешел на шепот:

– Черт.

Загремел один замок, второй, третий.

– Никто не знает про Калифорнию. *Никто.*

Дверь немного приоткрылась.

– Ладно, давайте, – послышалось оттуда.

Наружу просунулась большая пухлая рука, похожая на морскую звезду.

– Кладите сюда!

Я положил свою ладонь в ее.

– Наоборот.

Я перевернул ладонь внутренней стороной наверх.

Ее рука схватила мою.

– Спокойно.

Ее рука помассировала мою; большой палец проследил линии на моей ладони.

– Не может быть, – шепнула она.

Более спокойными движениями она ощупала бугорки под пальцами.

– Да, – вздохнула она.

И потом:

– Вы помните свое рождение!

– Откуда вам это известно?

– Наверное, вы седьмой сын седьмого сына!

– Нет, я единственный, без братьев.

– Боже. – Ее рука подпрыгнула в моей. – Вы будете жить вечно!

– Так не бывает.

– С вами будет. Не с телом. А с тем, что вы делаете. Чем вы занимаетесь?

– Я думал, моя жизнь у вас как на ладони.

Она фыркнула.

– Господи. Актер? Нет. Внебрачный сын Шекспира.

– У него не было сыновей.

– Тогда Мелвилла^[23]. Незаконный отпрыск Германа Мелвилла.

– Если бы.

– Это так.

Я услышал скрип колес: от входа откатили большой груз. Двери медленно растворились.

В дальний конец комнаты укатился по паркету трон на колесиках с необъятных размеров женщиной в необъятной царской мантии из темно-красного бархата. Она подъехала к столу, где в свете зелено-янтарной лампы от «Тиффани»^[24] сверкали сразу четыре хрустальных шара. Внутри гороподобной, в три сотни фунтов, туши сидела, просвечивая нас рентгеновским взглядом, Царица Калифия, астролог, хиромант, френолог, знаток прошлого и будущего. В тени вырисовывался громоздкий несгораемый шкаф.

– Я не кусаюсь.

Я перешагнул порог. Крамли последовал за мной.

– Но дверь оставьте открытой, – добавила она.

Во дворе закричал павлин, и я осмелился протянуть другую руку.

Царица Калифия, словно обжегшись, дернулась назад.

– Знаете Грина, романиста? – с придыханием спросила она. – Грэма Грина^[25]?

Я кивнул.

– У него описан священник, потерявший веру. Потом случается чудо, и совершает его этот самый священник. Вновь уверовав, священник едва не умер от потрясения.

– Да?

– Да. – Она не сводила взгляда с моей ладони, словно та существовала отдельно от руки. – Боже.

– Это происходит сейчас с вами? – спросил я. – То же, что с тем священником?

– О господи!

– Вы потеряли веру, дар исцеления?

– Да, – пробормотала гадалка.

– А сейчас, в эту минуту, ваши способности к вам вернулись?

– Черт возьми, да!

Я отнял у нее свою ладонь и притиснул к груди.

– Как вы об этом догадались?

– Это не догадка. Меня как током шарахает.

Она косила глаза на свадебное приглашение и газету у меня в протянутой руке.

– Вы поднимались к нему, – сказала Калифия.

– Вы заметили. Это нечестно.

Она улыбнулась краем губ и фыркнула.

– Народ отскакивает рикошетом от него и попадает ко мне.

– Думается, не так уж часто это происходит. Можно сесть? А то я свалюсь с ног.

Она кивком указала на стул, стоявший на безопасном расстоянии в несколько футов. Я опустился на сиденье.

Крамли, на которого никто не обращал внимания, недовольно хмурился.

– Вы говорили о Раттигане? – напомнил я. – Его редко кто навещает. Никому не известно, что он жив и обитает на Маунт-Лоу. Но сегодня туда кто-то поднимался, старик слышал крики.

– Она кричала? – Охваченная воспоминаниями, гора мяса, казалось, начала расплываться. – Я ее не впустила.

– Ее?

– Нет ничего глупее, – Царица Калифия бросила взгляд на магические кристаллы, – чем провидеть чье-то будущее и сдуру выдавать это людям. Я даю намеки, а не факты. Не учу, какие покупать ценные бумаги и какую выбрать подружку. Диета – это да, я торгую витаминами, китайскими травами, но не долголетием.

– Только что торганули.

– Вы – это другое дело. – Она подалась вперед. Колеса под массивным креслом взвизгнули. – Перед вами лежит будущее. Никогда я не видела будущее так ясно. Но вам грозит ужасная опасность. Я все время вижу, что вам назначено жить, однако кто-то может вас уничтожить. Остерегайтесь!

Прикрыв глаза, она долго молчала, потом спросила:

– Вы ее друг? Вы знаете, о ком я.

Я ответил:

– И да, и нет.

– Так все говорят. Характер у нее противоречивый, нрав буйный.

– О ком вы ведете речь?

– Не будем уточнять. Я ее не впустила. Час назад.

Я взглянул на Крамли:

– Взяли след, догоняем.

– Уточнять не будем, – повторила Калифия. – Орала она так, что я подумала, может, у нее при себе нож. «Нипочем тебя не прощу, – визжала. – Ппустила нас не по тому маршруту: где надо наверх, у тебя вниз, где надо найти, у тебя – теряй. Чтобы тебе в аду гореть!» Потом, слышу, отъезжает. Этой ночью я вообще не засну.

– А не говорила ли она, – дикий вопрос, – куда собирается дальше?

– Никакой не дикий. Сперва она побывала у этого старого дурня с Маунт-Лоу, она его бросила после единственной неудачной ночи, потом у меня, ведь я ее подтолкнула, на очереди, похоже, несчастный обалдуй, что совершил обряд? Хочет собрать нас всех вместе да и скинуть с утеса!

– На это она не способна.

– Откуда вы знаете? Сколько у вас за жизнь было женщин?

– Одна, – сконфуженно пролепетал я наконец.

Царица Калифия промокнула лицо огромным, с полгруды, платком, успокоилась и начала медленно приближаться, продвигая кресло на колесиках грациозными толчками невероятно крохотных тuffелек. Я не сводил с нее глаз, поражаясь контрасту между миниатюрными ступнями и обширным пространством верха, над которым маячило большое лунообразное лицо. Мне чудился дух Констанции, утонувший под этой массой плоти. Царица Калифия закрыла глаза.

– Она вас использует. Вы ее любите?

– Забочусь.

– Держите ухо востро. Она вас просила сделать ей ребенка?

– Так буквально – нет.

– Просить не просит, а мертворожденные выблядки получают. По всему Лос-Анджелесу с окрестностями, на вшивом Голливудском бульваре, в Мейнском тупике. Сожгите ее постель, пепел развейте и пригласите священника.

– Какого, откуда?

– Я вас с ним сведу. Теперь... – Произносить имя ей не хотелось. – Наша приятельница. Она вечно пропадает. Одна из ее уловок, пусть все из-за нее стоят на ушах. С ней достаточно час провести, чтобы встать на уши. До уличных беспорядков дело доходит. Знаете игру в дядю Уиггили? Там дядя Уиггили говорит: прыг да скок, прыг да скок, назад к Курятнику бегом!

– Но я ей *нужен!*

– Ничего подобного. Ее хлебом не корми, дай кому-нибудь напакостить. Блаженны паскудники, которым паскудство в радость. Она вас с потрохами сожрет. Будь она здесь, ей-богу, переехала бы ее каталкой. Наверное, из-за нее и Рим пал. А, черт, – добавила она, – дайте-ка я снова гляну на вашу ладонь. – Массивное кресло закрипело. Стена плоти угрожающе надвинулась.

– Вы собираетесь взять назад то, что увидели у меня на ладони?

– Нет. Я умею только видеть, что там написано. После этой жизни вас ждет другая. Газету порвите. Свадебное приглашение – в огонь. Уезжайте

из города. Скажите ей, пусть сдохнет. Но не при встрече, а по телефону. Ну все, на выход!

– Куда мне теперь?

– Господи, прости. – Закрыв глаза, она прошептала: – Проверьте свадебное приглашение.

Я поднял карточку и всмотрелся.

– Шеймас Брайан Джозеф Раттиган, священник, собор Святой Вибианы.

– Скажите ему, его сестра в аду, причем дважды, пусть пришлет святой воды. Ну, проваливайте! У меня своих дел полно.

– Каких примерно?

– Сблевать.

Я зажал отца Шеймаса Брайана Раттигана в потной ладони, попятился и натолкнулся на Крамли.

– А вы кто? – Калифия наконец заметила моего спутника.

– Я думал, вы знаете, – отозвался он.

Мы вышли и закрыли за собой дверь.

Дом дрогнул под весом Калифии.

– Предупредите ее, – крикнула она, – чтобы не вздумала вернуться!

Я взглянул на Крамли.

– О *твоем* будущем она ничего не сказала!

– Слава Тебе, Господи, за малые милости Твои.

Глава 13

Мы сошли по крутым бетонным ступеням, и у машины, при бледном лунном свете, Крамли посмотрел мне в лицо.

- Что это у тебя с физиономией?
- Только что я присоединился к церкви!
- Влезай, бога ради!

Дрожа всем телом, я сел в автомобиль.

- Куда?
- В собор Святой Вибианы.
- Ну и ну!

Он включил зажигание.

– Нет, – выдохнул я. – Еще одной очной ставки мне не выдержать. Домой, Джеймс, душ, три пива и на боковую. Констанцию словим утром.

На неспешном ходу мы миновали Каллахана и Ортегу. Крамли выглядел почти счастливым.

Перед душем, пивом и постелью я наклеил на стену у изголовья семь или восемь первых газетных полос – вдруг проснусь ночью и захочется напрячь мозги.

Все фамилии, фотографии, крупные и мелкие заголовки, сохраненные по загадочным и не столь загадочным причинам.

– Чтоб мне провалиться! – фыркнул у меня за спиной Крамли. – Собрался ломать голову над новостями, которые превратились в пшик, едва успев выйти из печати?

– Где-нибудь к утру они не иначе как отвалятся от стены, скользнут мне под веки и засядут в вязком, творческом отделе мозга.

– Творческий отдел! Японское бусидо! Американская мура! Думаешь, когда это старье съедет, как твоя крыша, оно куда-то двинется?

– Почему бы и нет? Если хочешь выдать, сначала нужно в себя вобрать.

– Подожди, пока я это прикончу. – Крамли выпил пиво. – Ляжешь с дикобразами, встанешь с пандами? – Он кивнул в сторону многочисленных фотоснимков, фамилий, жизней. – Констанция там где-нибудь есть?

– Не на виду.

– Отправляйся в душ. Я посторожу некрологи. Если они шевельнутся, я заору. А не хлебнуть ли нам напоследок «маргариты»^[26]?

– Я уж не ждал, что ты предложишь.

Глава 14

Нас ждал собор Святой Вибианы. В центре Лос-Анджелеса. Скид-роу^[27]. В полдень мы двинулись на восток, избегая главных проспектов.

– Видел когда-нибудь У. К. Филдза^[28] в «Если бы у меня был миллион»? Купил несколько покореженных «фордиков», чтобы бодать лихачей. Супер, – проговорил Крамли. – Вот почему я терпеть не могу магистрالی. Хочется кого-нибудь расколошматить. Ты слушаешь?

– Раттиган, – сказал я. – Думал, я ее знаю.

– Черт. – Крамли улыбнулся краешком губ. – Да никого ты не знаешь. Ты поросенка от ваксы не отличишь, куда тебе написать великий американский роман. Навоображаешь личность, где ее и близко не лежало, вот и прут из-под пера волшебные принцы и добродетельные молочницы. Правда, большинство писателей и этого не умеет, так что твоя тягомотина сходит на безрыбье. А собачье дерьмо пусть реалисты подбирают.

Я молчал.

– Знаешь, в чем твоя беда? – рявкнул Крамли, но тут же смягчил тон. – Ты любишь людей, которые этого не заслуживают.

– Вроде тебя, Крам?

Он задумался.

– Нет, я ничего, – признал он. – Дырок во мне, что в твоём решете, но содержимое осталось. Поберегись! – Крамли стукнул по тормозам. – Поповский домашний очаг!

Я бросил взгляд в окошко: собор Святой Вибианы стоял на давно заброшенной Скид-роу, где жизнь протекала замедленным темпом.

– Боже, вот где нужно было в свое время поселиться. Пойдешь внутрь?

– Гром и молния, нет! – отказался Крамли. – Меня в двенадцать лет выставили с исповеди: не с теми женщинами знался.

– Будешь еще когда-нибудь причащаться?

– Перед смертью. Ну, выпрыгивай, красавчик. От Царицы Калифии к царице ангелов.

Я выбрался наружу.

– Прочти за меня «Аве Мария», – проговорил мне в спину Крамли.

Глава 15

В соборе, сразу после полудня, было пусто, явившийся священник застал около исповедальни одну-единственную кающуюся, которую знаком пригласил войти.

Увидев его лицо, я понял, что попал по адресу.

Когда женщина вышла, я, потеряв от смущения дар речи, нырнул в противоположную кабинку.

В зарешеченном оконце двигалась тень.

– Да, сын мой?

– Простите, отец, – выпалил я. – Калифия.

Послышалось проклятие, вторая дверь исповедальни со стуком распахнулась. Я приоткрыл свою дверь. Священник отшатнулся, словно от выстрела.

Раттиган, дежа вю. Но не гибкая женщина, девяносто пять фунтов загорелой, коричневой, как тюленья шкура, плоти, а ее подобие – ходячий скелет, вешалка, флорентийский священник эпохи Ренессанса. Внутри прятались кости Констанции, но плоть, их облачавшая, была бледней черепа, уста священника алкали спасения, а не скоромного стола с ночлегом. Тут был Савонарола^[29], моливший Господа простить его неистовые речи, и Господь безмолвный, с духом Констанции, горящим в очах и взирающим из черепа.

Расколотый надвое отец Раттиган убедился, что, помимо произнесенного мною слова, другой опасности от меня не исходит, мотнул головой в сторону ризницы, впустил меня внутрь и закрыл дверь.

– Вы ее друг?

– Нет, сэр.

– Хорошо! – Он запнулся. – Садитесь. У вас пять минут. Меня ждет кардинал.

– Тогда вам нужно идти.

– Пять минут, – произнесла Констанция под маской своего близнеца. – Ну?

– Я только что побывал у...

– Калифии. – В голосе отца Раттигана послышалось подавленное отчаяние. – Царица. Посылает сюда людей, которым не сумела помочь. У нее своя вера, от моей отличная.

– Констанция опять исчезла, отче.

– *Опять.*

– Так сказала Царица, то есть Калифия.

Я протянул отцу Раттигану Книгу мертвых. Он перелистал ее.

– Откуда она у вас?

– От Констанции. Сказала, кто-то ей прислал. Чтобы напугать, навредить – бог знает для чего. То есть только ей известно, вправду ли это так страшно.

– Подозреваете, она прячется просто из вредности? – Он задумался. – У меня самого в мозгу двоится. Но были же такие, кто *тогда* сжег Савонаролу, а *теперь* прославляет. Странное дело: святость и греховность в одном лице.

– Но ведь подобное бывает, отче? – осмелился я заметить. – Немало грешников сделались святыми, да?

– Что вам известно о Флоренции тысяча четыреста девяносто второго года, когда Савонарола заставил Боттичелли сжечь свои картины?

– Мне известен *единственный* век, сэр... отче. Тогда Савонарола, теперь Констанция...

– Если бы Савонарола был с ней знаком, он бы покончил с собой. Нет, нет, дайте подумать. У меня с рассвета ничего не было во рту. Тут есть хлеб и вино. Давайте заморим червячка, а то я свалюсь.

Отец-благодетель извлек из стенного шкафа каравай и кувшин, и мы сели за стол. Священник преломил хлеб и налил себе малую толику, а мне побольше, каковую я принял с радостью.

– Баптист?

– Как вы догадались?

– Об этом я лучше промолчу.

Я осушил стакан.

– Вы мне поможете с Констанцией, отче?

– Нет. О господи, господи, может быть.

Он налил мне еще вина.

– Вчера ночью... *Возможно* ли? Я припозднился в исповедальне. Словно бы ждал кого-то. Но вот к полуночи вошла женщина и долго молчала. Наконец, как Иисус, воззвавший к Лазарю, я настоял, и она расплакалась. Высказала все. Грехи возами и тележками, грехи за последний год, десять, тридцать лет; остановиться не могла, дальше и дальше, от ночи к ночи страшнее, потом она замолкла, и я уж собрался дать наставление, пусть читает «Аве Мария», но слышу, она убегает. Сунулся в кабинку, но там только запах остался. Боже мой, боже.

– Духи вашей сестры?

– Констанции? – Отец Раттиган откинулся на спинку стула. – Тысячу раз проклятые, эти духи.

Вчера ночью, подумал я. Наступали на пятки. Что ж мы вчера-то не поехали.

– Вам, наверное, пора идти, отче, – заметил я.

– Кардинал подождет.

– Ну хорошо, вы мне позвоните, если она вернется?

– Нет. Священник что адвокат, сведения о клиентах должен держать в секрете. Вас это так расстроило?

– Да. – Я рассеянно стал крутить на пальце обручальное кольцо.

Отец Раттиган это заметил.

– Ваша жена обо всем этом знает?

– В общих чертах.

– Похоже на гедонистическую мораль.

– Моя жена мне доверяет.

– Для жен это характерно, благослови их Господь. Вы считаете, моя сестра достойна спасения?

– А вы так не считаете?

– Бог мой, я оставил всякую надежду, когда сестра назвала искусственное дыхание рот в рот позицией из Камасутры.

– Констанция! И все же, отче, если она снова появится, не могли бы вы набрать мой номер и повесить трубку? Я пойму, что вы мне даете знак.

– В такте вам не откажешь. Дайте мне ваш телефон. Я вижу в вас не столько баптиста, сколько порядочного христианина.

Я дал ему два номера, и свой, и Крамли.

– Всего один звонок, отче.

Священник всмотрелся в наши номера.

– Все мы живем на откосе. Но некоторые чудом пускают корни. Не ждите. Вдруг телефон не прозвонит. Но я дам ваш номер и своей помощнице, Бетти Келли, на всякий случай. Почему вы это делаете?

– Она катилась в пропасть.

– Смотрите, как бы она не увлекла за собою и вас. Мне стыдно это говорить. В детстве она выкатилась на роликах на середину улицы и остановилась среди машин – ради смеха.

Он утавил на меня пристальный, светящийся взгляд.

– Только почему я вам об этом рассказываю?

– Это мое лицо.

– Что-что?

– Лицо. Я гляделся в зеркало, но поймать себя не сумел. Выражение

непрерывно меняется, не уловишь. Прямо-таки смесь младенца Иисуса и Чингисхана. У друзей ум за разум заходит.

Это помогло священнику немного расслабиться.

– *Idiot savant*^[30], так можно сказать?

– Почти что. У школьных задир от одного моего вида чесались кулаки.

Но вы что-то говорили?

– Разве? Ах, да, если та крикунья была Констанцией – голос как будто был не ее, – она отдала мне распоряжения. Представляете, священнику – распоряжения! Назначила срок. Сказала, что вернется через двадцать четыре часа. Я должен буду простить ей все прегрешения, безвозвратно и окончательно. Словно в моей власти выдать такое оптовое отпущение. Я сказал, она должна простить себя сама и просить других о прощении. Бог любит тебя. Ничего подобного, ответила она. И сгнула.

– Она и вправду вернется?

– С двумя голубками на плечах или с громом и молнией.

Отец Раттиган проводил меня к порталу собора.

– А как она выглядит?

– Как сирена, что заманивает в пучину обреченных мореходов.

– А вы – бедный обреченный мореход?

– Нет, я просто человек, который пишет о жителях Марса, отче.

– Надеюсь, они счастливее, чем мы. Погодите! Бог мой, она еще кое-что сказала. Что вступает в новую церковь. И может, больше не станет мне докучать.

– Что за церковь, отче?

– Китайская. Китайская и Граумана. Церковь, ну да!^[31]

– Для многих это и есть церковь. Вы там бывали?

– Смотрел «Царя царей»^[32]. Внешний двор произвел на меня большее впечатление, чем фильм. Судя по виду, вам не терпится сорваться с места и бежать.

– В новую церковь, отче. Китайскую. Граумана.

– Избегайте следов на зыбучем песке. Там сгнуло немало грешников.

Какой фильм сейчас крутят?

– Эббота и Костелло в «Джеке и бобовом стебле»^[33].

– Плачевно.

– Плачевно. – Я рванул к выходу.

– Не забудьте о зыбучем песке! – Крик отца Раттигана достиг меня уже за дверью.

Глава 16

По пути в другой конец города я чувствовал себя воздушным шаром, наполненным Большими Надеждами. Крамли все время пихал меня в локоть: спокойней, спокойней. Но мы *должны* были добраться до этой другой церкви.

– Церковь! – бормотал Крамли. – С каких это пор двойной киносеанс, помимо всего прочего, стал заменять Отца, Сына и Святого Духа?

– «Кинг-Конг»! С той самой поры! Тридцать второй год! Фэй Рэй поцеловала меня в щеку.

– Елки-палки. – Крамли включил автомобильное радио.

«...В полдень... – сказал голос. – На горе Лоу...»

– Слушай! – В животе у меня похолодело.

Голос продолжал: «Смерть... полиция... Кларенс Раттиган... жертва... – Статический разряд. – Нелепый случай... жертва раздавлена, раздавлена старыми газетами. Помните братьев из Бронкса? Как накопленные штабеля газет обрушились и похоронили их под собой? Газеты...»

– Выключи.

Крамли выключил радио.

– Бедная заблудшая душа, – сказал я.

– Такая ли заблудшая?

– Заблудшая, не пропащая же.

– Хочешь завернуть туда?

– Ага, – выдавил я из себя, шмыгая носом.

– Ты совсем его не знал, – проговорил Крамли. – Что ты так раскис?

Место происшествия покидал последний полицейский автомобиль. Фургон из морга давно уже отъехал. У подножия Маунт-Лоу стоял единственный мотоцикл с полицейским. Крамли высунулся из окошка.

– Наверх нельзя?

– Пока я здесь – нельзя. Но я уже уезжаю, – отозвался полисмен.

– Репортеры были?

– Нет, не стоит того.

– Ага, – кивнул я и снова шмыгнул носом.

– Ладно, ладно, – проворчал Крамли, – погоди, пока я поставлю, как надо, автомобиль, а потом хоть наизнанку выворачивайся.

Я подождал и молча выпал в осадок.

Полицейский на мотоцикле уехал, день уже клонился к вечеру, началось медленное восхождение к руинам Карнакского храма и Долины Царей, к потерянному Каиру – так я назвал это по дороге.

– Лорд Карнарвон отрыл царя, а мы царя хороним. От такой могилы и я бы не отказался.

– Булл Монтана, – сказал Крамли. – Он был ковбой-борец. Булл.

На вершине холма обнаружили не руины, а гигантская пирамида из газет, которую ворошил бульдозер с каким-то невеждой за рулем. Парень, оседлавший колесный агрегат, не имел понятия о том, какой собирает урожай: протесты Херста^[34] в двадцать девятом, излияния Маккормика в «Чикаго трибьюн»^[35] за тридцать второй. Рузвельт, Гитлер, Бэби Розмари^[36], Мари Дресслер^[37], Эйми Семпл Макферсон^[38] погребены заново и никогда уже не заговорят. Я выругался.

Крамли пришлось схватить меня за рукав, чтобы я не выпрыгнул наружу за «ПОБЕДОЙ В ЕВРОПЕ, или ГИТЛЕР НАЙДЕН МЕРТВЫМ В БУНКЕРЕ» или «ЭЙМИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С МОРЯ».

– Не дергайся! – пробормотал Крамли.

– Да ты посмотри, что он творит с этими бесценными сокровищами! Пусти, чтоб тебя!

Я ринулся к куче и схватил две или три первые полосы.

На одной Рузвельт победил на выборах, на другой он скончался, на третьей его выбрали снова, и еще были Перл-Харбор и Хиросима в самом начале.

– Господи Иисусе, – прошептал я, прижимая к ребрам офигенную находку.

Крамли подобрал «Я ВЕРНУСЬ, ГОВОРIT МАКАРТУР»^[39].

– Понял тебя, – кивнул он. – Пусть он был ублюдок, но лучшего императора Япония не знала.

Водитель беспощадного жатвенного агрегата остановил его и уставился на нас, словно обнаружил новую кучу хлама.

Мы с Крамли отпрыгнули назад. Водитель пропахал борозду к грузовику, где уже были навалены «МУССОЛИНИ БОМБИТ ЭФИОПИЮ», «СМЕРТЬ ЭЛА ДЖОЛСОНА»^[40], «СВАДЬБА ДЖАНЕТТ МАКДОНАЛЬД».

– Пожароопасно! – выкрикнул он.

Я наблюдал, как низвергается в мусорку поток времени – пятьдесят лет.

– Сухая трава и газетная бумага – легковоспламеняющиеся

материалы, – задумался я. – Боже мой, боже, что, если...

– Что если что?

– Когда-нибудь в будущем люди станут использовать газеты или книги, чтобы *разжечь* огонь?

– Уже используют, – фыркнул Крамли. – Мой отец, бывало, подпихнет под угли в печке газету и подожжет спичкой.

– Хорошо, а насчет *книг*?

– Только идиоту придет в голову воспользоваться для этого книгой. Погоди. Эта твоя мина значит обычно, что ты задумал сочинить десятитонную энциклопедию.

– Нет, – заверил я. – Может, историю с героем, от которого пахнет керосином.

– Тот еще герой.

Мы прошли через убийственное поле с рассыпанной по нему половиной столетия: дни, ночи, годы. Газеты хрустели под ногами, как сухой корм.

– Иерихон, – заметил я.

– Кто-то явился с трубой и сотряс воздух?

– Трубой или воплем. Воплей в последнее время хватало. И у царицы Калифии, и здесь, у царя Туты.

– А еще этот священник, Раттиган, – проговорил Крамли. – Разве Констанция не постаралась обрушить криком его церковь? Но, черт, гляди, мы стоим на Омаха-Бич, в Нормандии, под ногами у нас черчиллевский театр военных действий, а в руках окаянный зонтик Чемберлена^[41]. Впитываешь это в себя?

– Погрузился по самые уши. Интересно, что чувствовал старик Раттиган в последнюю секунду, утопая в этом потоке. Фалангисты Франко, гитлерюгенд, сталинисты, беспорядки в Детройте, мэр Лагуардия^[42], читающий воскресные комиксы, – ну и смерть!

– Плюнь на это. Гляди.

Из подобия кошачьего туалета (куча «БИРЖЕВЫХ КРАХОВ» И «ЗАКРЫТИЙ БАНКА») торчал остаток смертного одра Кларенса Раттигана. Я подобрал последний макулатурный листок. На театральной страничке танцевал Нижинский.

– Пара психов, – сказал Крамли. – Нижинский и старый Раттиган, который сберег эту рецензию!

– Потрогай свои глаза.

Крамли коснулся пальцем влажного века.

– Черт, – воскликнул он. – Это кладбище. Валим отсюда!

Я схватил «ТОКИО ЗАПРОСИЛ МИРА...».

Потом я направился к побережью.

Крамли подвез меня к моему старому обиталищу на берегу, но тут вновь хлынул дождь, и, поглядев на грозный океан, я представил себе, как в полночь в мою дверь постучится шторм, неся с собой мертвую Констанцию и другого Раттигана, тоже неживого, и сокрушит мою постель потоком дождя и водорослей. Черт! Я сдернул со стены газеты Кларенса Раттигана.

Крамли отвез меня обратно в мой пустой стандартный домик в коттеджном поселке, вдали от бурного океана, водрузил на столик у изголовья водку (эликсир Крамли), оставил включенным свет, пообещал, что позднее позвонит проверить, как я себя веду, и уехал.

По крыше барабанила дробь. Кто-то заколачивал крышку гроба. Я позвонил, и с той стороны дождевого материка до меня донесся голос Мэгги. «Похоже, кто-то плачет?» – спросила она.

Глава 17

Поздно вечером зазвонил телефон.

– Знаешь, который уже час? – спросил Крамли.

– Боже правый, ночь!

– Как ты болезненно реагируешь на покойников. Отрыдал уже свое? Терпеть не могу истеричек с глазами на мокром месте и недоносков с «клинексом»^[43] наготове.

– Ты, что ли, меня вынашивал?

– В душ давай, зубы чисти и не забудь газету взять с веранды. Я звонил, но ты не отзывался. Царица Калифия предсказала тебе судьбу? О своей бы лучше позаботилась.

– Она?..

– Ровно в полвосьмого я отчаливаю на Банкер-Хилл. Выходи с мытой шеей, в свежей рубашке и при зонтике.

Я вышел с мытой шеей, в свежей рубашке и при зонтике в семь двадцать девять. В машине Крамли поднял мне подбородок и придирчиво осмотрел физиономию.

– Гляди, гроза прошла!

Мы погромыхали к Банкер-Хиллу.

Вывеска Каллахана и Ортеги вызвала неожиданно иные, чем прежде, чувства.

Ни полицейских автомобилей, ни фургона из морга на месте не было.

– Знаешь шотландский эль – «Старый особенный»? – спросил Крамли, когда мы подкатили к обочине. – Удивляет меня эта особенная тишина и спокойствие.

Я проглядел газету у себя на коленях. Калифия не попала на первые полосы. Ее засунули поближе к некрологам.

«Известный медиум, прославленная в немом кино, погибла, упав с лестницы. Альму Краун, иначе Царицу Калифию, обнаружили на ступенях ее дома на Банкер-Хилле. По сообщениям соседей, они слышали крик павлина, принадлежавшего Калифии. Доискиваясь, что случилось, Калифия упала. Ее книга «Химия хиромантии» в 1939 году была бестселлером. Согласно завещанию, пепел Калифии надлежит рассеять в египетской Долине Царей, где, как утверждают некоторые, она родилась».

– Чушь собачья, – заметил Крамли.

На передней веранде дома Царицы Калифии кто-то стоял, и мы

направились туда. Это была молодая женщина, двадцати с чем-то лет, с длинными темными волосами и смуглая, как цыганка; заламывая руки и проливая потоки слез, она смотрела на парадную дверь.

– Ужас, – стонала она. – Кошмар.

Я открыл дверь и заглянул внутрь.

– О боже, ну и ну.

Последним опустошение обозрел Крамли.

В доме не осталось ничего. Исчезли все до одной картины, магические шары, карты таро, лампы, книги, пластинки, мебель. Неведомый фургон от неведомого перевозчика вывез все, что тут было.

Я прошел в небольшую кухоньку, открыл ящики. Пусто, как после пылесоса. Кладовая для продуктов: ни пряностей, ни фруктовых консервов. В буфете хоть шаром покати; несчастной девушке нечем даже поужинать.

В шкафу в спальне полно плечиков, но гигантских, с палатку, платьев, чулок, обуви словно и не бывало.

Мы с Крамли вышли посмотреть на юную цыганку.

– Я все видела! – крикнула она, указывая то туда, то сюда. – Это они все украли! Бедные все. Тоже мне оправдание! Бедные! Когда уехала полиция, набежали с той стороны улицы, сбили меня с ног, старухи, мужчины, дети, вопили, хохотали, бегом туда-обратно, волокут стулья, портьеры, картины, книги. Хвать одно, хвать другое! Фиеста! Час – и ободрали все до нитки. Они туда побежали, в тот дом! Боже мой, а хохоту. Смотрите, мои руки, кровь! Вам нужно барахло Калифнии? Стучитесь в двери! Вы уйти хотите?

Мы с Крамли сели рядом с девушкой. Крамли взял ее левую руку, я – правую.

– Сукины дети, – всхлипнула она. – Сукины дети.

– Дело кончено, – сказал Крамли. – Вам можно идти домой. Охранять больше нечего. Внутри пусто.

– Там *она*. Тело унесли, но она все еще там. Подожду, пока она меня отпустит.

Мы оба поверх ее плеча бросили взгляд на дверь-ширму и некую невидимую, но объемистую тень.

– Откуда вы узнаете, что она позволяет уйти?

Цыганка вытерла глаза.

– Узнаю.

– А ты куда собрался? – спросил Крамли.

Я направился на ту сторону улицы и постучал в дверь дома напротив.

Тишина. Я постучал снова.

Взглянул в боковое оконце. Посреди комнаты, куда мебель обычно не ставят, просматривались очертания мебели, слишком много ламп, свернутые ковры.

Я лягнул дверь, выругался, вышел на середину улицы и собирался покричать у каждой двери, но тут цыганка тихонько тронула меня за рукав.

– Теперь я могу идти, – сказала она.

– Калифия?

– Позволила.

– Куда? – Крамли кивнул в сторону своего автомобиля.

Девушке трудно было оторвать взгляд от дома Калифии, для нее это был центр всей Калифорнии.

– У меня есть друзья, они живут на Ред-Рустер-Плаза. Не могли бы вы...

– Могу, – отозвался Крамли.

Цыганка оглянулась на таявший в воздухе царский дворец.

– Завтра я вернусь, – крикнула она.

– Она знает, что вернетесь, – кивнул я.

Мы миновали Каллахана и Ортегу. Но в этот раз Крамли их проигнорировал.

Мы молча продолжали путь к площади, названной в честь петуха определенной окраски.

Высадили цыганку.

– Боже, – сказал я на обратном пути, – похожее было много лет назад, когда умер один знакомый и иммигранты из Куэрнаваки хлынули туда и разграбили коллекцию старых патефонов тысяча девятисотого года, пластинки Карузо, мексиканские маски. Оставили его дом пустым, как египетская гробница.

– Вот каково быть бедным, – отозвался Крамли.

– Я вырос в бедности. Но никогда не крал.

– Может, у тебя не было удобного случая.

Мы в последний раз миновали дом Царицы Калифии.

– Она там, все верно. Цыганка была права.

– Она была права. Но ты все равно псих.

– Все это... – начал я. – Это слишком. Слишком. Констанция вручает мне две телефонные книги с не теми номерами и пускается в бега. Мы чуть не тонем в милях и милях старых газет. А теперь мертвая царица. Поневоле задашь вопрос: а все ли в порядке с отцом Раттиганом?

Крамли резко свернул к обочине, где стояла телефонная будка.

– Держи десятицентовик!

В будке я набрал номер собора.

– Мистер... – Я покраснел. – Отец Раттиган... у него все нормально?

– Нормально? Он принимает исповедь!

– Хорошо, – сдуру ляпнул я, – если все ладно с тем, кто исповедается в грехах.

– Все ладно никогда и ни с кем не бывает!

В трубке щелкнуло. Я потащился обратно к автомобилю. Крамли ел меня глазами.

– Ну как?

– Он жив. Куда мы теперь?

– Кто знает. Отсюда наша поездка становится отходом. Как отход в католический приют. Знаешь, какая там обстановка? Долгие молчаливые уик-энды. Рты захлопнуты раз и навсегда. Идет?

Мы порулили к зданию муниципального совета Вениса. Крамли вышел, хлопнув дверцей.

Полчаса его не было. Вернувшись, он просунул голову в окошко у водительского места и проговорил:

– Ну вот, послушай, я взял сейчас неделю отпуска по болезни. Господи Иисусе, а что же это, как не болезнь. У нас есть неделя, чтобы разыскать Констанцию, защитить служителя Святой Вибианы, воскресить из мертвых Лазаря и предупредить твою жену, пусть держит меня, чтобы я тебя не задушил. Кивни, если согласен.

Я кивнул.

– В ближайшие двадцать четыре часа открываешь рот только с моего позволения! Ну, где эти окаянные телефонные книги?

Я протянул ему Книги мертвых.

Крамли, сидя за рулем, хмуро на них воззрился.

– Прежде чем заткнуться, можешь сказать последнее слово.

– Ты по-прежнему мой кореш! – выпалил я.

– Увы, – признал он и нажал на газ.

Глава 18

Мы вернулись к Раттиган и остановились на береговой линии. Едва наступил вечер, дом по-прежнему был ярко освещен; он напоминал полную луну и восходящее солнце архитектуры. Гершвин продолжал выколачивать пыль то из Манхэттена, то из Парижа.

– Бьюсь об заклад, его в фортепьяно и похоронили, – бросил Крамли.

Мы извлекли одну Книгу мертвых – личных телефонных знакомцев Раттиган, в основном покойных и похороненных, и вновь по ней прошлись. От страницы к странице в нас нарастало ощущение собственной бренности.

На тридцатой мы добрались до Р.

Вот оно: недействительный телефон Кларенса Раттигана и красный христианский крест над фамилией.

– Черт. Проверим-ка снова Калифию.

Мы стали листать обратно и нашли ее, жирно подчеркнутую красным и с крестом.

– И это значит?..

– Тот, кто подсунул книжку Констанции, сперва пометил фамилии красными чернилами и крестом, а потом расправился с двумя первыми жертвами. Может. Винтики у меня совсем застряли на месте.

– Ага, понадеялся, что Констанция еще до убийства обнаружит красные кресты, запаникует, что и произошло, и неумышленно прикончит жертвы своими воплями. Господи Иисусе! Проверим другие отметки и крестики. Проверим Святую Вибиану.

Крамли перевернул страницу и проговорил едва слышно:

– Красный крестик.

– Но отец Раттиган еще *жив*! О черт!

Я поплюхал по песку к бассейну, где у Раттиган был телефон. Набрал номер Святой Вибианы.

– Кто? – спросил резкий голос.

– Отец Раттиган? Слава богу!

– За что?

– Это приятель Констанции. Полудурок.

– Черт побери! – воскликнул священник.

– Не принимайте сегодня больше исповедей!

– Это приказ?

– Отче, вы *живы!* То есть я хотел сказать, если мы можем что-нибудь сделать, защитить вас или...

– Нет, нет! – слышалось в трубке. – Отправляйтесь в ту, другую, языческую церковь! Где «Джек и бобовый стебель»!

В телефоне запикало.

Мы с Крамли обменялись взглядами.

– Посмотри Граумана, – предложил я.

Крамли посмотрел.

– Китайский, ага. И фамилия Грауман. И красный кружок с крестиком. Но он уже не один год как умер!

– Да, но там хранится Констанция или запечатлена в бетоне. Я тебе покажу. Последняя возможность посмотреть «Джек и бобовый стебель».

– Если подгадаем ко времени, – сказал Крамли, – фильм уже закончится.

Глава 19

Оказалось, подгадывать ко времени нет необходимости.

Когда Крамли высадил меня перед фасадом другой церкви, киношного собора, большого, шумного, беспокойного, романтического, обмоченного слезами... На красной китайской двери красовалось объявление «ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ», туда и обратно сновали рабочие. На внешнем дворе несколько человек переступали ногами, соизмеряя их с отпечатками.

Высадив меня, Крамли был таков.

Я обернулся поглядеть на обширный, в стиле пагоды, фасад. Десять процентов Китая, девяносто – Граумана. Маленького Сида.

Он был, говаривали, от горшка два вершка, почти карлик, восьмой жевун лилипутского кино, вместилище ростом в четыре фута, набитое обрывками кинофильмов и фонограммами, Конг, вопящий на Эмпайр-Стейте, Колмен в Шангри-Ла^[44], приятель Гарбо^[45], Дитрих^[46] и Хепберн^[47], галантерейщик Чаплина, партнер по гольфу Лорела и Харди^[48], хранитель огня, носитель памяти о Прошлом десятка тысяч человек... Сид, что лил бетон, собирая оттиски подошв, с каблуками и плоских, Сид, просивший и получавший автографы на тротуаре.

Передо мной простирался поток застывшей лавы, где призраки былого запечатлели размер своих стоп.

Я понаблюдал за туристами, которые, негромко смеясь, сличали свои подошвы с великим множеством бетонных отпечатков.

Вот так церковь, думал я. Верующих побольше, чем в Святой Вибиане.
– Раттиган, – шепнул я. – Ты здесь?

Глава 20

Как уже говорилось, у Констанции Раттиган ножка была самая маленькая во всем Голливуде, а может, и в мире. Туфли ей шили в Риме и дважды в год посылали авиапочтой, потому что старые таяли в шампанском, пролитом безумными поклонниками. Маленькие ножки, изящные пальчики, крохотные туфельки.

Это доказывали ее отпечатки, оставленные на Граумановом бетоне вечером 22 августа 1929 года. Примерившись к ним и убедившись в постыдно-гигантской величине своих стоп, девицы удалялись с отчаянием в душе.

И вот, странной ночью, я находился один в Граумановом переднем дворе, единственном месте в мертвом, непогребенном Голливуде, куда приносят на продажу мечты.

Толпа рассеялась. В двадцати футах от меня виднелись отпечатки Раттиган. Я взглянул и застыл на месте.

В отпечатки Раттиган как раз ступал человек в черном непромокаемом пальто и в надвинутой по самые брови широкополой шляпе.

– Господи Иисусе, – вырвалось у меня, – *как раз!*

Человечек опустил взгляд на свои крохотные ботинки. Впервые за сорок лет в следах Раттиган кто-то уместился.

– Констанция, – шепнул я.

Человечек дернул плечами.

– У тебя за спиной, – шепнул я.

– Вы из них? – прозвучало из-под широкополой черной шляпы.

– Из кого?

– Ты – Смерть, что за мной охотится?

– Я просто друг, пытаюсь тебе помочь.

– Я ждала тебя. – Ноги, утвердившиеся в следах Констанции Раттиган, не сошли с места.

– Что это значит? – спросил я. – К чему эта игра в кошки-мышки? Ты так напугана или шутики шутишь?

– Почему ты так говоришь? – спросил потаенный голос.

– Силы небесные, может, все это дешевый трюк? Кто-то предположил, что ты хочешь написать автобиографию и тебе нужен помощник. Если ты выбрала меня, то благодарствую, нет. У меня есть дела поважнее.

- Что может быть важнее *меня*? – Голос сделался тоньше.
- Ничего, но вправду ли за тобой гоняется Смерть или ты нацелилась на новую жизнь, а какую, знает один Бог?
- Что может быть лучше, чем бетонная покойницкая дяди Сида? Все имена, а под ними ничего. Спрашивай дальше.
- Ты собираешься повернуться ко мне лицом?
- Тогда я не смогу говорить.
- Цель затеи в том, чтобы я помог тебе раскопать твоё прошлое? Сокровищница наполовину полная или наполовину пустая? Кто сделал красные отметки в Книге мертвых – кто-то другой или ты сама?
- Другой, как же иначе. Отчего меня, по-твоему, бросило в дрожь? А эти отметки, мне нужно было найти их всех, узнать, кто уже умер, а кто только собирается. Было у тебя когда-нибудь чувство, что все вокруг рушится?
- Только не у тебя, Констанция.
- Господи, да! Иной раз засыпаешь ночью Кларой Боу, а просыпаешься Ноем, упившимся водкой. От моей красоты остались одни воспоминания?
- Очаровательные воспоминания.
- Но все же... – Раттиган оглядела Голливудский бульвар. – Когда-то здесь ходили *настоящие* туристы. А теперь вокруг рваные рубашки. Все потеряно, юноша. Венисский мол затоплен, фуникулерные пути вросли в землю. «Голливуд и Вайн»^[49], да было ли все это?
- Было. Некогда. Когда в «Коричневом котелке»^[50] оклеивали стены шаржами на Гейбла и Дитрих, а в метрдотелях служили русские князья. Роберт Тейлор и Барбара Стэнвик разъезжали в спортивных автомобилях^[51]. «Голливуд и Вайн»? Ты поселялся здесь, и тебе открывалось, что такое чистая радость.
- Красивая речь. Хочешь знать, где мамочка побывала?
- Она шевельнула рукой. Достала из-под пальто несколько газетных вырезок. Я заметил слова «Калифия» и «Маунт-Лоу».
- Я был там, Констанция, – произнес я. – На старика обрушился стог газет и раздавил его. Боже, выглядело это как разлом Сан-Андреас^[52]. Сдается мне, кто-то подтолкнул штабеля. Не самое достойное погребение. А Царица Калифия? Падение с лестницы. И твой брат, священник. Ты побывала у всех троих, Констанция?
- Я не обязана отвечать.
- Задам другой вопрос. Ты себя любишь?
- Что?!

– Смотри. Я себя люблю. Я не совершенство, боже упаси, но мне не случилось затаскивать женщину в постель, зная, что ей это может выйти боком. Куча мужчин сказали бы, пользуйся случаем, живи на всю катушку! Но я не такой. Даже когда мне это подносят на блюдечке. Грехов я не накопил, поэтому и кошмары мне почти никогда не снятся. Конечно, бывало в детстве, я убежал от бабушки, обгонял ее на несколько кварталов, и она приходила домой в слезах. До сих пор не могу себе простить. Или ударил своего пса, всего один раз, но ударил. Прошло тридцать лет, а мне все еще больно. Список невелик, на ночные кошмары не тянет, правда?

Констанция стояла как застывшая.

– Боже, боже, – проговорила она, – мне бы твои сны.

– Проси, одолжу.

– Несчастное бессловесное дитя, глупое и невинное. За это я тебя и люблю. Удастся ли мне где-то у небесных врат получить чистые ангельские крылья в обмен на свои черные, как сажа у меня в камине, кошмары?

– Спроси своего брата.

– Он давно уже дал мне пинка, чтобы я катилась в ад.

– Ты не ответила на мой вопрос. Ты себя любишь?

– То, что вижу в зеркале, конечно, люблю. А вот то, что под стеклом, в глубине, меня пугает. Просыпаюсь среди ночи, а все это проплывает перед глазами. Господи, горе да и только. Не сможешь ли?

– Как? Мне не отличить одно от другого, тебя и твое отражение. Что на поверхности, что в глубине.

Констанция переступала с ноги на ногу.

– Не можешь стоять спокойно? – спросил я. – Если я скажу «красный свет», стой. Твои ноги завязли в бетоне. Ну что?

Я видел, что ее туфли отчаянно стремятся выбраться.

– На нас смотрят!

– Кинотеатр закрыт. Фонари по большей части не горят. Во дворе ни души.

– Ты не понимаешь. Мне нужно идти. Немедленно.

Я посмотрел на все еще открытые парадные двери Граумана; внутри рабочие переносили какое-то оборудование.

– Это следующий отпечаток, но, боже, как мне туда попасть?

– Просто иди.

– Ты не понимаешь. Это игра в классики. К двери должна вести другая цепочка отпечатков, если я сумею ее найти. Куда мне перепрыгнуть?

Она повернула голову. Темная шляпа упала на тротуар. Показались коротко остриженные бронзовые волосы. Смотрела Констанция по-

прежнему перед собой, словно прятала от меня лицо.

– Если я скажу «марш», что тогда?

– Пойду.

– И снова встретишься со мной, где?

– Бог знает. Живей! Говори «марш». Они у меня на пятках.

– Кто?

– Все те, другие. Они меня убьют, если я не убью их первая. Ты ведь не хочешь, чтобы я умерла прямо здесь? Не хочешь? – Я помотал головой. – На старт, внимание, марш?

– На старт, внимание.

И она сорвалась с места.

Пересекла двор зигзагами. Дюжина стремительных шагов направо, дюжина налево, пауза и последние две дюжины к третьей цепочке следов, где она застыла, словно перед противопехотной миной.

Взревел автомобильный гудок. Я обернулся. Когда я вновь взглянул на дверь Граумана, она проглотила какую-то тень.

Чтобы дать Констанции хорошую фору, я сосчитал до десяти, а потом склонился и подобрал крошечные туфельки, которые она оставила в своих отпечатках. Дальнейшей моей целью была первая цепочка следов, где останавливалась Констанция. Салли Симпсон, 1926. Да, эхо прошедших времен.

Я переместился ко второй последовательности. Гертруда Эрхард, 1924. Опять тень времени, совсем уже расплывчатая. И последняя дорожка, вблизи парадной двери. Долли Дон, 1923. «Питер Пэн». Долли Дон? Прикосновение летучего тумана годов. Я почти вспомнил.

– Черт, – шепнул я. – Не может быть.

И приготовился исчезнуть в гигантской драконьей пасти фальшивого китайского дворца дяди Сида.

Глава 21

Перед самой малиновой дверью я остановился, ибо в ушах прозвучал отчетливый, как оклик, голос отца Раттигана: «Плачевно!»

Это заставило меня вытащить Раттиганову Книгу мертвых.

Прежде я обращал внимание на фамилии, а теперь – на места. Среди «Г» нашлось: Грауман. Затем адрес и имя: Клайд Раслер.

Раслер, подумал я, боже, он кончил сниматься в 1920-м, а до этого работал с Гриффитом и Гиш^[53], был замешан в истории со смертью Долли Димплз^[54] в ванной. А вот его имя (жив ли?) на бульваре, где тебя хоронят без предупреждения и стирают со страниц истории – так же расправлялся со своими сотоварищами славный дядюшка Джо Сталин, используя ружье вместо резинки.

Сердце у меня застучало: фамилия была обведена красными чернилами и помечена двумя крестами.

Раттиган... я всмотрелся в темноту за красной дверью...

Раттиган, да, но Клайд Раслер – тут ли вы, ау? Подавшись вперед, я схватил медную ручку, но чей-то голос за спиной уныло протянул:

– Пусто там внутри, стянуть нечего!

Справа от меня стоял костлявый бродяга, одетый в различные оттенки серого, и говорил, обращаясь в пустоту. Он почувствовал мой взгляд.

– Иди, чего там, – прочел я по его губам. – Что ты теряешь.

Многое мог бы приобрести, подумалось мне, но как разворошить большую китайскую гробницу, набитую обрезками черно-белых кинокартин, вольеру, где борздят воздух птицы, где от большого прожорливого экрана отскакивают рикошетом фейерверки, быстрые, как память, недолговечные, как угрызения совести?

Бездомный ждал, глядя, как я извожу себя воспоминаниями. Я кивнул. Улыбнулся.

И так же стремительно, как Раттиган, нырнул в темноту театра фортуны.

Глава 22

В вестибюле красовалась застывшая армия китайских кули, наложниц и императоров, облаченных в старинный воск и шествующих парадным маршем в никуда.

Одна из восковых фигурок моргнула:

– Да?

Бог мой, подумалось мне, что снаружи, что внутри, одно сумасшествие, и Клайд Раслер, на десятом десятке, рассыпается от старости.

Время сдвинулось. Если я вынырну обратно, то найду на этом месте дюжину кинотеатров для автомобилистов, где катаются на роликах подросточки, развозя гамбургеры.

– Да? – повторил китайский восковый манекен.

Я быстро шагнул в первую дверь зала и пошел по проходу под балкон, обернулся и внимательно всмотрелся.

Это был большой темный аквариум, морское дно. Можно было вообразить, как тысяча киношных призраков, вспугнутых огнестрельным шепотом, взмывает к потолку и просачивается в вентиляционные отверстия. Там проплывали незримо мелвилловский кит, «Старик – железный бок»^[55], «Титаник». Вечный странник «Баунти»^[56], который никогда не доберется до порта. Я поднял взгляд и, минуя многочисленные балконы, сфокусировал его на том, что прежде называлось негритянской галеркой.

Боже, подумал я, мне три года.

В тот год мое воображение было поглощено китайскими сказками, которые читала мне шепотом любимая тетушка; смерть я представлял себе просто вечной птицей, тихой кладбищенской собакой. Дедушке полагалось еще лежать в ящике в похоронном бюро, а Тут тем временем восстал из гробницы. Чем славен этот Тут, спросил я. А тем, что он мертв уже четыре тысячи лет. Как он умудрился, спросил я.

И вот я в обширной гробнице под пирамидой, где всегда мечтал побывать. Убери из прохода ковровые дорожки и обнаружишь потерянных фараонов, а рядом свежие каравай хлеба и яркие перья лука – провиант для долгого пути вверх по реке к Вечности.

Эти стены нельзя рушить, подумал я. Меня должны здесь похоронить.

– Здесь вам не кладбище Зеленая Поляна, – отозвался поблизости

старый восковый китаец, прочитавший мои мысли.

Я говорил вслух.

– Когда построен этот кинотеатр? – пробормотал я.

Изо рта воскового чучела хлынул сорокадневный потоп:

– Двадцать первого года постройки, один из самых старых. Здесь не было ничего, только пальмы, фермерские дома, коттеджи, грязная главная улица, маленькие бунгало, которые построили, чтобы завлечь Дуга Фербенкса, Лилиан Гиш, Мэри Пикфорд^[57]. Радио – детекторная коробенка с наушниками. Будущего по нему не услышать. Начало было потрясающее. Народ ломился сюда пешком или на машинах от самого Мелроуза на севере. По субботним вечерам любители кино тянулись караванами. Кладбище тогда не начиналось у Гауэра и Санта-Моники. Разрослось оно после двадцать шестого года, когда лопнул аппендикс у Валентино^[58]. На вечере открытия у Граумана был Луис Б. Майер, приехал из зоосада Селиг в Линкольн-парке. Лев «МГМ» – оттуда. Злобная тварь, но беззубая. Тридцать танцующих девушек. Уилл Роджерс крутил лассо^[59]. Трикси Фриганца^[60] спела свое знаменитое «Мне все равно», а чем она потом занималась? В тридцать четвертом снялась статисткой в одном из фильмов Свенсон^[61]! Сойдите в подвальный этаж, суньте нос в одну из старых раздевалок: там осталось нижнее белье тех самых девиц, что умерли от любви к Лоуэллу Шерману. Эдакий франт с усами, умер от рака в тридцать четвертом^[62]. Вы слушаете?

– Клайд Раслер, – выпалил я.

– Господи Иисусе! Его-то кто знает! Видите, наверху старая аппаратная? Там его похоронили в двадцать девятом, когда устроили новую аппаратную на втором балконе.

Я поднял взгляд на фантомы тумана, дождя и снега Шангри-Ла, выискивая среди них верховного ламу.

Мой призрачный приятель сказал:

– Лифта нет. Две сотни ступеней!

Длительный подъем, ни одного шерпы в проводниках, сначала среднее фойе и бельэтаж, еще один балкон и еще, а после – восхождение мимо трех тысяч сидений. Как ублажить три тысячи посетителей? Я задумался. Как? Если восьмилетнему мальцу за время фильма раза три не приспичит пописать, считай, что тебе повезло.

Я карабкался.

На середине дороги я задохнулся и сел, внезапно одряхлев, вместо того чтобы наполовину обновиться.

Глава 23

Добравшись до задней стены Эвереста, я постучался в дверь старой аппаратной.

– Кто там – те самые? – раздался испуганный выкрик.

– Нет, – отвечал я спокойно, – это всего-навсего я. Вернулся через сорок лет на единственный дневной сеанс.

Это была гениальная идея, извергнуть свое прошлое.

Испуганный голос заговорил спокойней:

– Пароль?

Мой язык сам собой затараторил по-детски:

– Том Микс и его лошадь, Тони^[63]. Хут Гибсон. Кен Мейнард^[64]. Боб Стил^[65]. Хелен Твелвтриз^[66]. Вильма Бэнки^[67]...

– Хорошо.

После затянувшейся паузы я услышал, как в дверную панель заскребся гигантский паук. Дверь взвизгнула. Наружу высунулась серебристая тень, живое олицетворение черно-белых призраков, некогда мелькавших передо мной на экране (с тех пор прошла целая жизнь).

– Сюда никто никогда не поднимается, – проговорил древний-предревний старик.

– Никто?

– В мою дверь никто никогда не *стучится*. – Серебристые волосы, серебристое лицо, серебристая одежда – все цвета поблекли за семь десятков лет, что он прожил в вышине, под скалой, тысячекратно наблюдая фантазмагорию, которая разворачивалась внизу. – Никто не знает, что я здесь. Даже я сам.

– Вы здесь. Вы Клайд Раслер.

– Правда? – На мгновение мне показалось, что он сейчас начнет обхлопывать свои подтяжки и резинки для рукавов. – Вы кто? – Его лицо толчком высунулось наружу, как голова черепахи из-под панциря.

Я назвал себя.

– Никогда о вас не слышал. – Старик глянул вниз, на пустой экран. – Вы из *них*?

– Из покойных звезд?

– Они, бывает, сюда поднимаются. Прошлым вечером приходил Фербенкс.

– Зорро, д'Артаньян, Робин Гуд? Это он к вам стучался?

– Царапался. У мертвых свои трудности. Вам сюда или вы уходите?

Я поспешил войти, пока он не передумал.

В комнате, напоминавшей чунцинский похоронный покой, стояли направленные в пустоту кинопроекторы. Помимо пыли и песка резко пахло кино пленкой. Единственный стул находился между двумя проекторами. Как сказал старик, к нему никто не ходил.

Я уставился на плотно увешанные стены. Там было прибито не меньше трех дюжин картинок, некоторые в дешевых вулвортовских ^[68] рамках, иные в серебряных; были и просто вырезки из старых журналов «Серебристый экран», тридцать женских фотографий – все разные.

По лицу глубокого старика скользнула тень улыбки.

– Мои славные лапочки, с тех времен, когда я был ого-го.

Взгляд древнейшего из древних людей прятался за лабиринтом морщин, какими бываешь украшен в шесть часов утра, когда лезешь в холодильник за смешанным накануне мартини.

– Я держу дверь запертой. Думал, это вы недавно устроили вопеж у порога.

– Это не я.

– Кто-то там был. А больше никого не бывало с тех самых пор, как умер Лоуэлл Шерман.

– Два некролога за десять минут. Зима тридцать четвертого. Рак и пневмония.

– Никто этого не знает!

– Как-то в субботу, в тридцать четвертом, я, перед тем как пойти на футбол, катался у Колизея на роликах. Тут появился Лоуэлл Шерман, надсадно кашляя. Я взял у него автограф и сказал: «Берегите себя». Через два дня он умер.

– Лоуэлл Шерман. – Обращенный на меня взгляд старика заблестел. – Пока вы живы, жив и он.

Рухнув на единственный стул, Клайд Раслер вновь смерил меня взглядом.

– Лоуэлл Шерман. Какого черта вы карабкались на такую верхотуру? Кто-то, бывало, и умирал по пути. Раз или два здесь побывал Дядюшка Сид, сказал «к чертовой матушке» и построил большую аппаратную кабину на тысячу ярдов ниже, в реальном мире, если такой существует. Никогда туда не спускался. Ну?

Он заметил, что мой взгляд блуждает по стенам его первобытного приюта, по дюжинам вечно молодых лиц.

– А не хотите ли пройтись по этим когтистым бродячим кискам? – Он

подался вперед и ткнул пальцем.

– Ее звали Карлотта, или Мидж, или Дайана. Она была кокетливая испанка, бойкая кулиджевская «Деваха» в юбчонке до пупа^[69], римская царица прямиком из молочной ванны Демилля^[70]. Еще была женщина-вамп по имени Иллиша, машинистка Перл, теннисистка из Англии – Памела. Сильвия? Держала мухоловку для нудистов в Шайенне. Кое-кто звал ее «Жестокосердая Ханна, вампирша Саванны»^[71]. Одевалась как Долли Мэдисон^[72], пела в «Чая на двоих», «Чикаго»^[73], выскакивала из раковины, вроде райской жемчужины, мания Фло Зигфелда^[74]. В тринадцать лет застреленная собственным отцом за поведение, неподобающее рано созревшей человеческой особи: Уилла-Кейт. Работала в восточном ресторанчике: Лайла Вонг. Победительница Кони-Айлендского парада красоты в двадцать девятом году, голосов собрала больше, чем президент: недурная собой Уилла. Сошла с ночного поезда в Глендейле: Барбара-Джоу, и чуть ли не на следующий день глава «Глори филмз»: Анастасия-Элис Граймз...

Он замолк. Я поднял глаза.

– Что приводит нас к Раттиган, – сказал я.

Клайд Раслер застыл на месте.

– Вы уверили, что уже годы никто сюда не заходил. Но... она поднималась к вам сегодня, верно? Может, посмотреть на эти снимки? Да или нет?

Древний старец осмотрел свои пыльные ладони и, медленно привстав, приблизил губы к латунной трубе-свистульке в стене, из тех приспособлений на подводных лодках, куда дунешь, услышишь писк и отдаешь приказ.

– Лео? Вина! Два доллара на чай!

В отверстии трубы взвизгнул тоненький голосок:

– Вы ведь не пьете!

– Теперь выпью, Лео. И хот-догов!

Латунное отверстие взвизгнуло и примолкло.

Древний старец крикнул и устался в стену. Миновали долгие, нескончаемые пять минут. Пока мы ждали, я открыл блокнот и списал туда фамилии, нацарапанные на фотографиях. Затем послышался шум: по кухонному лифту поднимались хот-доги и вино. Клайд Раслер выпучил глаза, словно успел забыть про это крохотное устройство. Он бесконечно долго открывал вино пробочником, присланным снизу Лео. стакан был только один.

– Один, – извинился он. – Сначала вы. Мне не страшно что-нибудь подцепить.

– А у меня ничего такого и нет. – Я выпил и отдал стакан Раслеру. Он тоже выпил и, как я заметил по его осанке, расслабился.

– Что теперь? – произнес он. – Давайте я покажу вам кое-какие отрывки, которые я недавно склеил. Почему? На прошлой неделе кто-то позвонил мне снизу. Этот голос в телефоне. У Гарри Кона^[75] жила как-то сиделка, никогда не скажет «да», а исключительно «да-да, Гарри, да!». Сказала, ей нужен Робин Локсли. Робин Гуд. Ищет Робина Локсли. Одна актриса взяла это имя, успеха не имела. Сгинула в замке Херста или в его закулисной кухне. И вот спустя многие годы этот голос спрашивает про Локсли. Как призрак. Я обыскал свои коробки и нашел фильм, который она сняла в двадцать девятом, когда уже набрало силу звуковое кино. Смотрите.

Раслер вставил пленку в проектор и включил лампу. На большом экране внизу появилось изображение.

На экране крутилась цирковая бабочка, взмахивая прозрачными крылышками и демонстрируя улыбку, смех, потом она побежала, преследуемая белыми рыцарями и черными злодеями.

– Узнаете?

– Нет.

– Попробуем вот это.

Он запустил пленку. На экране показался задымленный берег с кострами в снегу, русская аристократка томно курила длинные сигареты, мяла в руках платок: кто-то умер или умирал.

– Ну? – с надеждой спросил Клайд Раслер.

– Нет.

– Попробуем еще!

Проектор осветил темноту образами 1923 года: какой-то сорванец лезет на дерево за фруктами, смеется, но видно, как грудь рубашки вздымается двумя бугорками.

– Том Сойерша. Девушка. Кто? Проклятье!

Старик заполнял экран десятками новых образов, начиная с 1925 года по 1952-й, отрывочными и законченными, загадочными и ясными, светлыми и темными, неистовыми и спокойными, красивыми и невзрачными, своенравными и безобидными.

– Так ничего и не узнали? Бог мой, как я ломал себе голову. По какой-то такой причине я сохранил эти треклятые кадры. Черт, посмотрите на меня! Сколько, по-вашему, мне лет?

– Девяносто, девяносто пять – около того?

– Десять тысяч. Иисусе. Это меня нашли в корзинке, плившей по Нилу. Я упал с холма со скрижалями. Я тушил неопалимую купину. «Спустите псов войны», – сказал Марк Антоний, и я спустил их множество. Знакомы ли мне все эти чудеса? Ночами не сплю, стучу себя по голове, чтобы шарики с винтиками встали на место. Бывает, ответ уже вертится на языке, но поворот головы – и треклятые шарики раскатились в стороны. Вы уверены, что не вспоминаете ни отрывков, ни фотографий на стене? Вот ведь загадка!

– Вы перехватили мои слова. Я сюда явился не просто так, а по следам. Может, за тем человеком, что звонил вам снизу.

– Каким человеком?

– Констанцией Раттиган.

Я подождал, пока у него перед глазами рассеется туман.

– Какое она имеет к этому отношение? – удивленно спросил Раслер.

– Может, это известно ей. Когда я ее в последний раз видел, она стояла в отпечатках собственных ног.

– Думаете, она может знать, чьи это лица, что значат эти фамилии? Погодите. За дверью... Наверняка это было сегодня. Не может быть, чтобы вчера. Сегодня она сказала: «Отдай их!»

– Что отдать?

– Черт, да много ли здесь такого, что может кому-то понадобиться?

Я взглянул на фотографии на стенах. Клайд Раслер проследил мой взгляд.

– На кой они кому-то сдались? – пожал плечами Раслер. – Не стоят ни гроша. Даже я сам не знаю, какого черта я их здесь развесил. Чьи-то жены или прежние подружки?

– Сколько у вас экземпляров каждой?

– Не хватит пальцев, чтобы сосчитать.

– Ясно одно, Констанция хотела, чтобы вы их отдали. Она ревновала?

– Констанция? Бывают хулиганы на дорогах, она была постельной хулиганкой. Желала сгрести всех моих красоток и растоптать их, порвать, сжечь. Давайте. Приканчивайте вино. У меня дела.

– Какие, например?

Но он снова заправлял пленки в проектор, зачарованный тысячью и одной ночью из прошлого.

Я прошел вдоль стены, поспешно списывая в блокнот все имена, потом попросил:

– Если Констанция вновь придет, дадите мне знать?

– За снимками? Я ее сброшу с лестницы.

– Так же выразился еще один человек. Только скинуть хотел в преисподнюю, а не на второй ярус балкона. Почему вы хотите ее сбросить?

– Должна быть причина, так? Не помню! Как вы сказали, зачем вас сюда принесло? И как вы меня назвали?

– Клайд Раслер.

– Ах, да. Он. Мне как раз пришло в голову. Известно ли вам, что я отец Констанции?

– Что?!

– Отец Констанции. Думал, я вам уже говорил. Теперь можете идти. Спокойной ночи.

Я вышел, оставив за закрытой дверью неизвестно кого и фотографии на стенах – неизвестно чьи.

Глава 24

Спустившись, я прошел в начало зала и посмотрел вниз. Потом шагнул в оркестровую яму, достиг задней стены и заглянул за дверь, в длинный вестибюль, с ночной тьмой в конце перспективы и еще более глухой тьмой там, где были заброшенные гардеробные.

Мне захотелось выкликнуть имя.

Но что, если она откликнется?

Далеко, в конце черного коридора, мне почудилось гудение невидимого моря или реки, протекавшей где-то в темноте.

Я выставил вперед ногу, но тут же ее убрал.

Снова услышал, как темный океан бьется в бесконечный берег.

Потом повернулся и двинулся назад сквозь великую тьму, из оркестровой ямы в проход между рядами без единого зрителя, торопясь к желанному выходу, за которым ждало манящее вечернее небо.

Я поднес невероятно крохотные туфельки Раттиган к ее отпечаткам и опустил их строго в след.

И тут я почувствовал на плече руку моего ангела-хранителя.

– Вернулся из царства мертвых, – проговорил Крамли.

– Можешь это повторить, – сказал я, уперев взгляд в широкую красную дверь Китайского театра Граумана, где плавали в темноте все эти киношные создания. – Она там, – пробормотал я. – Хотел бы я знать, как ее оттуда извлечь.

– Динамит, привязанный к пачке купюр, сгодился бы.

– Крамли!

– Прости. Я забыл, что мы говорим о Флоренс Найтингейл^[76].

Я отступил. Крамли стал разглядывать крохотные туфельки Раттиган в следах, оставленных давным-давно.

– Не совсем похоже на рубиновые туфельки^[77], – заметил он.

Глава 25

Мы ехали по городу, было тепло и тихо. Я попытался описать огромное черное море у Граумана.

– В кинотеатре есть большой подвал с гардеробными, может, там хранятся какие-то вещи с двадцать пятого, тридцатого года. Я чувствую, она, вероятно, там.

– Побереги слова, – отозвался Крамли.

– Кому-нибудь нужно спуститься и проверить.

– Боишься пойти один?

– Не то чтобы.

– Это значит, боишься будь здоров! Заткнись и не мешай вести машину.

Скоро мы добрались до жилища Крамли. Он приложил мне ко лбу холодное пиво.

– Держи, пока не почувствуешь, что мозги прояснились.

Я послушался. Крамли включил телевизор и стал перебирать каналы.

– Не знаю, что хуже, – сказал он, – твоя болтовня или местные телевизионные новости.

«Отец Шеймас Раттиган», – сказал телевизор.

– Слушай! – крикнул я.

Крамли переключил канал обратно.

«...Собор Святой Вибианы».

Статический разряд, «снег».

Крамли стукнул проклятый ящик кулаком.

«...Естественным причинам. Ему сулили должность кардинала...»

Снова пурга. И телевизор дал дуба.

– Я собирался вызвать мастера, – сказал Крамли.

Мы оба уставились на телефон, призывая его зазвонить.

Оба мы подпрыгнули.

Потому что он зазвонил!

Глава 26

Звонила женщина, ассистентка отца Раттигана, в третий уже раз, говорила невнятно, отчаянно просила помочь.

Я предложил малость, которая была в моих силах: приехать.

– Только быстрее, а то я тоже умру, – плакала она.

Когда мы с Крамли приехали, Бетти Келли ждала нас у фасада Святой Вибианы. Она не сразу нас заметила, машинально махнула рукой и опустила взгляд. Мы подошли. Я представил Крамли.

– Мне жаль, – сказал я. Она подняла голову.

– Так значит, вы тот самый человек, который говорил с отцом Раттиганом! О господи, пойдете внутрь.

Большие двери были закрыты на ночь. Мы вошли через боковую. Внутри Бетти Келли пошатнулась и чуть не упала. Я подхватил ее и отвел к скамье; она села, переводя дыхание.

– Мы спешили изо всех сил, – проговорил я.

– Вы были с ним знакомы? – Она тяжело дышала. – Все так запутано. У вас были общие знакомые, друзья?

– Родственница, – пояснил Крамли. – Под той же фамилией.

– Раттиган! Она его убила. Погодите! – Она схватила меня за рукав.

Потому что я поднялся на ноги.

– Сядьте, – выдавила она из себя. – Я не убийство имела в виду. Но она его убила.

Похолодев, я снова опустился на скамью. Крамли отступил. Она сжала мой локоть и понизила голос.

– Она бывала здесь, иногда по три раза на дню, в исповедальне, шептала, потом бесновалась. Когда она уходила, бедный отец Раттиган выглядел совсем измотанным (но она норовила не уйти первой, а остаться, пока он не вывалится, чуть живой), есть не мог, хватался за спиртное. Она бушевала в одиночестве. Позднее я заходила проверить: в исповедальне бывало пусто. Но в воздухе стоял запах, как после удара молнии. Она все кричала одно и то же.

– Что?

– «Я их убиваю, убиваю! – орала. – И буду убивать, пока всех не перебью. Помогите мне их убить, благослови их души! Тогда я убью остальных. Всех! Долой их, прочь из моей жизни! Тогда, отче, – вопила она, – я избавлюсь, очищу себя! Но помогите мне их похоронить, так чтобы

они не вернулись! Помоги!»

«Прочь! Убирайся! – кричал отец Раттиган. – Боже, чего ты от меня требуешь?»

«Помоги мне от них избавиться, помолись, чтобы они не возвращались, лежали в могиле! Скажи да».

«Вон!» – крикнул отец, и у нее изо рта полились ругательства.

– Какие?

– Она сказала: «Тогда будь ты проклят, проклят, провались ты в ад!» Орала так громко, что народ побежал из церкви. Я слышала ее плач. Отец Раттиган, наверное, был потрясен до глубины души. Потом в темноте прозвучали частые шаги. Я ждала, что отец Раттиган заговорит, что-нибудь скажет. Потом осмелилась открыть дверь. Он был там. И молчал, потому что... потому что умер.

По щекам секретарши полились слезы.

– Несчастный, – проговорила она. – Его сердце остановилось от этих ужасных слов – мое тоже чуть не остановилось. Мы должны найти эту жуткую женщину. Заставить ее взять свои слова обратно, чтобы он мог жить. Господи, что я говорю? Он лежал простертый, словно она выпустила из него кровь. Вы ее знаете? Расскажите ей, что она натворила. Ну вот, все сказано. Я сбросила с души камень, а вы думайте, куда пойти, как себя очистить. Это теперь не мое, а ваше дело, уж простите.

Я опустил глаза на свой костюм, словно ожидая увидеть на нем следы помоев.

Крамли пошел к исповедальне, открыл обе дверцы и всмотрелся во тьму. Присоединившись к нему, я втянул носом воздух.

– Чувствуете запах? – спросила Бетти Келли. – Все им пропитано. Я сказала кардиналу, чтобы снес исповедальню и сжег.

Я еще раз принюхался. Запах отдавал углем и огнями святого Эльма.

Крамли закрыл дверцы.

– Это не поможет, – сказала Бетти Келли. – Она все еще там. И он тоже, бедняга, смертельно усталый и мертвый. Два гроба, рядышком. Помоги нам Господь. Я вас совсем вымотала. Вид у вас как у бедного отца Раттигана.

– Не говорите так, – попросил я слабым голосом.

– Не буду.

На неверных ногах, опираясь на руку Крамли, я поплелся к выходу.

Глава 27

Я не мог ни спать, ни бодрствовать, не мог писать, не мог думать. Наконец, запутавшись и дойдя до ручки, я снова позвонил в собор Святой Вибианы.

Бетти Келли откликнулась страдальческим голосом, словно под пыткой.

– Я не могу говорить!

– Одну секунду! – взмолился я. – Вы помните все, что она кричала в исповедальне? Не было ли чего-то важного, существенного, особого?

– Боже. Слова, слова, слова. Но погодите. Она все время повторяла – ты должен простить нас всех! Всех нас без исключения! Но в исповедальне никого, кроме нее, не было. Всех нас, сказала она. Вы слушаете?

– Слушаю, – откликнулся я наконец.

– Вам еще что-нибудь нужно?

– Пока нет.

Я повесил трубку.

– Всех нас, – прошептал я. – Простить всех нас!

Я позвонил Крамли.

– Ничего не говори. – Он высказал свои догадки: – Не спится? Хочешь встретиться через час у Раттиган? Собираешься обыскать дом?

– Просто дружественный досмотр.

– Досмотр! Что это, догадки или наитие?

– Чистое умозрение.

– Махнись им вслепую на мешок дерьма! – Крамли повесил трубку.

– Он не стал с тобой разговаривать? – спросил я зеркало.

– Не стал, – ответило оно.

Глава 28

Зазвонил телефон. Я схватил трубку осторожно, как раскаленный предмет.

– Это марсианин? – послышалось в трубке.

– Генри! – обрадовался я.

– Это я. Бред, но мне тебя не хватает, сынок. Чуток глуповат, как сказал один цветной пилоту летающей тарелки, тоже не белому.

– В жизни не слышал ничего приятней, – сказал я прерывающимся голосом.

– Черт, если ты собрался рыдать, я прощаюсь.

– Не надо, – захлюпал носом я. – Боже, Генри, как здорово слышать твой голос!

– Это значит, ты подоил корову и у тебя полное ведро не скажу чего. Мне как, быть вежливым или нет?

– И то и другое, Генри. У меня все наперекосяк. Мэгги опять на Востоке. У меня здесь, правда, Крамли, но...

– Это значит, тебе требуется слепец, чтобы вывел тебя из самого что ни на есть дальнего угла хлева? Проклятье, погоди, достану носовой платок. – Он высморкался. – Черт, и когда же тебе нужен мой всевидящий нос?

– Вчера.

– А я уже здесь! В Голливуде, навещаю кое-какое черное отребье.

– Знаешь Китайский театр Граумана?

– Черт, да!

– Как скоро сможешь приехать туда?

– Как желаешь, сынок. Буду стоять в чечеточных туфлях Билла Робинсона^[78]. Отправляемся на другое кладбище?

– Почти что.

Я позвонил Крамли, сообщить, куда собрался: к Раттиган, наверное, доберусь позже, но зато привезу с собой Генри.

– Слепец ведет слепца, – прокомментировал он.

Глава 29

Он находился ровно там, где обещал: на отпечатках «балдежных» танцевальных туфель Билла Робинсона; не задвинутый на прежнюю галерею для ниггеров, а выдвинутый вперед, на виду у проходящих белых.

Корпус его был прям и недвижим, однако ногам в отпечатках Билла Робинсона явно не стоялось на месте. Глаза, как и рот, были закрыты; судя по всему, он созерцал приятные воображаемые картины.

Я встал перед ним и выдохнул.

Генри разразился потоком слов.

– Радость дарит двукратную резинка «Риглиз» дважды мятная! Чур меня, чур! – Он засмеялся и схватил меня за локти. – Господи, малыш, ты отлично выглядишь! Не вижу, но знаю. Голос у тебя всегда был как у тех, на экране.

– Часто просачивался на сеансы, оттого.

– Подойди-ка поближе, малыш. Э, да ты пивом налил.

– Вид у тебя великолепный, Генри.

– Мне всегда хотелось знать, какой у меня вид.

– Как Билл Робинсон на слух, так ты на вид, Генри.

– Тут в самом деле его следы? Скажи, что да.

– Попадание полное. Спасибо, что пришел, Генри.

– А как же. Давненько мы не прочесывали кладбища! Мне уж могилы по ночам снятся. А здесь что за кладбище, какого разряда?

Я оглядел ориентальный фасад Граумана.

– Здесь духи. Так я сказал в шесть лет, когда прокрался за экран и увидел черно-белые тени, которые злобно оттуда таращились. Призрак за органом, лишившись маски, прыжком вырастает до тридцати футов, чтобы убить тебя одним-единственным взглядом^[79]. Картины высокие, широкие и бледные, актеры по большей части умершие. Духи.

– С родными ты этими соображениями поделился?

– С родными? Словом не обмолвился.

– Послушный сын. Чую благовония. Не иначе мы рядом с Грауманом. Настоящий класс. Не какое-нибудь китайское рагу.

– Вход тут, Генри. Я подержу дверь.

– Э, да тут темнотища. Карманный фонарик прихватил? Мне всегда нравилось помахивать фонариком и изображать, будто мы знаем, что делаем.

– Вот фонарик, Генри.
– Духи, ты сказал?
– Тридцать лет по четыре сеанса в день.
– Не держи меня за локоть, а то я чувствую себя бесполезным. Если упаду, пристрели меня!

И Генри двинулся, почти не отталкиваясь от кресел, по проходу к оркестровой яме и обширным помещениям сверху и снизу.

– Все темнее? – спросил он. – Давай-ка я включу фонарик.

Вспыхнул огонек.

– Ага. – Генри улыбнулся. – Так-то лучше!

Глава 30

В темном, без освещения, подвальном этаже за комнатами следовали комнаты, все стены были в зеркалах, отражения переотражались, пустота глядела на пустоту, заливы безжизненного моря.

Мы вошли в первую, самую большую комнату. Генри крутил фонариком, как лучом маяка.

– Духов тут внизу до черта.

Луч потонул в океанских глубинах.

– Они не такие, как наверху. Призрачней. Меня всегда интересовали зеркала и то, что называют отражением. Другое «я», верно? В четырех или пяти футах от тебя, под коркой льда? – Генри, потянувшись, коснулся стекла. – Есть там кто-нибудь под коркой?

– Ты, Генри, и я.

– Елки-моталки, хотелось бы мне в этом убедиться.

Мы двинулись вдоль холодного ряда зеркал.

Они были тут. Больше, чем духи. Надписи на стекле. Я, должно быть, шумно втянул в себя воздух: Генри направил фонарик мне в лицо.

– Видишь что-то, чего я не вижу?

– Боже мой, да!

Я протянул руку к первому холодному Окну во Время.

На пальце остался слабенький след старой губной помады.

– Да? – Генри склонился, словно рассматривая мое открытие. – Что там?

– Марго Лоренс, Р. И. Р.^[80], октябрь двадцать третьего.

– Кто-то припрятал ее здесь, за стеклом?

– Не совсем. А наверху, футах в трех, другое зеркало: Хуанита Лопес, лето двадцать четвертого.

– Ничего в голове не всплывает.

– Следующее зеркало: Карла Мур, Рождество, двадцать пятый год.

– Ага, – встрепенулся Генри. – Немой фильм, но один зрячий приятель как-то на дневном сеансе читал мне титры. Карла Мур! Она была не из последних!

Я направил свет фонарика.

– Элинор Твелвтриз, апрель двадцать шестого, – читал я.

– Хелен Твелвтриз играла в «Коте и канарейке»^[81]?

– Может, это ее сестра, но трудно сказать, когда столько было

псевдонимов. Люсиль Лесюэр стала Джоан Кроуфорд^[82]. Лили Шошуан пережила второе рождение как Клодетт Кольбер^[83]. Глэдис Смит – Кэрл Ломбард. Кэри Грант был Арчибальдом Личем^[84].

– Ты мог бы вести викторину. – Генри вытянул ладонь. – Это что?

– Дженнифер Лонг, двадцать девятый.

– Она умерла?

– Исчезла, приблизительно тогда же, когда сестра Эйми погрузилась в море и восстала к новой жизни на берегу Аллилуйя.

– Сколько там еще имен?

– Столько же, сколько зеркал.

Генри облизал палец.

– Недурно! Прошло много времени, но... помада. Какого цвета?

– Танжи, оранжевая. Летний зной, Коти. Ланвьер, вишня.

– Как по-твоему, зачем эти леди писали свои имена и даты?

– Потому, Генри, что речь не идет о многих леди. Все эти разные имена написаны одной женщиной.

– Одной женщиной, которая была не леди? Подержи мою трость, пока я думаю.

– У тебя нет трости, Генри.

– Удивительно, как рука ощущает предметы, которых нет. Хочешь, чтобы я угадал?

Я кивнул, хотя Генри не мог этого видеть, в расчете, что он ощутит движение воздуха. Мне хотелось, чтобы он сказал это вслух, нужно было услышать это имя. Генри улыбнулся в зеркала, и они ответили стократной улыбкой.

– Констанция.

Его пальцы тронули стекло.

– Та самая Раттиган, – добавил он.

Глава 31

Генри снова склонился, провел пальцем по красной надписи и поднес его к губам.

Перешел к следующему зеркалу, повторил манипуляции.

– Вкус разный, – заметил он.

– Похоже, и женщины разные?

– Все возвращается. – Его глаза обратились в щелки. – Боже, боже.

Сколько женщин прошло через мои руки, через мое сердце, приходили незримые и уходили; и все эти запахи. Почему у меня чувство, будто в меня вставили затычку?

– Потому что у меня тоже такое чувство.

– Крамли говорит, когда ты отвернешь кран, лучше держаться подальше. Ты хороший мальчик.

– Я не мальчик.

– Ты разговариваешь как в четырнадцать лет, когда у тебя ломался голос и ты пытался отрастить усы.

Он тронул стекло и уставил невидящий взгляд на след старой помады.

– И все это имеет какое-то отношение к Констанции?

– Похоже.

– У тебя крепкие нервы; я это знаю, мне читали ерунду, что ты пишешь. Моя мама сказала как-то, что крепкое солнечное сплетение лучше, чем два мозга. Большинство людей слишком полагаются на свой мозг, но лучше бы им прислушиваться к этой штуковине под ребрами. Ганг... ганглий? Моя мама никогда ее так не называла. Домашний паук, вот как она говорила. Когда ей попадался на пути кретин-политик, у нее всегда появлялось особое ощущение повыше живота. Когда паук корчился, она улыбалась: да. Но когда он сжимался в шар, она закрывала глаза: нет. Точь-в-точь как ты... Моя мама тебя раскусила. Говорила, ты пишешь свои шутковатые – это значило жутковатые – истории не серым веществом. Ты дергаешь за лапки паука, что сидит под ребрами. Мама говорила: «Этому малышу отравы не страшна, он знает, как извергнуть из себя людской яд, что делать со свернувшимся в шар пауком, чтобы он развернулся». Говорила: «Он не станет ночами прожигать жизнь, чтобы до срока состариться. Из него бы вышел великий врач, который умеет вырезать и выбросить болячку».

– И это все слова твоей мамы? – Я залился краской.

– Женщины, которая родила двенадцать детей, шестерых похоронила, остальных вырастила. Один плохой муж, один хороший. У нее были свои тонкие соображения насчет того, на каком боку лежать в постели, чтобы распутать, высвободить кишки.

– Хотел бы я с ней увидеться.

– Она по-прежнему в форме. – Генри приложил к груди ладонь.

Он изучил невидимые зеркала, вынул из кармана черные очки, протер и надел.

– Теперь порядок. Раттиган... эти имена... что она, совсем рехнулась? Если по-честному, она бывала когда-нибудь нормальной?

– В открытом море. Слышал, она плавала с тюленями, тьякала по-тюленьи, свободная как ветер.

– Может, лучше бы она там и оставалась.

– Герман Мелвилл, – пробормотал я.

– Что-что?

– «Моби Дика» осилил за несколько лет. Мелвиллу нужно было оставаться в море, вместе с Джеком, его преданным другом. Земля? На берегу его душа рвалась на части. Старел тридцать лет на таможенном складе, полумертвый.

– Бедный сукин сын, – прошептал Генри.

– Бедный сукин сын, – тихо повторил я.

– А Раттиган? Думаешь, ей бы надо жить в море, а не в ее причудливом доме на берегу?

– Он большой, яркий, белый и красивый, но это гробница, полная призраков. Как те кинофильмы наверху, сорок футов высотой, пятьдесят лет шириной, как эти зеркала и женщина, которая, непонятно почему, их ненавидит.

– Бедный сукин сын, – пробормотал Генри.

– Бедная сука, – проговорил я.

Глава 32

– Посмотрим еще, – сказал Генри. – Включи свет, чтобы мне не нужна была трость.

– Ты разве чувствуешь, когда свет включен?

– Глупое дитя. Прочитай мне имена!

Я взял его за руку и пошел с ним вдоль стены с зеркалами, читая имена.

– Даты под именами, – скомандовал Генри. – Они теперь более свежие?

1935. 1937. 1939. 1950. 1955.

В сопровождении имен, имен и имен – и все разные.

– Слишком много, – сказал Генри. – Это все?

– Еще одно зеркало и дата. Тридцать первое октября. Прошлого года.

– Как получается, что все твои приключения приходятся на Хэллоуин?

– Судьба и провидение благосклонны к таким занудам, как я.

– Дату ты назвал, но... – Генри тронул холодное стекло. – Имени нет?

– Нет.

– Собирается вернуться и добавить имя? Явиться потихоньку, услышит разве что собака, и без света. Она...

– Помолчи, Генри. – Я смотрел в конец зеркального ряда, во тьму подвала, где бегали тени-призраки.

– Сынок. – Генри взял меня за руку. – Пойдем.

– Еще одно. – Я сделал десяток шагов и остановился.

– Не рассказывай. – Генри втянул в себя воздух. – Под тобой кончился пол.

Я посмотрел вниз, в круглое отверстие. Тьме внизу не было конца.

– Судя по звуку, пусто. – Генри вдохнул. – Ливневый сток с чистой водой!

– Под задней частью кинотеатра, да.

– Черт!

Внезапно внизу хлынул поток, чистый прилив с запахом зеленых холмов и прохладного воздуха.

– Пару часов назад шел дождь. Избыточные воды доходят сюда за час. Большую часть года сток стоит сухой. А теперь там около фута глубины, бежит в океан.

Я наклонился и потрогал края отверстия. Ступени.

– Тебе не вздумалось, надеюсь, спускаться? – встревожился Генри.
– Темно и холодно, и к океану путь далек, а если не будешь осторожен, можно утонуть.

Генри фыркнул.

– Вообразил, она пришла этим ходом, чтобы проверить надписи?

– Или спустилась из кинотеатра.

– Эй! Воды прибыло!

Из отверстия дохнуло ветром, очень холодным.

– Господи Иисусе! – вскричал я.

– Что?

Я всматривался.

– Я что-то видел!

– Не знаю, как ты, но я – точно!

Луч фонарика забегал отчаянными дугами по зеркальной комнате:
Генри схватил меня за локоть и потянул от дыры.

– Мы идем куда надо?

– Господи, – отозвался я. – Надеюсь!

Глава 33

Такси высадило нас на обочине за белой арабской крепостью Раттиган.

– Боже мой, – вздохнул Генри и добавил: – Этот счетчик нащелкал лишнего. С нынешнего дня водить буду я.

Крамли ждал не под дверью у берега, а дальше, у бассейна, с полдюжиной стаканов мартини, два из которых были уже пусты. Окинув стаканы любовным взглядом, он объяснил:

– Теперь я подготовлен к вашим дурацким номерам. Подкреплен. Привет, Генри. Генри, тебе не досадно – притащился из Нью-Орлеана расхлебывать эту кашу?

– Один из этих напитков попахивает водкой, так? Давай сюда, и мне досадно не будет.

Я протянул стакан Генри и поспешно взял один себе, так как Крамли хмурился, недовольный моим молчанием.

– Ладно, выкладывай, – потребовал он.

Я рассказал ему про Граумана и гардеробные с зеркалами в подвальном этаже.

– Плюс я составлял список.

– Держи. Ты меня протрезвил. Прикончу-ка еще один. – Крамли поднял стакан в шутовском приветствии. – Хорошо, зачитывай свой список.

– Мальчик из бакалейной лавки на горе Лоу. Соседи Царицы Калифии на Банкер-Хилл. Секретарша отца Раттигана. Киномеханик с верхушки Китайского театра Граумана.

– Что еще за джентльмен? – вмешался Генри.

Я описал Раслера среди штабелей старой пленки, стены в фотографиях грустных женщин с потерянными фамилиями.

Генри задумался.

– Слушай. Ты не составил список этих дам на фотографиях?

Я стал читать из блокнота:

– Мейбл. Хелен. Мэрили. Аннабел. Хейзел. Бетти Лу. Клара. Поллианна...

Крамли выпрямился.

– Есть у тебя список имен на зеркалах в подвале?

Я помотал головой.

– Там было темно.

– Чего уж проще. – Генри стукнул себя по лбу. – Хейзел. Аннабел.

Грейс. Поллианна. Хелен. Мэрили. Бетти Лу. Обнаруживаешь сходство?

По мере того как Генри произносил имена, я ставил галочки в моем карандашном списке. Совпадение полное.

Тут сверкнула молния. Освещение погасло. Слышно было, как ревет прибой, обдавая соленым потоком пляж Раттиган, пока бледный лунный свет серебрил берег. Загремел гром. Это дало мне время подумать.

– У Раттиган есть полный комплект ежегодников Академии, с фильмами, годами жизни, ролями. Все эти дамы ей соперницы. Есть связь со снимками наверху и зеркалами внизу, да?

Послышался отзвук грома, огни снова вспыхнули.

Мы вошли внутрь и извлекли книги Академии.

– Поищите имена с зеркал, – посоветовал Генри.

– Знаю, знаю, – проворчал Крамли.

Через полчаса у нас в руках были ежегодники Академии за тридцать лет, заложенные скрепками.

– Этель, Карлотта, Сюзанна, Клара, Хелен, – читал я.

– Невозможно, чтобы Констанция ненавидела их всех.

– Не исключено, – качнул головой Генри. – Что еще у нее на книжных полках?

Еще через час отыскались альбомы для вырезок, посвященные некоторым актерам; в них было полно снимков, довольно давних. На одной была сверху надпись с именем Дж. Уоллингтон Брэдфорд. Я прочитал: «Также известный как Таллула Вторая, также Свенсон, Глория ин Эксельсиус, также Кривляка».

У меня в затылке тихонько зазвенел колокольчик.

Я открыл другой альбом и прочитал: «Альберто Шустро. Актерские трюки. Исполняет все роли в «Больших надеждах». Разыгрывает «Рождественскую песнь»^[85]; Скрудж, Марли, Три Рождественских Духа, Физзиуиг в «Рождественской песни». «Святая Иоанна», несгораемый. Альберто Шустро. Мгновенные превращения. Родился: 1895. Свободный актер». Тихий колокольчик звякнул опять.

– Погодите. – Я поймал себя на том, что шепчу. – Снимки, зеркала, а теперь этот парень, Брэдфорд, в нем сидят все женщины. И еще другой парень, Шустро, в нем все мужчины, каждый мужчина. – Колокольчик заглох. – Констанция их знала?

Двигаясь как сомнамбула, я взял Книгу мертвых, принадлежавшую Констанции.

Ага.

Брэдфорд на одной странице, ближе к началу книжки.

Шустро – ближе к концу.

– Фамилии, однако, не обведены красным. И что? Живы они или мертвы?

– Почему бы не проверить, – предложил Генри.

Ударила молния. Электричество снова вырубилось.

В темноте Генри произнес:

– Не говори, дай мне угадать.

Глава 34

Крамли высадил нас у старого многоквартирного дома и укатил.

– Ну, – спросил Генри, – что мы тут делаем?

Внутри я поднял голову, разглядывая трехэтажную лестничную клетку.

– Разыскиваем Марлен Дитрих, живую и благополучную.

Еще не успев постучать, я через дверь почуял духи. Чихнул и постучался.

– Господи боже, – послышалось за дверью. – Мне и набросить на себя нечего.

Дверь распахнулась, на пороге появилось пышное кимоно в бабочках, в него судорожно куталась какая-то викторианская древность. Оставив в покое кимоно, странное создание обмерило взглядом мои ботинки, колени, плечи и наконец добралось до глаз.

– Дж. Уоллингтон Брэдфорд? – Я откашлялся. – Мистер Брэдфорд?

– Кто спрашивает? – поинтересовалось существо в дверях. – Господи Иисусе. Входите. Входите. А это с вами кто?

– Я – Всевидящий Глаз этого парня. – Генри втянул носом воздух. – Это кресло? Думаю, я сяду. Здесь сильный запах. Не примите за обиду.

Расправив усыпанную конфетти грудь, кимоно сделало размашистый жест рукавом.

– Надеюсь, вы не по делам пришли. Садитесь, а Мама пока нальет джин. Большую порцию, маленькую?

Прежде чем я успел открыть рот, он наполнил высокий стакан прозрачной, сапфирно-голубой жидкостью. Я отхлебнул.

– Молодчина, – проговорил Брэдфорд. – Вы на минутку или с ночевкой? Боже, он покраснел. Это насчет Раттиган?

– Раттиган! – подскочил я. – Как вы догадались?

– Она была здесь и ушла. Раз в несколько лет Раттиган исчезает. Так она расходится с новым мужем, старым любовником или своим астрологом. *Quien sabe?*^[86]

Я растерянно кивнул.

– Она приходила несколько лет назад, спрашивала, как у меня это получается. Все эти люди, сказала она. Я ответил: а ты, Констанция, сколько жизней ты прожила? Кошке не угнаться? Тысячу? Тебе ли спрашивать, в какой я юркну дымоход, под какую нырну кровать?

– Но...

– Никаких «но». Матушка Земля знает все. Констанция придумала Фрейда, вбросила Юнга и Дарвина. А знаете, что она уложила в постель глав студии, всех шестерых? Это она поспорила с Гарри Коном в «Коричневом котелке». Пообещала оприходовать Джека Уорнера и всех его братьев^[87].

«Всех за один год?» – оторопел Кон.

«Кой черт, год. За неделю, воскресенье – выходной!»

«Ставлю сотню, не сможешь!»

«Ставь тысячу, и по рукам».

Гарри Кон вытаращил глаза.

«А что ты поставишь против?»

«Себя», – говорит Раттиган.

«Идет!» – крикнул Кон.

Она и пошла.

«Держи это!» – Раттиган кинула на колени Кону свои трусы и улепетнула.

Дж. У. Брэдфорд, задыхаясь, продолжал:

– Знаете, что однажды я был Джуди Гарленд^[88]. Потом Джоан Кроуфорд, потом Бетт Дэвис^[89]. Был Банкхед в «Спасательной шляпке»^[90]. Полуночник, поздняя пташка, гуляка. Вам нужна помощь, чтобы найти Раттиган? Могу составить список ее отбросов. Некоторые достались мне. Хотите что-то сказать?

– А ваше настоящее «я» хоть где-нибудь имеется? – вырвалось у меня.

– Господи, надеюсь, нет. Жуткая картина: обнаружить себя в постели, где только я один! Раттиган. А вы искали в ее доме на берегу? Там жил Арти Шоу, после Карузо^[91]. Его она заполучила, когда ей было тринадцать. Он от нее полез на стенку «Ла Скала». Когда она турнула Лоренса Тиббетта, он пел сопрано^[92]. В тридцать шестом у ее дома дежурила «Скорая помощь», пока она искусственным дыханием загоняла Тальберга на Лесную Лужайку^[93].

– Ушам своим не верю.

– Возьмите еще джина. Так говорит Таллула.

– Вы поможете нам найти Констанцию?

– Если не я, то никто. Миллион лет назад я одолжил ей весь мой гардероб. Отдал свою лишнюю косметику, научил, как пользоваться духами, поднять брови, поднять уши, укоротить верхнюю губу, сделать шире улыбку, сгладить или увеличить грудь, делаться выше или ниже. Я служил ей зеркалом; сидя напротив, она следила, как я всматриваюсь,

щурюсь, изображаю угрызения совести, настороженность, отчаяние, восторг, пение в золотой клетке, ныряние в пижаму, разрыв сердца. Она бывала то гарцующим ученым пони, то целым выводком балерин. Вошла она одним человеком, а вышла другим. С тех пор миновало тысяч десять водевилей. И много всего прочего, так что ей уже ничего не стоило вытеснить из фильма какую-нибудь другую актрису, а при желании и увести чужого мужа... Ну ладно, красавчик. – Дж. У. Брэдфорд начал что-то царапать в блокноте. – Здесь еще фамилии тех, кто любил Констанцию. Девять продюсеров, десять режиссеров, сорок пять свободных актеров и один рябчик на грушевом дереве.

– Что ж ей, совсем не было угомону?

– Видели когда-нибудь тюленей у ее дома? Скользкие, как масло, проворные, как ртуть, бьют в цель, как молния. Первое место в лос-анджелесском марафоне можно отдать еще до старта. На трех киностудиях возглавляет совет директоров, а закончит Вампирой^[94], мадам Дефарж^[95] или Долли Мэдисон. Вот!

– Спасибо. – Я просмотрел список, в котором уместился бы двойной состав узников Бастилии.

– А теперь, простите, Мата Хари^[96] должна преобразиться!

Вжик! Он взмахнул полой кимоно.

Вжик! Я схватил Генри за руку, и мы скатились по лестнице.

– Эй! – слышали мы на улице. – Погодите!

Я обернулся и поднял глаза. Вверху, опираясь на оконный переплет, вовсю улыбалась Джин Харлоу – Дитрих – Кольбер; не хватало только фон Штрогейма, чтобы запечатлеть ее крупным планом.

– Я не один свихнутый, второй еще почище будет. Шустро!

– Альберто Шустро! Он жив?

– Раз в неделю ночной клуб, потом в больницу на поправку. Зашьют – и прощальный тур повторяется по новой. Чертов дурень, на десятом десятке; рассказывал, будто встретил Констанцию – враки! – на Шестьдесят шестом шоссе, когда ему было – бог мой – сорок или пятьдесят. Ехал с Запада на Восток или обратно и подобрал парнишку с подозрительными бугорками на груди. Сделал из нее звезду, пока у самого номер выдыхался. Устроил у себя в гостиной театр для избранного круга. Приглашает народ вечером в пятницу посмотреть, как будет заколот Цезарь, Антоний бросится на меч, умрет от укуса змеи Клеопатра. – Из окна слетел листок бумаги. – Вот! И кое-что еще!

– Что?

– Конни, Хелен, Аннетт, Роберта. Констанция не явилась на очередной урок преображения! На прошлой неделе. Должна была вернуться, но не вернулась.

– Не понял, – крикнул я.

– Я учил ее всяким вещам: темней-светлей, громче-тише, вовсю-легонько; что-то вроде новой роли, к которой она готовилась. Собиралась вернуться, чтобы подучиться еще. Желала стать другим человеком. Может, какой была прежде. Но я не знал, как ей помочь. Господи Иисусе, лицедейство затягивает, так ведь? У. К. Филдсу пришлось учиться, чтобы сыграть в водевиле У. К. Филдса. Он тоже попал в эту ловушку. И вот приходит Констанция: «Помоги мне заново найти себя». Я отвечаю: «Констанция, ума не приложу, как тебе помочь. Хочешь обрасти новой кожей – ступай к священнику».

В голове у меня бухнул колокол. Священник.

– Ну вот и все, – заключила Джин Харлоу. – Ума не прибавил, но позабавил? Чао. – Брэдфорд скрылся.

– Шустро, – взволнованно повторил я. – Зовем Крамли.

– Что за горячка? – удивился Генри.

– Да нет же, Альберто Шустро, кролик из пустой шляпы, призрак отца Гамлета.

– Ах, он.

Глава 35

Мы высадили Генри на Централ-авеню, у родственников (приятных людей с тихими голосами), а потом Крамли доставил меня к дому Альберто Шустро, первого «учителя» Раттиган, девяносто девяти лет.

– «Первый», – фыркнул Крамли. – Эксперт-бертильонажист, снимал с нее отпечатки пальцев от головы до пят^[97].

В водевилях он приобрел известность под именем мистер Метафора; играл все роли в «Лавке древностей» и шайку Фейджина в «Оливере Твисте», всю до последнего участника, под мольбы зрителей о пощаде. Он был мрачнее Марли, бледнее По.

Критики кричали: когда у Шустро Тоска бросается в пропасть^[98], он закатывает такие реквиемы, что волны скорби вздымаются до небес.

Все это Метафора-Шустро радостно и пространно мне поведал, пока я сидел в его небольшой, превращенной в театральный зальчик гостиной. Прежде чем угостить меня Лючией, вновь тронувшейся умом^[99], он предложил мне пачку бумажных носовых платков, от которых я отказался.

– Стоп, – вскричал я наконец. – Что насчет Констанции?

– Был с ней едва знаком, – отозвался он, – но хорошо знал ее Кэти Келли; двадцать шестой год, мое первое Пигмалионово дитя!

– Пигмалионово? – пробормотал я. Фрагменты начали складываться.

– Помните Молли Каллахан, двадцать седьмой год?

– Слабо.

– А Полли Риордан, двадцать шестой?

– Вроде помню.

– Кэти была Алисой в Стране чудес, Молли была Молли в «Безумной Молли О'Дэй». Полли была «Полли из цирка», год тот же. Кэти, Молли, Полли – все они Констанция. Водоворот: втянет человека без имени, выкинет знаменитость. Я научил ее кричать: «Я Полли!» Продюсеры вторили: «Да-да, ты Полли!» Фильм сняли за шесть дней. Потом я ее разукрасил заново, чтоб взяла за глотку Льва Лео. «Я Милашка Кэти Келли». «Да-да!» – завопил лайоновский львиный прайд. Второй ее фильм сбацали за четыре дня. Келли исчезает, появляется Молли – карабкается на радиобашню «РКО». Молли, Полли, Долли, Салли, Герти, Конни... и *Констанция* резвятся на студийных лужайках!

– И никто-никто не догадался, что Констанция за год играла не одну роль, а несколько?

– Я и только я, Альберто Шустро, дал ей в руки славу, богатство и любовь зрителей! Золотого поросся в масле! Никто и подумать не мог, разглядывая имена на маркизах кинотеатров на Голливудском бульваре, что иные из них придумала Констанция или откуда-то позаимствовала. Какую только обувь не таскала она во дворик Граумана на своей миниатюрной ножке – размера, наверное, четыре!

– И где теперь эта Молли, Полли, Салли, Герти, Конни?

– Это неизвестно даже ей самой. Здесь шесть разных адресов – летние, за двенадцать разных лет. Может, поросла быльем. Годы – вот где легче всего спрятаться. Господь тебя прячет. Эй! Как меня зовут?!

Шаркая ногами, он проделал круг по комнате. Я слышал, как скрипят его старые кости.

– Ну же! – Он мучительно осклабился.

– Мистер Метафора!

– Вы знаете! – Он свалился без чувств.

Я испуганно над ним склонился. Он распахнул один глаз.

– Это было *тайное* имя. Поддержите меня. Я так напугал Раттиган, что она сбежала. – Он болтал не останавливаясь. – Это была всего лишь прикидка. В конце концов, я Фейджин, Марли, Скрудж^[100], Гамлет, Шустро. Такому человеку, как я, нужно было бы поинтересоваться, в каком году она жила и существовала вообще или нет. Чем больше я старился, тем больше мучился ревностью, вспоминая, как обрел и потерял Констанцию. Я слишком много прождал лет, как Гамлет не торопился расправиться с подлецом, убившим призрака его отца! Офелия и Цезарь молили об убийстве. Воспоминание о Констанции рождало внутри бурю. Когда мне пошел десятый десяток, все мои голоса неистово потребовали мести. Как набитый дурак, я послал ей Книгу мертвых. Не иначе как из-за меня, психа, Констанция и удрала... Вызовите «Скорую помощь», – добавил мистер Метафора. – Я сломал себе берцовые кости и заработал грыжу в паху. Вы все это записали?

– Потом запишу.

– Не ждите. Записывайте сейчас. Через час я буду в Валгалле донимать изваяния. Где кровать?

Я уложил его в кровать.

– Погодите, – сказал я. – По вашим словам, это вы послали Констанции Книгу мертвых?

– В прошлом месяце Дамская кинематографическая лига затеяла какую-то дурь типа распродажи барахла, принадлежавшего актерам. Мне

достались несколько фото Фербенкса, листок с записью песни Кросби^[101], и, надо же, обнаружилась выкинутая телефонная книжка Раттиган, а там до фига ее отставных любовников. Бог мой, я был змием в Эдеме. Ни за понюх табаку подвергнут проклятию: просмотрел список – и вот, отравил сработала. А не подпортить ли Раттиган ее мирный ночной сон? Проследил ее, подкинул Книгу мертвых и давай бог ноги. Ну что она, чуть не окочурилась с перепугу?

– Боже, да уж. – Я взгляделся в ухмыляющуюся физиономию мистера Шустро. – Получается, к смерти бедного старикана с Маунт-Лоу вы никак не причастны?

– Это первый простофиля, которого окрутила Констанция? Старый лопух мертв?

– Его убили газеты.

– Критикам это ничего не стоит.

– Нет. На него свалились тонны старых «Трибьюн».

– Тем манером или другим – все равно они убивают.

– Царицу Калифию вы не трогали?

– Древний Ноев ковчег, в ней каждой враки по паре. Высоко-низко, горячо-холодно. Верблюжье дерьмо, лошадиные яблоки. Она сказала Констанции, куда идти, и та пошла. Калифия тоже умерла?

– Упала с лестницы.

– Я ее не толкал.

– Еще был священник...

– Ее брат? Та же ошибка. Калифия ей сказала, куда идти. Но он, бог мой, сказал, пусть идет к черту. И Констанция пошла. А он отчего умер? Господи, все как один на том свете!

– Она на него накричала. Думаю, это была она.

– Знаете, что она кричала?

– Нет.

– А я знаю.

– Вы?

– Вчера среди ночи я слышал голоса, хотя спал. Тот голос не иначе был ее. Может, мне она кричала то же, что и бедняге священнику. Хотите услышать?

– Жду.

– Ну да. Она вопила: «Как мне вернуться, где следующий след, как мне вернуться?»

– Куда вернуться?

Веки Шустро дрогнули: за ними пробежали какие-то мысли. Он

фыркнул.

– Брат ей указал дорогу, и она пошла. И под конец говорит: «Я заблудилась, покажите мне путь». Констанция хочет, чтобы ее нашли. Так?

– Да. Нет. Господи, не знаю.

– И она не знает. Может, оттого она и вопила. Но мой дом построен из кирпича. Он не развалится.

– Другие развалились.

– Прежнего мужа, Калифии, брата?

– Это долгая история.

– И путь до дома ваш далек?^[102]

– Да.

– Не подражайте только этой старой чокнутой наседке: куда посадят, такие яйца и несу. Красный шарф. Красные яйца. Голубой коврик. Голубые. Фиолетовая кофта. Фиолетовые. Это я. Заметили тут клетчатую простыню?

Простыня была белая, и я сказал ему это.

– У вас плохое зрение. – Он окинул меня взглядом. – Да уж, рот у вас не закрывался. Я устал. Пока. – Он захлопнул веки.

– Сэр.

– Я занят, – пробормотал он. – Как меня зовут?

– Фейджин, Отелло, Лир, О'Кейси^[103], Бут^[104], Скрудж.

– Ага-ага. – Он захрапел.

Глава 36

Я вернулся на такси к морю, в свой домик. Мне нужно было подумать.

И тут: дверь, выходящая на океан, содрогнулась от удара словно бы строительной бабы. Бух!

Не дожидаясь, пока дверь высадят, я подскочил к ней.

Луч света из круглого кристаллика, вставленного в незамысловатый глазок, чуть меня не ослепил.

– Привет, Эдгар Уоллес^[105], тупой ты сукин сын, чтоб тебя разнесло! – послышалось с улицы.

Я отпрянул, пораженный тем, что этот ни хрена не стоящий халтурщик осмелился обозвать меня Эдгаром Уоллесом!

– Привет, Фриц, – крикнул я, – сам ты тупой сукин сын, чтоб тебя разнесло! Входи!

– Угу!

Фриц Вонг затопал по ковру тяжело, словно в армейских ботинках. Скрипнув каблуками, выхватил монокль и уставил его на меня.

– Ты стареешь! – воскликнул он довольно.

– Ты тоже! – отбрил я.

– Хамишь?

– Повторяю за тобой!

– Потише, будь любезен.

– Ты первый начал, – выкрикнул я. – Сам-то слышал, как ты меня назвал?

– Микки Спиллейн^[106] лучше?

– Катись!

– Джон Стейнбек^[107]?

– Ладно! Только не ори.

– Так пойдет? – произнес он шепотом.

– Нет, мне все еще слышно.

Фриц Вонг громко фыркнул.

– Узнаю своего милого приبلудного сынка!

– Узнаю своего гулящего приبلудного папашу!

Заходясь смехом, мы изобразили объятие.

Фриц Вонг вытер глаза.

– Ну, с формальностями покончено, – пророкотал он. – Как ты?

– Жив. А ты?

– Разве что. Где там провиант задержался?

Я вынул принесенное Крамли пиво.

– Поросячье пойло. Вина нет? – Фриц сделал основательный глоток и сморщился. – Ну вот. – Он грузно опустился в мое единственное кресло. – Чем я могу помочь?

– С чего ты решил, что мне нужна помощь?

– А когда она тебе была не нужна? погоди! Это пойло не по мне. – Он вышел под дождь, тут же вернулся с бутылкой «Ле Гортон» и начал ее открывать фасонистым серебряным штопором, который вытащил из кармана.

Я вынул две не новые, но чистые банки. Презрительно на них покосившись, Фриц налил вино.

– Сорок девятый! – сказал он. – Знатный год. Не слышу восторгов.

Я выпил.

– Да не залпом! – завопил Фриц. – Ради Христа, вдыхай! Впитывай аромат!

Я вдохнул. Покрутил сосуд.

– Неплохо.

– Господи Иисусе! Неплохо?

– Дай подумать.

– Черт возьми. Не думай! Пей носом! Выдыхай через уши!

Закрыв глаза, он показал, как это делается.

Я повторил.

– Превосходно.

– Теперь сядь и заткнись.

– Это мое место, Фриц.

– Было твое.

Я сел на пол, прислонился спиной к стене, а Фриц встал надо мной, как Цезарь над муравейником.

– Ну, выкладывай факты.

Я подобрал факты и выложил.

Когда я закончил, Фриц неохотно наполнил мою банку.

– Ты этого не заслужил, – пробормотал он, – но обращение с марочным вином ты изобразил недурно. Заткнись. Потягивай.

– Если кому-нибудь по зубам раскусить Раттиган, – произнес он, потягивая, – то это мне. Или нужно было сказать «по силам»? Спокойно.

Он распахнул переднюю дверь: с неба лился прекрасный нескончаемый поток.

– Нравится?

– Очень.

– Олух! – Фриц подкрутил монокль, чтобы оглядеть большое пространство берега.

– Дом Раттиган вон там? Отсутствует семь дней? Может, нет в живых? Властительница империи убийств – да, но сама не даст увидеть себя мертвой. Однажды она просто исчезнет, и никто не будет знать, что случилось. А теперь моя очередь выкладывать факты?

Он разлил остатки «Ле Гортон», с неприязнью к банке из-под желе и с любовью к вину.

Он свободен сейчас, сказал Фриц, не снимается. За два года ни одного фильма. Стар, говорят.

– Да по кувырканию в постели второго такого юнца, как я, во всем мире не найдется! – возмутился он. – Теперь я взялся за пьесу Бернарда Шоу «Святая Иоанна»^[108]. Но как в эту невероятную пьесу подобрать актеров? И вот, пока суд да дело, приступаю к роману Жюль Верна, срок авторских прав истек; у продюсера, придурка, ветер в голове, мало говорит и много ворует, так что мне нужен второразрядный писатель-фантаст – ты – обтесать этот долбаный шедевр. Говори да.

Но раньше, чем я успел открыть рот...

Под небесный водопад, сопровождаемый вспышкой и громом, Фриц рывкнул:

– Ты *принят!* Ну вот. Есть еще что показать и рассказать?

Я показал и рассказал.

Фотографии, вырезанные из старых газет и прикрепленные скотчем к стене над постелью. Чтобы их рассмотреть, Фриц с руганью едва не распластался на полу.

– С единственным глазом, другой пострадал на дуэли...

– На дуэли? – удивился я. – Ты никогда не рассказывал...

– Заткнись и прочти немецкому режиссеру-циклопу имена под снимками.

Я прочитал.

Фриц повторил.

– Да, я ее помню. – Он потянулся к фотографии. – И эту. Да, и эту тоже. Господи, прямо стенд «Объявлены в розыск».

– Ты со всеми работал или только с некоторыми?

– Кое с кем поработал, две схватки из трех, в мотеле Санта-Барбары. Я не хвастаюсь. Что было, то было.

– Ты никогда мне не врал, Фриц.

– Врал, но ты был слишком глуп, не догадывался. Полли. Молли.

Долли. Звучит как убогий перезвон швейцарских колокольчиков. Погоди. Не может быть. Может. Да!

Он наклонялся, поправлял монокль, напряженно щурился.

– Как же я не замечал? *Dummkopf*^[109]. Но проходило время. Годы. Вот эта, и эта, и та. Боже правый!

– Что, Фриц?

– Все они – одна и та же актриса, одна и та же женщина. Разные волосы, прически, цвет волос, косметика. Брови густые, брови тонкие, нет бровей. Губы тонкие, губы пухлые. С ресницами, без ресниц. Женские штучки. На прошлой неделе на Голливудском бульваре подходит ко мне женщина и спрашивает: «Узнаешь меня?» «Нет», – отвечаю. А она: «Я такая-то». Разглядываю ее нос. Нос сделан. Смотрю рот. Тоже сделан. Брови? Новые. Плюс к тому она сбросила тридцать фунтов и превратилась в блондинку. И с чего она взяла, что я обязан ее узнать?.. Эти снимки, где ты их взял?

– На горе Лоу...

– Тот дурачок, газетный библиотекарь. Взбирался я как-то к нему кое-что выяснить. Бежал без оглядки. Дышать было нечем от этих треклятых газетных штабелей. Крикнул: позови меня, когда очистишь помещение! Придурочный первый муж Констанции, она за него вышла после бомбежек, когда оправлялась от испуга. Как же я умудрился снять ее в трех фильмах и не догадаться, что это она! Иисусе Христе! Бесенок на черте сидит, сатаной погоняет!

– Может, потому, – предположил я, – что ты где-то в эти годы обхаживал Марлен Дитрих?

– Обхаживал? Это так называется? – Фриц хохотнул и откачнулся от края кровати. – Сними эти чертовы фотки. Если я сумею помочь, они мне понадобятся.

– Такие есть еще. Китайский театр Граумана, старая аппаратная кабина, старый...

– Этот свихнутый?

– Я бы так не сказал.

– Ну да! У него хранится недостающая часть моей «Атлантики», которую я делал еще для «УФА». Я пришел посмотреть. Он попытался привязать меня к стулу и напичкать старыми сериалами с Рин-Тин-Тин^[110]. Я пригрозил выпрыгнуть с балкона, только тогда смог забрать «Атлантику» и уйти. Так-то.

Он разложил фотографии на постели и яростно воззрился на них через

МОНОКЛЬ.

– Говоришь, наверху у Граумана есть другие наподобие?

– Да.

– Согласен сесть в «альфу-ромео» и максимум через пять минут быть в Китайском театре – скорость девяносто пять миль в час?

Кровь отхлынула у меня от лица.

– Согласен, – сделал вывод Фриц.

Фриц рванул под дождь. Когда я ввалился в машину, он уже дал полный газ.

Глава 37

– Понадобятся фонарик, спички, блокнот и карандаш – делать записи. – Я порылся в карманах.

– Вино, – добавил Фриц, – на случай, если обормоты на верхотуре не держат бренди.

Бутылку вина мы приговорили промеж себя, пока разглядывали головокружительную темную лестницу, которая вела в старую аппаратную.

Фриц ухмыльнулся.

– Я первый. Не хочу тебя ловить, если ты свалишься.

– Спасибо, друг.

Фриц ступил в тень. Я шагнул следом, крутя в руке фонарик.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил я шепотом.

– Я звонил Крамли. Он сказал, что целый день прячется в кровати. Мне общение с такими долбаными придурками, как ты, идет на пользу: кровь не застаивается и сердце крепнет. Не забывай о фонаре, я могу упасть.

– Не провоцируй меня. – Я качнул лучом.

– Не хочется это говорить, – продолжал Фриц, – но время, на тебя потраченное, не пропадает впустую. Ты мой десятый незаконный отпрыск, если не считать Мари Дресслер!

Мы забрались на самую верхотуру.

Достигли верхушки второго балкона; Фриц, упиваясь собственной руганью, яростно клял высоту.

– Объясни еще раз, – сказал он, пока мы карабкались. – Ну, мы заберемся. И что потом?

– Потом вниз, столько же ступенек. Имена на зеркалах в подвальном этаже. Зеркальные катакомбы.

– Стучи, – скомандовал наконец Фриц.

Я постучал, дверь распахнулась внутрь, от двух проекторов, один из которых работал, шел слабый свет.

Обшарив лучом стену, я присвистнул.

– Что? – спросил Фриц.

– Они исчезли! Фотографии. Кто-то сорвал их со стен.

Я недовольно поводил лучом по пустым местам. Из темной комнаты действительно испарились все ее «призраки».

– Черт возьми! Иисусе Христе! – Я остановился и выругался. – Боже, я

начал разговаривать как ты!

– Мой сынок, как есть мой, – довольно отозвался Фриц. – Поводи фонарем!

– Спокойно. – Я осторожно двинулся вперед, неуверенной рукой направляя луч на то, что виднелось между проекторов.

Это был, конечно, отец Констанции, прямой и хладный, одна рука на выключателе.

Один из проекторов на полной скорости прокручивал ленту, свернутую в кольцо, которое висело под объективом, и картинка повторялась снова и снова каждые десять секунд. Дверца, пропускавшая изображение на экран кинотеатра, была закрыта, и запертые образы мелькали внутри, маленькие, но, если придвинуться и прищуриться, можно было разглядеть:

Салли, Долли, Молли, Холли, Гейли, Нелли, Роби, Салли, Долли, Молли... и так до бесконечности.

Я присмотрелся к старику Раттигану, застывшему на месте: торжество выражалось на его лице или отчаяние, сказать было невозможно.

Перевел взгляд на стены, где уже не было Салли, Долли, Молли; завладевший ими, кто бы он ни был, не представлял себе, что старый человек, обнаружив исчезновение своей «семьи», запустит эту ленту, чтобы сохранить прошлое. Или...

В голове у меня все перемешалось.

Я услышал голос Бетти Келли, выкрикивавшей слова Констанции: «Прости меня, прости, прости». И Шустро: «Как мне вернуть, вернуть, вернуть?» Что «вернуть»? Ее второе «я»?

Кто сделал это с тобой, думал я, стоя над мертвым стариком. Кто-то другой? Или ты сам?

Бело-мраморные глаза мертвеца были неподвижны.

Я выключил проектор.

По моей сетчатке все еще проплывали лица: танцующая дочь, бабочка, обольстительница-китаянка, клоунесса.

– Бедняга, – прошептал я.

– Ты его *знаешь*? – спросил Фриц.

– Нет.

– Тогда никакой он не бедняга.

– Фриц! У тебя когда-нибудь сердце было?

– Шунт поставил. Удалено.

– Как ты без него существуешь?

– Потому что... – Фриц протянул мне монокль.

Я приладил к глазу холодное стекло и стал смотреть.

– Потому что, – повторил он, – я...

– Тупой сукин сын, чтоб тебя разнесло!

– В самое яблочко! – согласился Фриц. – Пойдем, – добавил он. – Это не аппаратная, а покойницкая.

– И всегда была, – кивнул я.

Я позвонил Генри и сказал, чтобы он взял такси и ехал к Грауману.
Духом.

Глава 38

Слепец Генри ждал нас в проходе, который вел вниз к оркестровой яме и дальше, к раздевалкам, спрятанным в подвальном этаже.

– Не говори, – предупредил Генри.

– О чем, Генри?

– О фотографиях наверху, в аппаратной кабине. Капут? Жаргон Фрица Вонга.

– И тебя туда же, – отозвался Фриц.

– Генри, как ты догадался?

– Я знал. – Генри направил невидящий взгляд на оркестровую яму. – Посетил только что зеркала. Трость мне не нужна, а фонарь и подавно. Просто протянул руку и потрогал стекло. И понял, что фото наверху не должны были сохраниться. Общупал сорок футов стекла. Ничего. Все подчищено. Так что... – Он вновь перевел глаза на невидимые задние кресла. – Наверху. Все исчезло. Верно?

– Верно, – ответил я удивленно.

– Я вам кое-что покажу. – Генри обернулся к оркестровой яме.

– Погоди, у меня есть фонарик.

– Когда ты наконец усвоишь? – фыркнул Генри и одним бесшумным движением ступил в яму.

Я последовал за ним. Фриц глазел на шествие.

– Ну, – произнес я, – чего ты ждешь?

Фриц двинулся с места.

Глава 39

– Вот. – Генри устави́л нос в длинный ряд зеркал. – Что я говорил?
Я двинулся вдоль стеклянного ряда, касаясь поверхности сперва лучом фонарика, а потом пальцами.

– Ну? – нетерпеливо рявкнул Фриц.

– Фамилии были и сплыли, так же как фотографии.

– Я говорил.

– Почему слепые никогда не молчат? – произнес Фриц.

– Нужно чем-то заполнять время. Перечислить имена?

Я по памяти прочел список.

– Забыл Кармен Карлотту, – поправил меня Генри.

– А, да. Карлотта.

Фриц поднял взгляд.

– И тот, кто украл фотографии из аппаратной...

– Он же подчистил зеркала.

– Так что всех этих дам как бы и не существовало, – проговорил Генри.

Он наклонился и в последний раз прошелся кончиками пальцев по стеклу – там, сям и пониже.

– Ага. Пусто. Черт. Надписи затвердели. Враз не отчистишь. Кто это?

– Генриетта, Мейбл, Глория, Лидия, Элис...

– Все они спустились вниз очищать зеркала?

– И да и нет. Мы уже говорили, Генри, что все эти женщины приходили и уходили, рождались и умирали и писали свои имена, как на мемориальной табличке.

– Ну?

– И надписи были сделаны в разное время. И вот начиная с двадцатых годов эти женщины, дамы и прочие, спускались сюда на погребальную церемонию, собственные похороны. Когда они смотрелись в первое свое зеркало, на них смотрело одно лицо, когда переходили к следующему – лицо менялось.

– Это твои домыслы.

– Итак, Генри, здесь, перед нами, большой парад похорон, рождений и погребений, и на все хватило одной пары рук и одной лопаты.

– Но почерк, – Генри потянулся к пустоте, – почерк был разный.

– Люди меняются. Она не могла остановить выбор на одной жизни, на одном способе жить. И вот, стоя перед зеркалом, она стирала помаду и

рисовала другие губы, смывала брови и рисовала другие, лучше, увеличивала глаза, поднимала границу волос, опускала поля шляпы наподобие абажура, или снимала и отбрасывала шляпу, или скидывала одежду и оставалась нагишом.

– Нагишом. – Генри улыбнулся. – Дошел до сути.

– Молчи, – сказал я.

– Работа, – продолжал Генри. – Царапать надписи на зеркалах, глядя, как ты изменилась.

– Не каждый же день. Раз в год, может в два года, покажется со ртом поменьше или губами потоньше, понравится себе и на полгода или всего лишь на лето сделается новым человеком. Как так, Генри?

Одними губами Генри шепнул:

– Констанция. Конечно, – пробормотал он, – пахла она всегда по-разному. – Трогая зеркала, Генри двинулся дальше и добрался наконец до открытого люка. – Почти дошел, да?

– Остался один шаг, Генри.

Мы посмотрели вниз, на круглую дыру в цементе. Оттуда несся шум ветра, дувшего от Сан-Фернандо, Глендейла, бог знает откуда еще – от Фар-Рокуэя, быть может? Дождевой сток скользил там тонкой струйкой, едва охлаждая лодыжки.

– Тупик, – проговорил Генри. – Наверху ничего, и внизу тоже. Разгадка спрятана. Но куда?

Словно бы в ответ из темной дыры в холодном полу донесся жуткий крик. Мы подпрыгнули.

– Боже правый! – вскричал Фриц.

– Господи Иисусе!

– Боже всемогущий! – присоединился Генри. – Надеюсь, это не Молли, Долли, Холли?

Я повторил про себя эту молитву.

Фриц прочел мои слова по губам и выругался.

Крик повторился, уже дальше, вниз по течению. У меня из глаз брызнули слезы. Я подскочил к люку, собираясь свеситься с краю. Фриц схватил меня за локоть.

– Слышал? – крикнул я.

– Ничего не слышал!

– Кто-то кричал!

– Шум воды, вот и все.

– Фриц!

– Хочешь сказать, что я лжец?

– Фриц!
– По твоему тону выходит, что я лгу. Ничего подобного. Черт возьми, неужто ты собрался туда спуститься? Проклятье!
– Пусти!
– Если бы твоя жена была здесь, она бы нарочно тебя туда скинула, *dummkopf!*

Я глядел в открытый люк. Издалека донесся новый крик. Фриц выругался.

– Ты идешь со мной, – распорядился я.
– Нет, ты что.
– Боишься?
– Боюсь? – Фриц вынул из глаза монокль. Словно бы выдернул затычку, которая удерживала кровь. Его загорелая кожа тут же побелела. Глаза увлажнились. – Боюсь? Фриц Вонг боится чертовой подземной пещеры?

– Мне жаль.
– Самый великий за всю историю кинематографа режиссер студии «УФА» в жалости не нуждается. – Он поместил свой огненный монокль в привычное углубление. – Ну, что теперь? – спросил он. – Найти телефон и позвонить Крамли, чтобы вытащил тебя из этой черной дыры? Чертов недоросль, жизнь свою ни в грош не ставишь!

– Я не недоросль.
– Нет? Мне, выходит, привиделось, что ты суешься в эту треклятую дыру – олимпийский чемпион по нырянию в воду глубиной в гулькин нос? Давай-давай, ломай себе шею, тони в нечистотах!

– Скажи Крамли, пусть гонит к водосточной канаве и встретит меня на полдороге к морю. Увидит Констанцию – пусть хватает. Увидит меня – пусть хватает еще живей.

Фриц прищурил один глаз, чтобы ожечь меня сквозь стекло презрительным огнем другого.

– Установки от постановщика с «Оскаром» за душой примешь или как?

– Что?
– Вались быстро. Стукнешься о дно – не останавливайся. Если пропустишь со всех ног, тот, кто там прячется, тебя не схватит. Увидишь ее – скажи, пусть догоняет. Усек?

– Усек!
– Ну, умри как собака. Или... – он оскалился, – или живи как бульжник, протаранивший пекло.

– Встретимся на берегу?

– Меня там не будет!

– Будешь как миленький!

Он направился к двери подвала и к Генри.

– Хочешь пойти за этим полудурком? – прогремел он.

– Нет.

– Тьмы боишься?

– Я сам тьма! – отозвался Генри.

Они ушли.

Ругаясь по-немецки, я стал карабкаться вниз, навстречу мгле, туману и
ночному дождю.

Глава 40

Вдруг я очутился в Мехико 1945 года. В Риме 1950-го.

Катакомбы.

С темнотой проблема та, что впереди, а может, сзади в ней чудятся заполонившие помещение мумии, которых вышвырнули из могил, так как они не оплатили похороны.

Или мерещатся кучи из тысяч и тысяч костей, черепов: собьешь – и покатаются шары во все стороны.

Темнота.

И я, в ловушке: одни пути ведут к вечному полумраку в Мехико, другие – к вечности под Ватиканом.

Темнота.

Я обратил взгляд к лестнице, которая вела в безопасное место – к слепому Генри и злому Фрицу. Но они давно ушли туда, где светло, к обшарпанному фасаду Граумана.

Было слышно, как в десяти милях вниз по течению, в Венеции, стучит, как огромное сердце, прибой. Там небось безопасно. Но между мною и соленым ночным ветром торчит смутное бетонное перекрытие, двадцать тысяч ярдов.

Я судорожно втянул в себя воздух, потому что...

Из тьмы, волоча ноги, выступил бледный мужчина.

Не назову его походку шаткой, но сквозило что-то такое в очертаниях его фигуры, коленях и локтях, в том, как хлопали руки, словно подстреленные птицы. От его взгляда я застыл.

– Я тебя знаю! – крикнул он.

Я уронил фонарик.

Схватив фонарик, он воскликнул:

– Что ты делаешь здесь, внизу? – Звук отражался от бетонных стен. – Разве ты не был... – Он назвал мое имя. – Ну да! Иисусе, ты прячешься? Спустился, чтобы остаться? Тогда, наверное, добро пожаловать. – Бледная призрачная рука размахивала моим фонарем. – Ну и местечко, а? Я здесь целую вечность. Спустился посмотреть. Назад не вышел. Друзей целый ворох. Хочешь познакомиться?

Я помотал головой.

Он фыркнул.

– Черт! Ну да, что тебе за прок от затерявшихся под землей!

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросил я. – Мы вместе ходили в школу?

– Не помнишь? Разрази меня гром!

– Гарольд? Росс?

Где-то вдали капала вода из крана.

Я назвал еще имена. К глазам подступили слезы. Ральф, Сэмми, Арнольд, школьные приятели. Гэри, Филип, ушли на войну, бога ради.

– Кто ты? Когда мы познакомились?

– Никто никого не узнаёт. – Он отступил.

– Ты был моим близким другом?

– Я всегда знал, что ты далеко пойдешь. И что меня не ждет ничего хорошего – тоже. – Голос доносился издалика.

– Война.

– Я умер *перед* войной. Умер *после* нее. Я никогда не рождался на свет, так что? – Все тише.

– Эдди! Эд. Эдвард. Эдуардо, не иначе! – Сердце у меня колотилось, голос окреп.

– Когда ты был у меня в последний раз? А на моих похоронах ты был? Ты хотя бы знал?

– Я не знал. – Я двинулся к нему.

– Приходи снова. Стучаться не надо. Я всегда буду на месте. погоди! Ты кого-то ищешь? Как она выглядит? Слышишь? Как *она* выглядит? Я прав? Да, нет?

– Да! – выпалил я.

– Она пошла туда. – Он махнул моим фонариком.

– Когда?

– Только что. Что она делает здесь, в Дантовом аду?

– Как она выглядела? – рявкнул я.

– «Шанель» номер пять!

– Что?

– «Шанель»! От этого крысы забегают. Ей повезет, если доберется до берега. «Держись подальше от Маскл-Бич!» – крикнул я.

– Что?

– «Держись подальше!» – крикнул я. Она где-то тут. «Шанель» номер пять!

Я выхватил у него из рук свой фонарик и направил луч обратно, на его призрачное лицо.

– Где?

– Что такое? – Он громко фыркнул.

– Боже, я не понимаю.

– Да туда же, туда.

Отзвуки его смеха неслись со всех сторон.

– Погоди! Я ничего не вижу!

– Видеть не требуется. «Шанель»!

Снова хохот.

Я крутанул фонарик.

Под бормотание собеседника до моего слуха донеслись вроде бы отзвуки погодных явлений, смены времен года; отдаленный шум дождя. Сухая очистка, подумал я, но не сухая, стремительный поток; воды по щиколотку, будет по колено – затопит всю проклятую дыру, отсюда и до моря!

Я шатнул луч вверх, кругом, обратно. Ничего. Звук нарастал. Шепоты множились, да, но дело было не в перемене погоды с сухой на влажную – шептали голоса; не капли ударяли в цементный пол, а шлепали босые ноги; в глухом ропоте мешались спокойное удивление, споры, любопытство.

Люди, подумал я, бог мой, еще тени вроде этой, еще голоса, весь проклятый клан, тени и тени теней, подобные немым призракам на потолке у Раттиган, привидения, что поднимаются в потолок, кружатся, иссякают, как дождь.

А что, если ее киношных призраков сдуло ветром с ее проектора, с бледных экранов наверху, у Граумана, если они, одевшиеся в паутину и налитые светом, обрели голос – боже правый, что, если?

Глупость! Я выключил фонарь, потому что рядом продолжал заунывно нашептывать безумец дождя и туннелей. Чувствуя щекой его горячее дыхание, я отшатнулся назад: я боялся осветить его лицо, боялся вторично направить луч в туннель и тем овестить прилив призрачных голосов, которые звучали уже громче, ближе. Тьма плыла, невидимая толпа собиралась, свихнутый чудак вырастал и приближался, пальцы, державшие меня за рукав, казалось, готовы были вцепиться, связать, ливень голосов стучал уже не в отдалении, пора было сорваться с места, бежать сломя голову, в надежде, что у этих тварей нет ног!

– Я... – начал я дрожащим голосом.

– Что такое? – крикнул мой приятель.

– Я...

– Чего ты испугался? Смотри. Смотри! Смотри сюда!

Невидимые руки подтолкнули меня сквозь темноту к сгустку тьмы, который затем распался на тени, а те, в свою очередь, оказались людьми. Толпа теснилась вокруг одной фигуры; в темноте тонули ее рыдания и

жалобы, голос был женский.

Женщина ненадолго замолкла и снова принялась плакать, вскрикивать и стонать, а я тем временем приблизился.

Тут кто-то додумался поднести зажигалку, щелкнул ею, и голубой огонек изогнулся в сторону этого закутанного в шаль, нечесаного создания, этой мятущейся души.

По примеру первой из тьмы с шипением выплыла еще одна зажигалка, вспыхнул и застыл огонек. Пошли вспыхивать другие, как рой светлячков, выстраиваться в круг, световой круг замкнулся. Внутри его, являя наблюдателям это горе, это волнение, этот шепот, эти всхлипывания, этот внезапно возвышавшийся голос, плавало полдюжины – дюжина – два десятка голубых огоньков помельче; их протягивали и держали, чтобы воспламенить голос, придать ему очертания, осиять тайну. Светлячки умножались – голос звенел пронзительней, испрашивая какого-то незримого дара, желая одобрения; ему требовалось внимание, ему нужно было жить, он взывал к тому, чтобы этот облик, это лицо, эта суть были разгаданы.

– Если б не мои голоса, я бы совсем отчаялась, – горестно повторяла она.

Что, подумал я. Что это? Что-то знакомое! Я почти догадывался. Почти понимал. Что?

– Колокола зазвенели в небесной выси, и эхо их медлит в полях. Сквозь сельское затишье, мои голоса! – восклицала она.

Что это? Почти, думал я. Почти знакомо. О господи, что?

Дикий порыв штормового ветра примчался от далекого океана, пахнуло солью, прокатился гром.

– Ты? – крикнул я. – Ты!

Все огни погасли, оставив после себя полную тьму и испуганные голоса.

Я выкликнул ее имя, но вместо ответа последовала лавина панического топота и крика.

Под грохот и суету мне в руку, лицо, колено ткнулась мягкая плоть, я раз, потом другой крикнул: «Ты!» – и остался один.

Вокруг творилась полная кутерьма, тьма раздробилась на тысячи бешеных потоков, среди которых, прямо у моих губ, засветился единственный огонек, и одно из этих странных созданий при виде меня выругалось: «Ты, это ты ее спугнул! Ты!»

Ко мне потянулось множество рук, и я упал навзничь.

– Нет! – Я перевернулся и вскочил на ноги, надеясь, что бегу к океану,

а не к призракам.

Потом я споткнулся и упал. Фонарик покатился. Господи, подумал я, если он потеряется...

Я встал на четвереньки. «Ну, пожалуйста, пожалуйста!»

Пальцы сомкнулись на фонарике, я ожил, вскочил и, ощущая за спиной темный поток, на шатких ногах пустился в бегство. Держись, думал я, только не падать, луч фонаря, как веревка, тянет, только не падать и не оглядываться! Где они: близко, далеко, а может, впереди ждут другие? Боже милостивый!

И тут туннель огласился самым прекрасным в мире звуком. Впереди, подобием солнечного восхода у райских врат, вспыхнуло освещение, громко запел автомобильный гудок, раскатился грохот. Машина.

Люди вроде меня мыслят кинокадрами, живыми мимолетными картинками без слов, вспышками молнии. Джон Форд^[111], подумалось мне, Долина монументов! Индейцы! Наконец-то чертова кавалерия!

Впереди, вынырнув со дна морского... Мое спасение, древняя развалина. И привставший за рулем... Крамли. Изрыгает ругательства, каких от него прежде никто не слышал, клянет меня на чем свет стоит, но радуется оттого, что меня нашел, и вновь поносит чертова дурня.

– Смотри не зашиби! – вскрикнул я.

Автомобиль затормозил у самых моих ног.

– Зашибу, когда выберемся! – пообещал Крамли.

Фары заставили тьму отступить. Крамли жал на гудок, размахивал руками, брызгал слюной, бесновался – от всего этого я ошалел.

– Твое счастье, драндулет пролез! Что там?

Я бросил взгляд обратно, во тьму.

– Ничего.

– Тогда и подвозить тебя незачем! – Крамли газанул.

Я прыгнул внутрь и так тяжело плюхнулся на сиденье, что колымага содрогнулась.

Крамли ухватил меня за подбородок.

– Ты как?

– Теперь все нормально!

– Нам надо выбираться!

– Выбираться? – В глубине выросли тени. – Со скоростью пятьдесят миль в час?

– Шестьдесят!

Крамли всмотрелся в ночь.

– Сэчел Пейдж^[112] говорил, никогда не оглядывайся. Как бы этим кто-нибудь не воспользовался.

На свет нетвердо выступила дюжина фигур.

– Давай! – заорал я.

Мы умчались...

В обратном направлении, со скоростью семьдесят миль.

Крамли громко произнес:

– Мне позвонил Генри, рассказал, куда занесло чертова дурня Марсианина!

– Генри, – со вздохом повторил я.

– Фриц тоже! Сказал, «дурень» – это для тебя слишком мягко!

– Он прав! Быстрее!

Мы прибавили газу.

Слышался шум приборя.

Глава 41

Мы вырулили из канализационного туннеля, я глянул на юг и ахнул.

– Боже правый, гляди!

Крамли посмотрел туда.

– Это дом Раттиган, в двух сотнях футов. Как мы не замечали, что выход ливневого стока отсюда в двух шагах?

– Раньше мы пользовались не им, а Шестьдесят шестым шоссе.

– Если мы добрались сюда от Китайского театра Граумана, то Констанция могла проделывать тот же путь в обратном направлении.

– Только если она свихнулась. Черт. У нее точно мозги набекренистей некуда. Гляди.

На песке виднелись узкие изогнутые отметины.

– Велосипедные следы. На велосипеде весь путь займет не больше часа.

– Бог мой, не может быть, я никогда не видел, чтобы она ездила на велосипеде.

Я привстал в драндулете, оглядываясь на туннель.

– Она там. Вряд ли ушла. Она все еще там, в другом месте, не здесь. Бедняжка Констанция.

– Бедняжка? – взорвался Крамли. – Да у нее шкура как у носорога. Скули себе дальше из-за этой негодной бабенки, а я позвоню твоей жене, пусть приезжает и намылит тебе шею!

– Я ничего такого не делал.

– Разве? – Крамли дал полный газ, выезжая на берег. – Три дня как псих мотался по приемным вшивых хиромантов, балконам Китайского театра, карабкался на Маунт-Лоу! Парад неудачников, и все из-за крали, получившей «Оскара» за то, что не слишком дорожилась. Ничего такого? Распотроши мою шарманку, если я сфальшивил!

– Крамли! Кажется, я видел Раттиган там, в туннеле. И что ж мне теперь, сказать «иди к черту»?

– Конечно!

– Лжец, – сказал я. – Ты пьешь водку, а писаешь яблочным соком. Я тебя раскусил.

Крамли прибавил газу.

– О чем это ты?

– Ты мальчишка при алтаре.

– Иисусе, дай мне отогнать свою колымагу, чтоб не стояла прямо перед хорами этой водоплавающей дурищи!

Полузакрыв глаза, скрежеща зубами, он сперва погнался, потом замедлил ход.

Я с усилием сглотнул и произнес:

– Ты мальчик-сопрано. Папа с мамой умилялись, слушая тебя за полуночной мессой. Черт возьми, я заглянул тебе под шкуру в кино, где ты скрывал выступившие на глазах слезы. Католический верблюд со сломанным хребтом. Из великих грешников, Крамли, получают великие святые. Как бы ни был плох человек, он всегда заслуживает второго шанса.

– У Раттиган их было девять десятков!

– Неужели Иисус ведет им счет?

– Проклятье, да!

– Ничего подобного, потому что однажды ночью, в далеком будущем, ты позовешь священника, чтобы он тебя благословил, и он вернет тебя в одну из рождественских ночей, когда папа тобой гордился, а мама всплакнула, и ты закроешь глаза, чертовски радуясь, что ты снова дома и не нужно прятаться в туалете, чтобы скрыть свои слезы. В тебе по-прежнему живет надежда. Знаешь почему?

– Почему, черт возьми?

– Потому, что я этого для тебя хочу, Крам. Хочу, чтобы ты был счастлив, чтобы пришел домой, к чему-то, к чему-нибудь, пока не поздно. Позволь, я расскажу тебе историю...

– Нашел время трепать языком! Только-только унес ноги от компании ненормальных. Расскажи лучше, что ты видел в туннеле.

– Не знаю, я не уверен.

– Господи боже, погоди! – Крамли порылся в бардачке, откупорил с громким вздохом облегчения небольшую фляжку и выпил. – Если уж мне придется сидеть здесь и наблюдать за океанским отливом и приливом твоего красноречия... Говори.

Я заговорил:

– Когда мне было двенадцать, в мой родной город явился странствующий чародей, мистер Электрико. Он прикоснулся ко мне пламенеющим мечом и воскликнул: «Живи вечно!» Почему он мне это сказал, Крамли? Увидел что-то в моем лице, в манере держаться, сидеть, говорить – что? Знаю одно: прожигая меня своими глазами, он выдал мне мое будущее. Уйдя с ярмарки, я остановился у карусели, слушал, как каллиопа ^[113] играла «Прекрасный Огайо», и плакал. Я знал, случилось нечто невероятное, чудесное, не имеющее названия. Через три недели,

двенадцати лет от роду, я начал писать. С тех пор писал каждый день. Чем это объяснить, Крамли? Чем?

– Вот, – произнес Крамли. – Можешь прикончить.

Я допил остатки водки.

– Чем это объяснить? – спокойно повторил я.

Очередь была за Крамли.

– Наверное, он разглядел в тебе легковерного романтика, что гоняется за сказками, мечтателя, который разглядывает тени на потолке и думает, будто они живые. Господи, не знаю. У тебя всегда такой вид, словно только что из-под душа, даже если ты вывалялся в собачьем дерьме. Твоя невинность меня просто доводит. Может, это самое Электрико в тебе и подметил. Где водка? А, ну да. Ты закончил?

– Нет. Мистер Электрико наставил меня на правильный путь – разве я, в свою очередь, ничего не должен? Держать мистера Электрико при себе или пусть поможет мне спасти ее?

– Слабоумная чушь!

– Озарения. Иначе жить я не умею. Когда я женился, друзья предупреждали Мэгги, что я никуда не стремлюсь. Я сказал: «Я стремлюсь на Луну и Марс, хочешь присоединиться?» И она ответила – да. И до сих все было неплохо, так ведь? И на пути к «благословите меня, отче» и счастливой кончине почему бы не набраться решимости и не прихватить с собой Раттиган?

Крамли смотрел прямо перед собой.

– Ты серьезно это говоришь?

Он потрогал мое нижнее веко и поднес пальцы ко рту.

– Без обмана, – пробормотал он. – Солоно. Твоя жена сказала, ты плакал над телефонными книгами, – заметил он миролюбиво.

– Может, ведь в них полно людей, которые уже на кладбище. Если я теперь отступлюсь, я себя не прощу. И не прощу тебя, если ты убедишь меня отступить.

После долгого молчания Крамли вылез из автомобиля.

– Подожди, – проговорил он, не глядя на меня. – Я пошел пописать.

Глава 42

Вернулся он не скоро.

– Ты точно умеешь задеть человека за живое, – сказал он, забираясь в свой драндулет.

– Разве что слегка.

Крамли дернул головой, словно нацелившись меня боднуть.

– Ты чудило.

– Ты тоже.

Мы медленно двинулись вдоль берега к дому Раттиган. Я молчал.

– Опять что-то взошло в голову? – спросил Крамли.

– Почему так бывает, – начал я, – вот Констанция – человек-молния, циркачка, затейница, хохотунья, а в то же время она дьявол во плоти, злой искуситель на переполненном ковчеге жизни?

– Спроси Александра Великого, – отозвался Крамли. – Вспомни гунна Аттилу, который любил собак; да и Гитлера тоже. Обрати внимание на Сталина, Ленина, Муссолини, Мао, весь адский хор. Роммель^[114] – добрый семьянин. Как можно ласкать кошек и резать человеческие глотки, жарить пирожки и поджаривать людей? Как получилось, что нам симпатичен Ричард Третий, который швырял детишек в бочонки с вином? Как получилось, что из телевизора не вылезает Аль Капоне^[115]? Бог не ответит.

– Я не спрошу. Он дал нам свободу. Узда снята, значит, все зависит от нас. Кто написал: «Виски сделало то, что было не под силу Мильтону^[116], дабы оправдать обращение Бога с Человеком»? Я переписал эти слова и добавил: «А Фрейд портит детей и жалеет розгу, дабы оправдать обращение Человека с Богом».

Крамли фыркнул:

– Фрейд был семечком, потерявшимся в саду. Я всегда думал, что пересчитать наглому молокозосу зубы – святое дело.

– Мой отец моих зубов и пальцем не коснулся.

– Это потому, что ты вроде черствого рождественского кекса, к которому никто не притронется.

– Но ведь Констанция красавица?

– Ты принимаешь энергию за красоту. Я за океаном обалдел от французских девушек. Они все время показывают, что в них кипит жизнь: строят глазки, машут рукой, стоят на голове. Черт, Констанция всегда на взводе. Если она замедлится, тут же станет...

– Уродливой? Нет!

– Дай-ка! – Он сорвал у меня с носа очки и посмотрел сквозь них. – Розовые! Что ты увидишь вокруг без них?

– Тут ничего нет.

– Отлично! Смотреть не на что!

– Есть Париж весной. Париж под дождем. Париж в канун Нового года.

– Ты там был?

– Я видел кино. Париж. Дай очки.

– Я их попридержу, пока ты не поучишься у слепого Генри вальсировать. – Крамли сунул очки себе в карман.

Подогнав драндулет к фасаду белого замка на берегу, мы увидели у бассейна две темные фигуры, прятавшиеся под зонтиком от лунного света.

Мы с Крамли забрались на дюну и присоединились к Слепому Генри и злому Фрицу Вонгу. Перед ними стояли на подносе стаканы с мартини.

– Я знал, – заговорил Генри, – что после ливневой канализации вам нужно будет подкрепить силы. Хватайте. Пейте.

Мы похватали стаканы и выпили.

Фриц обмакнул монокль в водку, вставил себе в гляделку и произнес: «Так-то лучше!» Засим прикончил напиток.

Глава 43

Я прошелся кругом, расставляя вдоль бассейна складные стулья.

Крамли сказал, глядя исподлобья:

– Догадываюсь. Предстоит финал детективной истории Агаты Кристи, Пуаро устраивает у бассейна сходку всех подозреваемых.

– В самую точку.

– Продолжай.

Я продолжил:

– Этот стул – для коллекционера старых газет с горы Лоу.

– Который будет давать показания заочно?

– Именно. Следующий – для Царицы Калифии; давно на том свете, вместе со всей ее хиромантией и френологией^[117].

Я двигался дальше:

– Третий стул: отец Раттиган. Четвертый: киномеханик с верхотуры Китайского театра Граумана. Пятый: Дж. У. Брэдфорд, он же Таллула, Гарбо, Свенсон, Кольбер. Шестой: профессор Шустро, он же Скрудж, Николас Никльби^[118], Ричард Третий. Седьмой: я. Восьмой: Констанция.

– Погоди.

Крамли встал и прикрепил мне на рубашку свой полицейский значок.

– И мы должны здесь сидеть, – проговорил Фриц, – и слушать третьесортную Нэнси Дрю^[119]...

– Спрячь монокль, – распорядился Крамли.

Фриц спрятал монокль.

– Ну что, стажер?

Стажер прошел за стульями.

– Для начала, я – Раттиган, гоню под дождем с двумя Книгами мертвых. Кто-то уже мертв, кто-то вот-вот умрет.

Я выложил книжки на зеркальную столешницу.

– Теперь нам всем известно, что одну из книжек с покойниками послал в припадке тоски по прошлому Шустро: попугать Констанцию. Она пускается в бегство от прошлого, от воспоминаний о своей стремительной, бурной, никчемной жизни.

– Можешь это повторить, – вставил Крамли.

Я замолчал.

– Прости, – сказал Крамли.

Я взял другую книжку, личную, недавний перечень телефонов.

– Но что, если Констанция, получив старую Книгу мертвых, перенеслась в прошлое, к былым печалям и потерям, и решила с ним покончить, уничтожить прежних знакомцев одного за другим? Что, если это она пометила красным фамилии, а потом обо всем забыла?

– Что, если? – Крамли вздохнул.

– Пусть придурок восторгается. – Фриц Вонг вставил монокль обратно в глаз и наклонился вперед. – Так Раттиган решает убить, покалечить или, по крайней мере, напугать свое собственное прошлое, *ja?*^[120] – В его голосе слышалась характерная для немцев строгая озабоченность.

– Именно так полагается играть следующую сцену? – спросил я.

– Приключенческий жанр. – Фриц заинтересовался.

Я зашел за первый пустой стул.

– Здесь у нас тупик старой троллейбусной линии на Маунт-Лоу.

Фриц и Крамли кивнули, видя перед собой мумию, завернутую в газетные заголовки.

– погоди. – Слепой Генри прищурился. – Порядок, я там.

– Здесь ее первый муж, первая крупная ошибка. И вот она взбирается на гору, чтобы стянуть газеты со своими прежними «я». Хватает газеты, как я хватал, и что-то кричит на прощанье. То ли обвал произошел от толчка, то ли от заключительного вопля, кто знает? Так или иначе, трамвайщик с Маунт-Лоу потонул в лавине плохих новостей. О'кей?

Я глянул на Крамли: его рот округлился в «о'кее». Он кивнул, Фриц тоже. Генри это уловил и сделал ободряющий жест.

– Стул номер два. Банкер-Хилл. Царица Калифия. Предсказывала будущее, гарантировала судьбу.

Я взялся за стул, словно собираясь подтолкнуть массивного слона на роликах.

– Констанция подняла крик у нее под дверью. Калифия не была убита, как не была убита египетская древность с горы Лоу. Разумеется, Раттиган на нее накричала, требовала забрать назад предсказания, гарантии будущего. Калифия развернула папирус – дорожную карту, Констанция отправилась следом, слепая, как летучая мышь, – прости, Генри, – и полная радостных надежд. Калифия лжет? Невозможно. Впереди радужное будущее? А как же! Позднее Констанция потребовала, чтобы та взяла свои слова обратно. Калифия признала свои ошибки, наврала что-то еще и осталась жива, но, разволновавшись, свалилась с лестницы и погибла. Это не убийство, это испуг.

– Это что касается Калифии, – проговорил Крамли, стараясь не показывать своего одобрения.

– Сцена третья, дубль первый, – объявил Фриц.

– Сцена третья, дубль первый, стул номер три. – Я переместился. – Исповедальня собора Святой Вибианы.

Фриц придвинулся ближе, монокль, как маяк, обрыскивал мою миниатюрную сцену. Кивком Фриц велел мне продолжать.

– А здесь великодушный брат Раттиган, который пытается наставить ее на стезю добродетели. Когда Калифия командовала «налево», он рявкал «направо»; грехи множились, вероятно, не один год, и наконец у него опустились руки и он отлучил Констанцию от церкви. Но она вернулась, беснуясь, требуя отпущения, выкрикивая: «очисти меня, прости собственную плоть и кровь, сжался, уступи», но он зажал себе уши и на крик ответил криком; не от ее крика он умер, а от своего собственного.

– Это слова. – Фриц зажмурил один глаз, его монокль разил огненным кинжалом. – Докажи. Если тут снимается треклятый фильм, сочини момент истины. Скажи, почему ты так уверен, что священник стал жертвой собственного гнева?

– Черт, да кто тут детектив? – вмешался Крамли.

– Этот вот вундеркинд, – не глядя на него, протянул Фриц; обращенная на меня линза все так же сверкала. – От того, что он сейчас скажет, зависит, пройдет он или не пройдет.

– Я не на работу нанимаюсь, – откликнулся я.

– Ты ее уже получил. Или от ворот поворот. Я директор студии, а ты добиваешься сделки с судом. Откуда тебе известно, что священник сам довел себя до смерти?

Я выдохнул.

– Потому что я слышал его дыхание, глядел в лицо, видел, как он бежал. Он не переносил, как Констанция ныряет в волны, как выходит из воды в другом месте. Она была горячим воздухом пустыни, а он – туманом. Столкновение. Молния. Жертвы.

– И все из-за единственного священника и его единственной беспутной сестрицы?

– Святой. Грешница.

Фриц Вонг застыл с разгоряченным лицом, с нечестивой усмешкой на губах.

– Ты принят. Крамли?

Крамли посторонился, но в конце концов кивнул.

– Как доказательство? Сойдет. Что дальше?

Я переместился к следующему стулу.

– Мы в Китайском театре Граумана, на верхотуре, поздний вечер,

прокручивается пленка, на экране фигуры, на стене фотографии. Все прежние «я» Раттиган прибиты к стенке, забирай тепленькими. И единственный человек, который знает ее как облупленную, ее отец, хранитель несвященного пламени, но ему она тоже не нужна, и вот она врывается и крадет фотоснимки, свидетельство ее прошлого. Она и их хочет сжечь, потому что ненавидит свои прежние «я». От последнего ее вторжения и от всего прочего папаша приходит в ужас. Его раздирают противоположные чувства (все-таки это его дочь), он мирится с потерей фотографий, но запускает закольцованную пленку: Молли, Долли, Салли, Холли, Гала, Уилла, Сью... Пленка все еще крутится, лица светятся, прибываем мы, но слишком поздно, чтобы спасти его или украденные фото. Некриминальный труп номер четыре...

– Итак, Дж. Уоллингтон Брэдфорд, он же Таллула Бэнкхед, вкуче с Крофорд, вкуче с Кольбер, все еще жив и не пал жертвой? – спросил Крамли. – И то же относится к шустрому на перемены артисту Шустро?

– Они живы, но ненадолго. Они не прочней бумажного змея в затяжную бурю. Констанция на них гневалась...

– Почему? – спросил Крамли.

– Они учили ее не быть собой, – вмешался Фриц, гордый своей пронизательностью. – Не делай этого, делай то, не поступай так, поступай эдак. Ричард Третий учит тебя быть дочерью Лира, Медеей, леди Макбет. На всех один размер. Она становится Электрой, Джульеттой, леди Годивой, Офелией, Клеопатрой. Брэдфорд сказал. Раттиган исполнила. То же и с Шустро. Вот мчится Конни! Ей нужно показаться у обеих дверей, чтобы сбросить одежду, черты, сжечь бумаги. Могут ли учителя разучить? Констанция потребовала. «Кто такая Констанция, что она такое?» – вот суть ее слов. Но они умели учить только туда, а не обратно. И Констанцию понесло...

– В гардеробные подвального этажа, – продолжил я. – Сначала, конечно, наверх, забрать фотографии, но потом – стереть с зеркал свидетельства своих прежних «я». Убрать, соскоблить, стереть, имя за именем, год за годом.

Я закончил, хлебнул мартини и замолк.

– Ну что наше «Убийство в Восточном экспрессе»^[121] – поезд подходит к станции? – спросил Фриц, растягиваясь на спине, как римский император у себя в купальне.

– Да.

– А дальше, – произнес Фриц своим красивым голосом с гортанными немецкими нотами, – готов ли ты приступить к работе над киносценарием

под названием «Раттиган, смерть за смертью»; начало в понедельник, пять сотен в неделю, десять недель, двадцать тысяч премия, если мы в итоге снимем эту чертову картину?

– Бери деньги и тикай, – посоветовал Генри.

– Что скажешь, Крамли, принять предложение?

– Ход мысли бездарный, но для фильма – то, что надо.

– Ты мне не поверил?

– Таких свихнутых, как ты только что описал, на свете не бывает.

– Боже милостивый, чего же ради я распинался? – Я рухнул на стул. –

Не хочу больше жить.

– Хочешь-хочешь. – Наклонившись вперед, Фриц что-то царапал в блокноте.

Там лежало пять сотен в неделю.

Фриц кинул на стол билет в пять долларов.

– Твое жалованье за первые десять минут!

– Выходит, ты почти что поверил? Нет. – Я отодвинул бумагу. – Нужно, чтобы хоть один из вас принял мою идею.

– Я.

Мы подняли глаза на Слепого Генри.

– Подписывай контракт, – проговорил он, – но пусть он распишется в том, что действительно поверил каждому твоему слову!

Я заколебался, потом нацарапал свою декларацию на бумаге.

Недовольно ворча, Фриц подписал.

– Уж эта мне Констанция, – брюзжал он. – Проклятье! Стучится в дверь и набрасывается на тебя, как чертова змея. Разрази меня гром! Если она тебя убьет, кому до этого есть дело? Чего ради ей носиться, испугавшись собственных телефонных книг, и разыскивать всех придурков, что морочили ей голову? Ты бы испугался телефонной книги? Господи, нет! Должна быть причина, отчего она сорвалась с места. Мотив. Зачем, черт побери, вся эта суета, чего она добивалась? Погоди.

Фриц замолк, внезапно побледнел и медленно залился краской.

– Нет. Да. Нет, не может быть. Нет. Да. Точно!

– Что точно, Фриц?

– Хорошо, что я говорил сам с собой. И хорошо, что я слушал. Кто-нибудь слышал?

– Ты ничего не сказал, Фриц.

– Я буду говорить сам с собой, а вы подслушивайте, *ja*?

– *Ja*.

Фриц насквозь прожег меня взглядом. Погасив раздражение глотком

мартини, он начал:

– Тому назад месяц – нет, два – она примчалась, запыхавшись, ко мне на работу. Правда ли, спрашивает, что ты приступаешь к новому фильму? Пока без названия? Да, отвечаю. Возможно. А для меня там есть роль? Виснет у меня на шее, метит сесть на колени. Нет, нет. Да-да, как же. Роль должна быть. Какая, Фриц, скажи. Не нужно было ей говорить. Но я сказал, господи, помоги мне!

– Что это был за фильм, Фриц?

– Что я задумал, тебе знать не нужно, говорю я ей.

– Да, Фриц, но бога ради. Назови фильм!

Фриц словно не слышал; созерцая сквозь монокль усыпанный звездами небосвод, он продолжил говорить сам с собой, а мы должны были подслушивать.

– Эта роль не по тебе, говорю. Она заплакала. Пожалуйста, просит. Попробуй меня. Есть роли, Констанция, которые тебе не сыграть, в каких ты никогда не бывала. – Фриц вновь приложился к стакану. – Орлеанская дева.

– Жанна д'Арк!

– Боже мой, кричит. Жанна! Я должна это сыграть, все свои роли отдала бы за эту!

Должна это сыграть! – прозвенело эхо.

Жанна!

В ушах у меня звучал крик. Падал дождь. Бежала вода.

Дюжина зажигалок вспыхнули, придвинулись к печальной, плачущей женщине.

«Если бы не мои голоса, я бы совсем отчаялась! Колокола зазвенели в небесной выси, и эхо их медлит в полях. Сквозь сельское затишье, мои голоса!»

Подземные слушатели вздохнули: Жанна.

Жанна д'Арк.

– Боже правый, Фриц! – крикнул я. – Повтори!

– «Святая Иоанна»?

Я отпрыгнул назад, уронив стул.

Фриц продолжал:

– Слишком поздно, Констанция, сказал я. Поздно никогда не бывает. А я говорю, послушай, я тебя испытаю. Если получится, если ты сможешь сыграть сцену из «Святой Иоанны» Шоу... это невероятно, однако если справишься, ты получишь эту роль. Она потрясена. погоди, кричит, я умираю! погоди, сейчас вернусь. И убегает.

Я спросил:

– Знаешь, Фриц, что ты только что сказал?

– Проклятье, а как же! «Святая Иоанна»!

– Боже мой, Фриц, как ты не понимаешь? Нас сбило с толку то, что она сказала отцу Раттигану: «Я убила их, убила! Помоги мне их похоронить!» – кричала она. Мы думали, она говорит о старике Раттигане с горы Лоу, о Царице Калифии с Банкер-Хилл, но нет, прах меня побери, она их не убивала, она хотела, чтобы ей помогли убить Констанцию!

– Что за опять двадцать пять? – спросил Крамли.

– «Помоги мне убить Констанцию!» – сказала Констанция. Почему? Ради Жанны д'Арк! Вот ответ. Ей до зарезу нужна была эта роль. Весь месяц она к ней готовилась. Верно, Фриц?

– Секундочку, я только выну монокль и вставлю обратно. – Фриц пристально на меня глядел.

– Смотри, Фриц! Она не годилась для этой роли. Но есть один способ, чтобы ей сделаться Святой Иоанной!

– Говори же, ко всем чертям!

– Черт дери, Фриц, ей нужно было убежать от тебя, вернуться в прошлое, подробно, строго рассмотреть свою жизнь. Нужно было убить одно за другим все свои «я», заклясть всех призраков, чтобы, когда все эти Констанции будут мертвы, пройти испытание и, возможно (всего лишь возможно), овладеть этой ролью. За всю жизнь у нее не было подобной роли. Констанции представился громадный шанс. И воспользоваться им она могла лишь при одном условии: если убить свое прошлое, неужели не понятно, Фриц? Этим объясняется все, что происходило в последнюю неделю, со всеми этими людьми, с Констанцией, как она появлялась, исчезала и появлялась снова.

– Нет, нет, – мотнул головой Фриц.

– Да, да, – отозвался я. – Ответ лежал на поверхности, но только когда ты назвал имя, мне все стало ясно. За Святую Иоанну любая женщина отдаст что угодно. Невозможная мечта. Недостижимая.

– Я буду проклят.

– Нет-нет, Фриц! Благословен! Ты разрешил загадку! Теперь, если мы разыщем Констанцию и скажем ей, что, может быть, – это всего лишь возможность, – у нее есть шанс... Может быть... – Я сделал паузу. – Фриц. Отвечай.

– Что?

– Если Констанция внезапно явится Орлеанской девой, невероятно юная, невысказанно изменившаяся, ты дашь ей роль?

Фриц нахмурился.

– Проклятье, не подталкивай меня!

– Я не подталкиваю. Гляди. Был у нее в жизни такой период, когда она могла сыграть Деву?

– Да, – помолчав, признал Фриц. – Но то тогда, а то теперь!

– Выслушай меня. Что, если каким-то чудом она себя покажет? Когда думаешь о ней, просто представляй ее стоящей здесь, а ее прошлое выкинь из мыслей. Вспомни женщину, которую ты некогда знал, – дал бы ты ей эту роль, если бы она попросила?

Фриц задумался, поднял стакан, наклонил, наполнил его из матового хрустального кувшина и наконец произнес:

– Господи, помилуй; думаю, мог бы дать. Не дави на меня, не дави!

– Фриц, если мы разыщем ту Констанцию и она тебя попросит, согласишься ли ты хотя бы подумать?

– Бог мой, – проворчал Фриц. – Господи Иисусе! Да! Нет! Не знаю!

– Фриц!

– Хватит, к чертовой матери, вопить! Да! Но только подумать!

– Отлично! Порядок! Замечательно! Теперь, если только...

Мой взгляд блуждал по берегу, отыскивая вдалеке выход ливневого стока. Я отвел глаза в сторону, но поздно.

И Крамли, и Фриц перехватили мой взгляд.

– Стажеру известно, где сейчас Медея, – заключил Крамли.

Боже, ну да, думал я, знаю! Но только я спугнул ее своим воплем!

Фриц направил монокль на выпуск канализации.

– Это оттуда ты явился? – спросил он.

– Явился не запылится, – фыркнул Крамли.

– Я ехал пассажиром, – признал я виновато.

– Черта с два! Для начала не нужно было вообще лезть в водосток.

Похоже, ты нашел Раттиган, а потом снова потерял.

Похоже! – подумал я. О господи, похоже!

– Этот ливневый сток, – рассуждал Фриц. – Может – это всего лишь возможность, – ты побежал не туда?

– Я что?

– Здесь, в безумном Голливуде, – продолжал Фриц, – дорожек разбегается немало? Канализационные туннели, они ведь идут в разных направлениях?

– На юг, север, запад и... восток, – закончил я медленно.

– Восток! – выкрикнул Фриц. – *Ja*, восток, восток!

Наши мысли устремились через холмы вниз, к Глендейлу. В Глендейле

никто не бывал, за исключением...

За исключением тех случаев, когда кто-то умирал.

Фриц Вонг крутанул монокль в своем яростном правом глазу и с на редкость язвительной улыбкой принялся изучать восточный горизонт.

– Черт возьми! – сказал он. – Это будет грандиозный финал. Не нужно и сценария. Сказать тебе, где прячется Раттиган? На востоке! Забилась в нору!

– Куда-куда? – спросил Крамли.

– Хитрющая лиса, проворная кошка. Забилась в нору. Устав от всех своих жизней, стыдясь их! Сунуть их все в финальный ковер Клеопатры, скатать, поместить в банк Вечности. Затемнение. Мрак. Нор там хватает.

Мы ждали.

– Лесная Лужайка, – сказал Фриц.

– Фриц, там ведь хоронят!

– Кто тут режиссер? – проговорил Фриц. – Ты свернул не туда: к открытому воздуху, к океану, к жизни. А Раттиган отправилась к востоку. Смерть позвала ее всеми двумя дюжинами имен. Она ответила одним голосом.

– Бред собачий, – сказал Крамли.

– Ты уволен, – откликнулся Фриц.

– Я и не нанимался. Что дальше?

– Пойди и докажи, что я прав!

– Итак. Раттиган спустилась в канализационный туннель и пошла на восток, или поехала, или ее погнали? – проговорил Крамли.

– Так я и стану это снимать. Фильм! Роскошно!

– Но зачем ей на Лесную Лужайку? – слабо запротестовал я, гадая, не я ли ее туда отправил.

– Чтобы умереть! – торжествующе объяснил Фриц. – Почитай повесть Людвиг Бемельманса^[122] о старике; скончавшись, он водрузил себе на голову горящую свечу, обвесился цветами и, единственный участник похорон, прошествовал в могилу! Констанция поступила так же. Отправилась умирать в последний раз, да? Ну, я выезжаю? Кто за мной? Поедем поверху или прямо по канализационному туннелю?

Я поглядел на Крамли, он – на меня, оба мы – на Слепого Генри. Почувствовав наши взгляды, он кивнул.

Фриц уже снялся с места, прихватив с собой водку.

– Ступайте вперед, – предложил Генри. – И не забывайте время от времени ругаться, чтобы я вас не потерял.

Мы с Крамли направились к его драндулету. Генри пошагал следом.

Фриц первым забрался в машину, хлопнул дверцей и загудел.

– Ладно, чертов колбасник! – крикнул Крамли.

Автомобиль, забренчав, рванулся вперед.

– Проклятье, как выехать на ближайшее шоссе?

Мы помедлили у туннеля, взглянули внутрь, потом на открытую дорогу.

– Ну что, умник? – спросил Крамли. – Дантов Ад или Шестьдесят шестая магистраль?

– Дай подумать, – отозвался я.

– Поздно! – крикнул Крамли.

Фрица нигде не было видно. Мы окинули взглядом берег и не нашли его машину.

Мы повернули головы направо. В глубь туннеля удалялись два красных огонька.

– Иисусе! – взревел Крамли. – Он рванул по туннелю! Дурень чертов!

– Что будем делать? – спросил я.

– Ничего. Вот что! – Он газанул. Мы развернулись и нырнули в туннель.

– Безумие! – заорал я.

– Выпивка треклятая! – выругался Крамли. – Черт ее дери!

– Хорошо, что я этого не вижу, – произнес на заднем сиденье Генри, обращаясь к ветру, дувшему в лицо.

Мы помчались по туннелю, направляясь в глубь материка.

– Проедем? – спросил я. – Какова высота туннеля?

– В большинстве мест десять футов, – прокричал Крамли. – Чем глубже забираешься, тем выше потолок. Поток стекает с гор в Глендейле, поэтому канал должен быть большим, чтобы вместить воду. Держитесь!

Машина Фрица впереди едва виднелась.

– Идиот! – бросил я. – Он хоть знает, куда едет?

– Да, – кивнул Крамли. – До Китайского театра Граумана, а потом налево, к чертову мраморному саду.

Наш мотор дребезжал. Под грохот мы различили впереди толпу сумасшедших, которые прежде на меня набросились.

– Боже! – вскричал я. – Как бы они не сунулись под машину! Не сбавляй скорость! Это ненормальные! Вперед!

Мы гнали по туннелю. Мотор ревел. По сторонам, на стенах, мелькала история Лос-Анджелеса: пиктограммы, граффити, безумные рисунки, оставленные бездомными в сороковом, тридцатом, двадцать пятом году; лица и жуткие образы, и ничего живого.

Крамли сбавил газ. Мы въехали в толпу подземных психов, которые приветствовали нас жуткими визгливыми криками. Но Крамли не остановился. Мы разрезали толпу, разбросали ее в стороны.

Один из призраков выпрямился на шатких ногах, что-то невнятно бормоча.

«Эд, Эдвард, Эдди, о Эдуардо! – подумал я. – Это ты?»

– Ты не попрощался! – исступленно бросил он и пропал.

Я всхлипнул, и мы помчались дальше, обгоняя мою вину. Мы оставили все позади, и чем глубже забирались, тем мне становилось страшнее.

– Как, черт возьми, узнать, куда нас занесло? Тут нет указателей. Или мы их не видим.

– Может, они и есть, – отозвался Крамли, – давай посмотрим.

Вокруг виднелись какие-то знаки, написанные где мелом, где черной краской. Крамли сбросил скорость. На стене перед нами кто-то вырезал рисунок: несколько распятий и надгробий, как в комиксе.

Крамли сказал:

– Если положиться на Фрица как на проводника, мы в Глендейле.

– Это значит...

– Да. Лесная Лужайка.

Крамли включил верхние фары и на медленном ходу стал вилять то вправо, то влево; мы увидели на потолке туннеля отверстие, прикрытое решеткой, под ним пустую машину Фрица и его самого, карабкавшегося по лестнице. Вдоль ведущей вверх лестницы шел ряд крестов.

Мы вышли из автомобиля, пересекли высохшую лужу и тоже начали подниматься. Над нами что-то оглушительно клацало. Мы разглядели очертания Фрица и сдвинутый в сторону люк; с неба закапало нам на плечи.

Мы молча поднимались. Фриц над нами выкрикивал указания:

– Да быстрее же, полудурки чертовы!

Мы посмотрели вниз.

Слепой Генри не собирался выходить из игры.

Глава 44

Гроза кончилась, но оставила после себя мелкий дождичек. Небо, вроде миража, сулило щедро, но давало скупое.

– Мы еще на этом свете? – спросил Генри.

Мы все смотрели в ворота кладбища Лесная Лужайка: пологий склон холма, засеянные в траве могильные камни – словно последствия метеоритной бомбардировки.

– Говорят, избирателей здесь наберется больше, чем в Падики, штат Кентукки, в Ред-Ривер, Вайоминг, или в Азузе на востоке Лос-Анджелеса, – заметил Крамли.

– Нравятся мне старомодные кладбища, – сказал Генри. – Надгробья, которые можно потрогать руками. Где можно растянуться, как статуя, где можно в поздние часы поиграть с подружкой в доктора.

– Были такие, кто приходил просто проверить, на месте ли у Давида фиговый листок? – спросил Фриц.

– Слышал я, – проговорил Генри, – когда его привезли на корабле, листка не было, и вот он год пролежал под брезентом, чтобы не оскорблять чувства старых дам в теннисных туфлях. За день до того как, назло зрителям, наклеить фиговый листок, невидимую условность пришлось срукоблудить прочь. Когда живые люди в полночь на кладбище выделывают гимнастические фигуры, это называется предварительными ласками. Когда тем же занимаются мертвецы – это уже заключительные ласки.

Мы стояли под морозящим дождем, глядя через дорогу на кладбищенскую контору.

– Забилась в нору, – шепнул кто-то. Это был я.

– Шевелимся! – распорядился Крамли. – Через полчаса дождевая вода стечет к подножию. Наши машины смочет, вынесет в океан.

Мы уставились в открытый люк. Там журчал ручей.

– Боже! – забеспокоился Фриц. – Мой исторический автомобиль!

– Шевелимся!

Нырнув под дождь, мы побежали через улицу к зданию конторы.

– Про кого мы спросим? – сказал я. – И что?

Несколько секунд все переглядывались, ошарашенные.

– Спросим про Констанцию?

– Ага, как же, – отозвался Крамли. – Расспросим обо всех этих

газетных заголовках и фамилиях. И обо всех прозвищах, что написаны помадой на зеркалах в подвальных гардеробных.

– Повтори, – попросил Генри.

– Это просто развернутая метафора. Бегом марш!

Беглым шагом мы вступили в чертоги смерти, а иначе – в обитель клерков и картотек.

Нам не пришлось брать номер и ждать: за передний стол скользнул очень высокий мужчина с льдисто-блестящими светлыми волосами и сероватым лицом и оглядел нас презрительно, словно сливную воду паровой прачечной.

Служащий выложил на стол карточку и подтолкнул ее к Крамли.

– Вы Грей? – спросил тот.

– Элихью Филлипс Грей, как видите.

– Мы покупаем участки на кладбище.

Запоздалая зимняя улыбка тронула рот Элихью Ф. Грея и повисла на нем, подобно туману. Жестом фокусника он продемонстрировал какой-то документ и прайс-лист.

Крамли не стал смотреть.

– Прежде всего, у меня есть список.

Он вынул составленный мною перечень имен и положил его вверх ногами перед Греем, который молча устремил на него взгляд.

Крамли вытащил шарик из скомканных сто долларовых билетов.

– Подержи у себя, ладно, стажер? – Бросив шарик мне, он обратился к Грею: – Вам известны эти фамилии?

– Все до единой. – Грей снова замолк.

Крамли выругался сквозь зубы.

– Прочитай их, стажер.

Я одно за другим перечислил имена.

– Холли Морган.

Грей пошуршал карточками.

– Она здесь. Похоронена в двадцать четвертом.

– Полли Старр?

Снова быстрый просмотр.

– Здесь. Двадцать шестой.

– Как насчет Молли Серс?

– Ага. Двадцать седьмой.

– Эмили Данс?

– Двадцать восьмой.

– Все похоронены здесь, точно?

Грей ответил кислым взглядом.

– За всю свою жизнь я не ошибся ни разу. Странно, однако. – Он снова просмотрел карточки, вынутые из картотеки. – Удивительно. Они что, друг другу родственницы, из одной семьи?

– Что вы имеете в виду?

Грей сфокусировал свой ледяной взгляд на именах.

– Потому что, смотрите, все они помещены в один и тот же готический каменный склеп.

– Это еще почему? – Крамли оживился и схватил карточки. – Как так?

– Странно, но все эти женщины, с разными фамилиями, положены в одну и ту же гробницу, мемориальное сооружение с восьмью полками для упокоения восьми членов одного семейства.

– Но они не принадлежали к одной семье! – заметил Фриц.

– Странно, – сказал Грей. – Непонятно.

Я вскочил, словно громом оглушенный.

– Погодите, – прошептал я.

Фриц, Крамли и Генри обернулись ко мне.

Грей поднял свои белоснежные брови.

– Да-а. – Он сделал из этого слова два долгих слога. – Ну?

– Гробница? Семейный склеп? На портике должно быть имя. Имя, высеченное в мраморе?

Грей просматривал карточки, мы ждали.

– Раттиган, – сказал он.

– Вы уверены?

– За всю...

– Да, знаю! Повторите имя!

Мы все затаили дыхание.

– Раттиган. – Холодный голос служащего исходил изо рта, похожего на стальной капкан.

Мы выдохнули.

Наконец я сказал:

– Они не могут все находиться в одном этом склепе.

Грей закрыл глаза.

– За...

– Знаю, знаю, – быстро проговорил я. И уставился на своих друзей.

– Вы думаете о том же, о чем и я?

– Господи Иисусе, – пробормотал Крамли. – Черт возьми. Не покажете ли, как пройти к гробнице Раттиган?

Грей нацарапал в блокноте карту.

– Найти проще простого. Перед гробницей свежие цветы. Дверь открыта. Завтра состоится заупокойная служба.

– Кого хоронят?

Мы ждали с закрытыми глазами, угадывая ответ.

– Раттиган. – Грей слегка заулыбался. – Некую Констанцию Раттиган.

Глава 45

С неба лились такие потоки, что кладбища не было видно. Взбираясь в небольшом электромобильчике по склону, мы различали только памятники по сторонам дороги. Тропа впереди была скрыта ливнем. На коленях у меня лежала карта, помеченная стрелкой, с названием участка. Мы остановились.

– Это здесь, – сказал Крамли. – Сады Азалий? Шестнадцатый участок. Неопалладианское сооружение^[123].

Завесу дождя отдуло ветром, и в свете молнии мы увидели изящную гробницу с палладианскими колоннами по обе стороны высокой металлической двери, которая стояла нараспашку.

– Если захочет на выход, – сказал Генри, – она вышла. Или пригласит народ войти. Раттиган!

Дождь приостановился, отодвинулся под напором ветра, склеп ждал, пока по границам кладбища прокатывался гром. Открытая дверь тряслась.

Крамли заговорил себе под нос:

– Господи Иисусе! Констанция хоронила себя. Имя за именем. Год за годом. Покончив с одной работой, одним лицом, одной маской, она брала внаем могилу и упрятывала себя туда. А теперь, чтобы, возможно, получить работу у Фрица, она заново убивает все свои прежние «я». Не ходи туда, Уилли.

– Она сейчас там, – сказал я.

– Вот хренотень, – буркнул Крамли. – Чертова интуиция?

– Нет. – Я содрогнулся. – Чертово подозрение. Ее нужно спасти. – Я выбрался из машины.

– Она мертва!

– Все равно я ее спасу!

– Черта с два! Ты арестован! Полезай назад!

– Ты, конечно, представитель закона, но ты мой друг.

Меня залили холодные струи.

– Да пропади все пропадом! Давай! Беги, придурок! Мы внизу подождем. Чтоб меня разорвало, если я останусь здесь наблюдать, как из чертовой двери вылетит твоя оторванная башка. Ищи нас внизу! Будь ты проклят!

– Подожди! – крикнул Фриц.

– Черта с два!

Фриц кинул небольшую фляжку, она попала мне в грудь.

Пока я, дрожа под ливнем от холода, смотрел на Фрица, Крамли с руганью вылез из машины. Мы стояли среди обширного похоронного поля, с открытыми железными воротами и открытой дверью склепа; дождь грозил вымыть из земли гробы. Я закрыл глаза и выпил водку.

– Готов, нет ли, – произнес я. – Пора.

– Проклятье, – буркнул Крамли.

Глава 46

Ночь была темная, грозовая.

Боже, подумал я, опять?

Топот. Крик. Молния, гром, ночь, несколько суток тому.

И вот, боже, все повторяется!

Хляби небесные разверзлись, дождь стоял во тьме стеной, рядом со мной была холодная гробница, а там, глубоко во мраке, – кто-то безумный, а может быть, и мертвый.

Стоп, сказал я себе.

Прикосновение.

Скрипнули внешние ворота. Взвизгнула внутренняя дверь.

Мы стояли в дверном проеме мраморной гробницы; солнце скрылось безвозвратно, дождь зарядил навечно.

Было темно, только мерцали на дверном сквозняке три голубые вотивные свечечки [\[124\]](#).

Мы глядели на саркофаг, расположенный справа внизу.

На нем значилось имя Холли. Но крышка отсутствовала и внутри было пусто, если не считать слоя пыли.

Мы посмотрели на следующую по высоте полку.

Снаружи, под дождем, сверкнула молния. Загорчало гром.

На следующей полке было высечено в мраморе имя Молли. Но и в этом саркофаге зияло пустое нутро.

Дверь у нас за спиной заливало дождем, а мы тем временем перевели взгляд на верхнюю и соседнюю с ней полки с мраморными вместилищами. Увидели имена Эмили и Полли. Один саркофаг точно был пуст. Дрожа всем телом, я потянулся к верхнему саркофагу. Мои пальцы не нащупали ничего, кроме воздуха.

Холли, Полли, Молли и Эмили, но вспышки молнии не явили нам ни одного тела, никаких останков.

Глядя вверх, на последнее вместилище, я встал на цыпочки, но тут где-то вдалеке раздался чуть слышный вздох и вроде бы плач.

Я отдернул руку и посмотрел на Крамли. Он поднял глаза на последний саркофаг и наконец произнес:

– Все в твоих руках, стажер.

Наверху, во мраке, кто-то еще раз вздохнул и замолк.

– Ну ладно, – сказал Крамли, – все на выход.

Все отступили наружу, под шелестящий дождь. Крамли оглянулся в дверях на свое безумное чадо, протянул мне фонарик, кивнул на прощанье и скрылся.

Я остался один.

Отступил. Уронил фонарик. Ноги подо мной подламывались. Чтобы его нашарить, понадобилась целая вечность; сердце колотилось в унисон с трясущимся лучом.

– Ты, – прошептал я, – там.

Господи, что значили эти слова?

– Это я, – сказал я тихо.

Повторил громче.

– Я тебя искал.

– Да? – пробормотала тень.

Дождь за спиной падал сплошной завесой. Мерцали молнии. Но гром по-прежнему молчал.

– Констанция, – обратился я наконец к темному силуэту на высокой полке, окутанной тенями дождя. – Послушай.

Я назвался.

Молчание.

Я снова заговорил.

О господи, подумал я, она и в самом деле мертва!

Хватит, черт возьми! Выходи! Едва заметный поворот, пожатие плеч – но свершилось. Тень с безличным лицом оживилась – всего лишь быстрее задышала.

Я ее не слышал, а скорее чувствовал.

– Что? – с придыханием шепнула она.

Я воспрянул духом, радуясь всякому признаку жизни, всякому ее биению.

– Меня зовут... – Я повторил свое имя.

– О, – пробормотал кто-то.

Это заставило меня шевелиться быстрее. Я отклонился от дождя, навстречу холодному воздуху гробницы.

– Я пришел тебя спасти, – прошептал я.

– Да?

Это была всего лишь комариная пляска в воздухе, неслышная, нет, не здесь. Разве покойница может говорить?

– Хорошо, – прозвучал шепот. – Ночь?

– Не спи! – крикнул я. – А то не вернешься! Не умирай.

– Почему?

– Потому. Потому что. Я так говорю.

– Говори. – Вздох.

Господи, подумал я, говори что-нибудь!

– Говори! – произнесла бесплотная тень.

– Выходи! – пробормотал я. – Это место не для тебя!

– Нет. – Легчайший шелест.

– Да!

– Для меня, –дохнула тень.

– Я помогу тебе выбраться.

– Откуда? –спросила тень. И, в паническом страхе: – Их нет! Они исчезли!

– Они?

– Исчезли? Они должны были исчезнуть! Исчезли?

Наконец в темную землю воткнулась молния, в гробницу стукнул гром. Я повернулся, глядя на каменные луга, холмы из блестящих плит, с которых струи дождя смывали имена. Плиты и камни зажглись от небесных огней и сделались именами на зеркальном стекле, фотографиями на стенах, записями на бумаге, но вот имена и даты на стекле поплыли, снимки посыпались со стен, в проекторе заскользила пленка, на серебристом экране внизу, в десяти тысячах миль отсюда, заплясали лица. Фотографии, зеркала, пленки. Пленки, зеркала, фотографии. Имена, даты, имена.

– Они еще здесь? –спросила тень с верхней полки склепа. – Снаружи, под дождем?

Я оглядел обширный кладбищенский холм. Дождь молотил по десяткам, сотням, тысячам камней.

– Их не должно здесь быть, – сказала она. – Я думала, они ушли навсегда. Но потом они стали стучать в дверь, будить меня. Я уплывала к своим друзьям, тюленям. Но как бы далеко я ни заплыла, они ожидали на берегу. Шептуны, напоминавшие о том, что я хотела забыть.

Она помедлила.

– Раз уж я не могла от них убежать, нужно было убить их, одну за другой, одну за другой. Кто они были? Они были мной? И вот я погналась за ними, вместо того чтобы убегать, одну за другой я находила, где они похоронены, и хоронила снова. В двадцать пятом, потом в двадцать восьмом, тридцатом, тридцать пятом. Где они останутся навечно. Пришло время лечь и заснуть навсегда, или они снова заявятся ко мне в три часа ночи... Так... где я остановилась?

Снаружи шел дождь. После долгого молчания я произнес:

– Здесь, Констанция, и я тоже, слушаю тебя.

Помедлив, она отозвалась:

– Они все ушли, на берегу теперь спокойно, я могу снова плавать и не бояться?

– Да, Констанция, они в самом деле похоронены. Ты сделала дело. Кто-то должен простить тебя за то, что кому-то нужно было быть Констанцией. Выходи.

– Зачем? – произнес голос на верхней полке.

– Потому что, как это ни дико, но ты нужна. Так что, пожалуйста, отдохни недолго, а потом протяни руку, и я помогу тебе сойти вниз. Слышишь, Констанция?

Небо потемнело. Огни погасли. Дождь падал, размывая камни, плиты и имена, страшные имена, что были высечены для вечности, но растворялись в траве.

– Они ушли? – донесся лихорадочный шепот.

– Да. – Мои глаза были наполнены холодным дождем.

– Да?

– Да. На кладбище пусто. Фотографии упали. Зеркала чистые. Остались только ты и я.

Дождь омывал невидимые камни, глубоко сидящие в затопленной траве.

– Выходи, – спокойно позвал я.

Падал дождь. Вода бежала по дороге. Надгробия, камни, плиты, имена потерялись.

– Констанция, и еще одно.

– Что?

После долгой паузы я сказал:

– Фриц Вонг ждет. Сценарий закончен. Декорации выстроены.

Я закрыл глаза, мучительно вспоминая.

Наконец я вспомнил.

– Если я не отчаивалась, то только из-за моих голосов. – Поколебавшись, я продолжил: – Мои голоса слышались мне в колоколах. Колокола зазвенели в полях, и эхо медлит. В сельском затишье, там мои голоса. Без них я бы отчаялась.

Молчание.

Тень зашевелилась. Показалось что-то белое.

Из тени выплыли кончики пальцев, потом ладонь и тонкая рука.

За долгой тишиной последовал глубокий вздох.

Констанция сказала:

– Я спускаюсь.

Глава 47

Буря утихла. Ее словно бы и не бывало. Разъяснилось, нигде не виднелось ни облачка, дул свежий ветер, как будто стараясь очистить плиту, или зеркало, или рассудок.

Я стоял на берегу перед арабской крепостью Раттиган, с Крамли и Генри, которые по большей части молчали, и Фрицем Вонгом, который обозревал сцену в поисках мелких и крупных планов.

Внутри дома перемещались, как тени, двое мужчин в белых комбинезонах; мне, полоумному писателю, чей мозг легко рождает сопоставления, они напомнили алтарных прислужников; захотелось – дикая мысль – увидеть здесь еще одну фигуру в белом – отца Раттигана, с курильницей и ладаном и святой водой, пусть бы освятил заново этот дом, который, вероятно, и не был прежде освящен. Боже милосердный, думал я, пошли священника, чтобы очистил это логово беззакония! Маляры внутри усердно трудились, отскребая стены, прежде чем покрыть их свежей краской; они не знали, кому принадлежал этот дом и что там когда-то обитало. Снаружи, на столике у бассейна, стояло пиво для Крамли, Фрица, Генри и меня, а также водка, если нам захочется.

Запах свежей краски вселял бодрость; он обещал безумную свободу, прощение грехов. Новая краска, новая жизнь? Молю, Господи.

– Как далеко она заплывает? – Крамли разглядывал буруны в сотне ярдов от берега.

– Меня не спрашивай, – отозвался Генри.

– Плавает с тюленями, – проговорил я, – или где-нибудь поблизости. У нее там полно друзей. Слышишь?

Тюлени тьякали, громко или тихо, я не знал – просто я их слышал. Это были радостные звуки, дополнение к свежей краске, делавшей старый дом новым.

– Скажи малярам, когда будут красить ее почтовый ящик, пусть оставят место только для одного имени, *ja*? – распорядился Фриц.

– Правильно, – согласился Генри. Он склонил голову набок и нахмурился. – Долгонько она плавает. Что, если не вернется?

– Это было бы не так уж плохо, – ответил я. – Ей нравится плавать в открытом море.

– После бури море вздувается, резвиться в волнах куда как хорошо. Эй! Что за гром!

Такой гром сопровождает обычно театральный выход.

Безошибочно подгадав ко времени, на подъездную дорогу за домом Раттиган с ревом вкатило такси.

– Боже! – воскликнул я. – Я знаю, кто там!

Хлопнула дверь. Проваливаясь в песок, от дома к бассейну двинулась женщина; ладони ее были сжаты в кулаки. Раскаленная, как домна, она встала передо мной и поднесла кулаки к моему носу.

– Имеешь что-нибудь сказать? – крикнула Мэгги.

– Извини? – пролепетал я.

– Извини!

Она замахнулась и изо всех сил врезала мне в нос.

– Вдарь еще раз, – предложил Крамли.

– Еще разочек на счастье, – подхватил Фриц.

– Что происходит? – спросил Генри.

– Ублюдок!

– Знаю.

– Сукин сын!

– Да, – кивнул я.

Она ударила меня снова.

У меня хлынула кровь. Залила подбородок и поднятые руки. Мэгги отступила.

– О господи, – вскрикнула она, – что я сделала!

– Врезала сукину сыну и ублюдку, – отозвался Фриц.

– Точно, – подтвердил Крамли.

– А ты помолчи! – рявкнула Мэгги. – Принесите кто-нибудь пластырь.

Я посмотрел на алые струи у себя на руках.

– Пластырь не поможет.

– Заткнись, бабник паршивый!

– Это уж перебор, – проблеял я.

– Ни с места! – крикнула она и вновь занесла кулак.

Я остался на месте, и Мэгги сникла.

– Нет, нет, хватит, хватит, – заплакала она. – Господи, это просто ужас.

– Давай, я заслужил.

– Заслужил, правда?

– Да.

Мэгги перевела взгляд на далекий прибор.

– Где она? В море?

– Где-то там.

– Надеюсь, никогда не выплывет!

– Я тоже.

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

– Не знаю. – Я старался говорить спокойно. – Может, ей там место. Может, у нее там друзья, немые друзья, может, ей не надо возвращаться, пусть остается с ними.

– Вздумает вернуться, я ее убью.

– Тогда ей лучше держаться подальше.

– Защищаешь ее, подонок?

– Нет, просто говорю, что ей лучше не возвращаться. В такие дни, после грозы, когда волны улеглись и небо очистилось, она всегда чувствовала себя счастливой. Я наблюдал это несколько раз. Она весь день не прикасалась к спиртному, проводила время в море, и можно было надеяться, что однажды она не вернется.

– Что за мысли у тебя в голове? А у нее?

– Никто не знает. Это происходит все время. Оправдания нет. Просто что-то случается, а дальше ты понимаешь, что все пошло к черту.

– Говори дальше, может, скажешь что-нибудь осмысленное.

– Нет, чем больше говоришь, тем меньше смысла. Она долго пропадала. Теперь, наверное, нашлась. Ерунда, брехня, не знаю. Я пообещал ей, если она заплывет в море со всеми этими именами, то выплывет, наверное, только с одним. Посулы, посулы. Когда она выйдет на берег, узнаем.

– Заткнись. Известно тебе, тупой ублюдок, что я тебя люблю?

– Известно.

– Я все еще люблю тебя, господи помилуй, несмотря ни на что, гад ты эдакий. Неужели такова женская доля?

– Большинства, – отозвался я. – Большинства. Объяснения нет. Причины тоже. Ужасная правда. Пес гуляет. Пес возвращается домой. Пес улыбается. Его бьют. Он прощает, за то, что его простили. И отправляется к себе в конуру или живет один. Я не хочу жить один. А ты?

– Не хочу, помоги мне, Иисусе. Вытри нос.

Я вытер. Кровь все еще шла.

– Прости, – вскричала Мэгги.

– Не извиняйся. Ты ни в чем не виновата. Не извиняйся.

– Стойте! – сказал Генри. – Слушайте.

– Что? – спросили все в один голос.

– Чувствуете?

– Что, черт возьми, что?

– Идет большой прибой, самая большая волна, – пробормотал Генри. –

И что-то с собой несет.

Вдалеке затаивали тюлени.

Вдалеке вздыбилась гигантская волна.

Крамли, Фриц, Генри, Мэгги и я затаили дыхание.

И волна пришла.

---

notes

Примечания

1

Ночь была темная, грозовая. – Знаменитая вступительная фраза из романа Э. Булвера Литтона «Пол Клиффорд» (1830).

Венис – восточный пригород Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана. Строился в начале XIX в. по образцу Венеции (Venice – Венеция по-английски). Известен авангардистскими постройками, крупной общиной художников и архитекторов.

Эрих фон Штрогейм (1885–1957) – американский режиссер, актер, сценарист, уроженец Австрии, в Голливуде с 1914 г. Эпическая социальная драма «Алчность» (1924), поставленная им по роману Фрэнка Норриса «Мактиг», была сокращена студией с восьми часов до двух и в полном виде не сохранилась. Самые знаменитые его актерские работы – в «Великой иллюзии» (1937) Жана Ренуара и «Бульваре Сансет» (1950) Билли Уайлдера.

Джек Гилберт, Джон Гилберт (Джон Сесил Прингл, 1897–1936) – прославленный герой-любовник немого кинематографа США, партнер Греты Гарбо в фильмах «Плоть и дьявол» (1926), «Любовь» («Анна Каренина», 1927), «Королева Кристина» (1933).

Род Ларок (Родрик Ларок Делару, 1898–1969) – звезда немого кинематографа США, прославился после картины Сесила Б. Демилля «Десять заповедей» (1923).

Гершвин, Джордж (1898–1937) – американский композитор, использовавший в своей музыке элементы джаза и негритянского фольклора, автор оперы «Порги и Бесс» и «Рhapsодии в блюзовых тонах».

Меглиновская крошка – то есть выпускник престижной актерской студии для детей, открытой Этель Меглин в 1928 году. Из этой студии вышли такие дети-звезды 1930-х, как Ширли Темпл, Джуди Гарленд, Микки Руни.

Тунервилльский трамвай – чрезвычайно опасное транспортное средство из комиксов Фонтейна Фокса, выходивших в газете «Чикаго трибьюн» в 1908–1955 гг.

Кортес, Эрнан (1485–1547) – конкистадор, в 1519–1521 гг. завоевал Мексику для испанской короны.

Грaб-стрит – улица в Лондоне, название которой стало нарицательным для обозначения литературных поденщиков, дешевых компиляторов, «желтых» журналистов самого низкого пошиба.

Христианская наука – протестантская секта, основанная в 1866 году Мэри Бейкер-Эдди; в ее учении акцентируется исцеление силой духа.

Джин Харлоу (Харлин Карпентьер, 1911–1937) – эталонная платиновая блондинка Голливуда, прославилась ролью в фильме Говарда Хьюза «Ангелы ада» (1930).

...дуэт – *Нельсон Эдди, Джанетт Макдональд*. – Нельсон Эдди (1901–1967) и Джанетт Макдональд (1903–1965) – популярный вокальный дуэт, в 1935–1942 гг. снялись вместе в восьми музыкальных фильмах, в т. ч. «Капризная Мариэтта», «Розмари», «Новая Луна», «Я вышла замуж за ангела».

Погибла Кэрол Ломбард. Авиакатастрофа. Гейбл рыдает. – Кларк Гейбл (1901–1960) и Кэрол Ломбард (Джейн Элис Питерс, 1908–1942) – голливудские звезды, муж и жена с 1939 г. Самая известная роль Ломбард – в ее последнем фильме «Быть или не быть» (1942), самая известная роль Гейбла – Ретт Батлер в «Унесенных ветром» (1939).

Эниветок – атолл в Тихом океане, из группы Маршалловых островов. В 1946–1958 гг. армия США провела на атоллах Эниветок и Бикини 67 испытаний ядерного оружия.

«Спам» – консервированная ветчина с пряностями (spiced ham); после агрессивной маркетинговой кампании 1937 г. по ее продвижению слово стало использоваться как нарицательное.

Жизнь Райли! – Комедий под названием «Жизнь Райли» выпускалось несколько: два полнометражных фильма в 1927 и 1949 гг. и три телесериала в 1949–1950, 1953–1958 и 1975 гг.

...Румпельштильцхен разорвался бы пополам... – В финале одноименной сказки братьев Гримм злой карлик Румпельштильцхен разрывает себя пополам.

Эмили Старр, смерть в двадцать пять лет... – Единственная сколько-либо известная Эмили Старр – это героиня романтической трилогии Люси Мод Монтгомери (1874–1942) «Эмили из «Молодого месяца», «Эмили: путь наверх» и «Эмили: ее поиск».

Корин Келли разводится с фон Штернбергом. – Фон Штернберг, Джозеф (1894–1969) – американский режиссер австрийского происхождения, вывел в звезды Марлен Дитрих и снял ее в семи фильмах: «Голубой ангел» (1930), «Марокко» (1930), «Обещанная» (1931), «Шанхайский экспресс» (1932), «Белокурая Венера» (1932), «Багровая императрица» (1934), «Дьявол – это женщина» (1935). В 1926–1930 гг. был женат на актрисе Ризе Ройс, в 1945–1947 гг. – на Джин Эветт Макбрайд, с 1948 г. и до смерти – на Мери Отис Уилнер.

Женевьев Карлос выходит замуж за сына Голдина. – Голдин, Сэмюель (Шмуэль Гельбфиш, 1882–1974) – знаменитый голливудский продюсер. Его сын Сэмюель Голдин-мл. (р. 1926) был в 1950–1966 гг. женат на актрисе Дженнифер Говард, а в конце 1940-х гг. помолвлен с актрисой Лореттой Люэс.

...Марти Кребс, помощник Луиса Б. Майера... – Луис Берт Майер (1885–1957) – кинопродюсер, основатель компании «Метро пикчерс», которая затем была включена в «Метро-Голдвин-Майер» (МГМ). Под его помощником Марти Кребсом, вероятно, имеется в виду Ирвинг Тальберг.

Герман Мелвилл (1819–1891) – классик американской литературы, автор «Моби Дика» (1851).

...лампы от «Тиффани»... – «Тиффани» – знаменитый американский ювелирный дом, существует с 1837 г. С конца XIX в. также выпускает изделия из стекла.

Знаете... Грэма Грина? <...> У него описан священник, потерявший веру. Потом случается чудо... – Грэм Грин (1904–1991) – видный английский писатель, автор романов «Ведомство страха» (1940), «Тихий американец» (1955), «Наш человек в Гаване» (1958), «Комедианты» (1966) и др. Насчет священника – имеется в виду роман «Власть и слава» (1940).

«*Маргарита*» – мексиканский коктейль из текилы, сока лимона или лайма и ликера. (*Прим. пер.*)

Скид-роу (Skid Row) – район притонов и ночлежек, «дно».

У. К. Филдз (Уильям Клод Дюкенфилд, 1880–1946) – актер кино, автор сценариев. Один из ведущих американских комиков. *(Прим. пер.)*

Савонарола, Джироламо (1452–1496) – настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции, выступал против тирании Медичи, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру.

Idiot savant – мудрый идиот (фр.); умственно отсталый человек, обладающий незаурядными способностями в какой-либо области. (Прим. пер.)

Китайская и Граумана. Церковь, ну да! – Знаменитый кинотеатр в Голливуде, открытый в 1927 г., называется «Китайский театр Граумана», по имени владельца, Сида Граумана. На тротуаре перед входом имеются отпечатки рук и ног голливудских кинозвезд.

«Царь царей» (1927) – эпическая драма Сесила Б. Демилля о жизни Иисуса. В 1961 г. Николас Рей выпустил ремейк.

Эббота и Костелло в «Джеке и бобовом стебле»? – Бад Эбботт (1895–1974) и Лу Костелло (1908–1959) – знаменитый комедийный дуэт; снимались в кино, выступали по радио и телевидению. «Джек и бобовый стебель» (1952) – музыкальная комедия Джин Ярбру по мотивам известной сказки, один из всего лишь двух цветных фильмов Эббота и Костелло.

Херст, Уильям Рэндольф (1863–1951) – американский газетный магнат, отец «желтой» журналистики, прототип «Гражданина Кейна» из одноименного фильма Орсона Уэллса (1941).

...излияния Маккормика в «Чикаго трибьюн»... – Маккормик, Роберт Резерфорд (1880–1955) – американский газетный магнат, владелец «Чикаго трибьюн», внук основателя этой газеты и мэра Чикаго Джозефа Медилла.

Бэби Розмари (Розмари Мазетта, р. 1923) – певица и актриса, на сцене с трех лет, звезда телесериала «Шоу Дика Ван Дайка» (1961–1966). Приставку Baby (Малышка) перестала использовать с 15 лет.

Мари Дресслер (Лейла Мари Кёрбер, 1868–1934) – певица и актриса, одна из первых звезд звукового кинематографа, лауреат «Оскара» за главную женскую роль в фильме «Мин и Билл» (1930).

Эйми Семпл Макферсон (1890–1944) – популярная в 1910–1920-е гг. проповедница, активно использовавшая в своем богоугодном деле тактику шоу-бизнеса. Наиболее известный эпизод ее биографии – исчезновение 18 мая 1926 г. с пляжа Венис; вернувшись 23 июня, она утверждала, будто была похищена и вывезена в Мексику, на деле же – сбежала с инженером ее радиостанции «KFSG» Кеннетом Ормистоном.

Я ВЕРНУСЬ, ГОВОРИТ МАКАРТУР. <...> Пусть он был ублюдок, но лучшего императора Японии не знала. – Макартур, Дуглас (1880–1964) – генерал, в 1941–1942 гг. командовал вооруженными силами США на Дальнем Востоке, а в 1942–1951 гг. возглавлял объединенные войска союзников в юго-западной части Тихого океана; с сентября 1945 г., возглавляя оккупационные войска союзников в Японии, сосредоточил в своих руках все управление страной и получил прозвище Некоронованный Император. «Я сделал, что мог; я еще вернусь» – знаменитые слова Макарура, сказанные им по прибытии в Австралию весной 1942 г., после эвакуации американских войск с Филиппин.

Эл Джолсон (Аса Йоэльсон, 1886–1950) – популярный в США эстрадный певец, исполнитель главной роли в фильме «Певец джаза» (1927), в котором впервые использовалась синхронизация звука и артикуляции.

Чемберлен, Невилл (1869–1940) – премьер-министр Великобритании в 1937–1940 гг., консерватор; выступал за умиротворение фашистской Германии, в 1938 г. подписал Мюнхенское соглашение.

Лагуардия, Фьорелло Генри (1882–1947) – американский политический деятель, в 1935–1945 гг. мэр Нью-Йорка. (Прим. пер.)

«Клинекс» – марка бумажных носовых платков. (Прим. пер.)

...Колмен в Шангри-Ла... – Колмен, Рональд (1891–1958) – американский актер, лауреат «Оскара» за фильм «Двойная жизнь» (1947), в котором играл актера, одержимого ролью Отелло. Также известен исполнением главных ролей в фильмах «Эрроусмит» (1932), «История двух городов» (1935), «Пленник замка Зенда» (1937) и многих других, в том числе в романтической драме Фрэнка Капры «Потерянный горизонт» (1937); гималайская страна бессмертных Шангри-Ла – как раз оттуда.

Гарбо, Грета (Грета Ловиса Густафсон, 1905–1990) – голливудская звезда шведского происхождения, снималась в фильмах «Плоть и дьявол» (1926), «Анна Каренина» (1935), «Дама с камелиями» (1936), «Ниночка» (1939) и др.

Дитрих, Марлен (1901–1992) – актриса и певица, сниматься начала в Германии, известность получила, исполнив главную роль в фильме «Голубой ангел» (1930) Джозефа фон Штернберга, и снялась еще в шести его фильмах.

Хепберн, Кэтрин (1907–2003) – знаменитая актриса, партнерша Спенсера Трейси, снималась в фильмах «Маленькие женщины» (1933), «Воспитание Крошки» (1938), «Филадельфийская история» (1940), «Женщина года» (1942), «Ребро Адама» (1949), «Африканская королева» (1951), «Лев зимой» (1968), «На золотом пруду» (1981) и др.

...*Лорела и Харди*... – Стэн Лорел (1890–1965) и Оливер Харди (1892–1957) – популярный в 1920–1930-е гг. дуэт голливудских комиков. (*Прим. пер.*)

«Голливуд и Вайн» – пересечение Голливудского бульвара и Вайн-стрит. Это место приобрело известность в 1920-е гг. благодаря расположенным там заведениям, связанным с кино и радио. (Прим. пер.)

«*Коричневый котелок*» – ресторан в Лос-Анджелесе, место встреч деятелей кино. Построен в 1926 г. в виде шляпы-котелка и управлялся Гербертом Сомборном, вторым мужем Глории Свенсон, а после его смерти – их дочерью, Глорией Свенсон Сомборн.

Роберт Тейлор и Барбара Стэнвик разъезжали в спортивных автомобилях. – Роберт Тейлор (Спанглер Арлингтон Бру, 1911–1969) и Барбара Стэнвик (Руби Кэтрин Стивенс, 1907–1990) – звезды Голливуда, муж и жена в 1939–1951 гг. Главные роли Тейлора – в фильмах «Дама с камелиями» (1936), «Билли Малыш» (1941), «Камо грядеши» (1951), «Айвенго» (1952), «Рыцари круглого стола» (1953), «Приключения Квентина Дорварда» (1955), Стэнвик – в «Стелле Даллас» (1937), «Леди Еве» (1941), «Двойной страховке» (1944).

Разлом Сан-Андреас – разлом в земной коре, протянувшийся на 960 километров, от северо-запада Калифорнии до пустыни Колорадо. (Прим. пер.)

...с Гриффитом и Гиш... – Дэвид Уорк Гриффит (1875–1948) – американский актер и режиссер, внес большой вклад в развитие мирового киноискусства; самые известные его фильмы – «Рождение нации» (1915), «Нетерпимость» (1916), «Сиротки бури» (1921). Сестры Лилиан (1893–1993) и Дороти Гиш (1898–1968) – звезды американского немого кино, прославившиеся ролями в фильмах Д. У. Гриффита.

Долли Димплз (Dolly Dimples) – традиционное прозвище балаганной толстухи. Самая известная в XX веке «Долли Димплз» – это Селеста Гейнор (1901–1982).

«*Старик – железный бок*» (Old Ironsides) – прозвище американского фрегата «Констительюшн», спущенного на воду в 1797 г. и прославившегося в войну 1812–1814 гг.; его обшитый дубом корпус был настолько прочен, что английские ядра от него отскакивали. В настоящее время это старейший в мире корабль, числящийся в составе ВМС и остающийся на ходу.

Вечный странник «Баунти»... – В 1789 г., вскоре после захода на Таити, экипаж британского брига «Баунти» поднял мятеж против капитана Уильяма Блая; высаженные в шлюпку Блай и 17 оставшихся верными ему офицеров и матросов за полтора месяца преодолели 3600 миль до ближайшей европейской колонии (Тимор). Бунтовщики же в конечном итоге осели на острове Питкерн, где в 1808 г. американское промысловое судно «Топаз» обнаружило их потомков-метисов.

...*Дуга Фербенкса... Мэри Пикфорд* – Дуглас Фербенкс (Дуглас Элтон Томас Ульман, 1883–1939) и Мэри Пикфорд (Глэдис Мэри Смит, 1892–1979) – кинозвезды, муж и жена в 1920–1936 гг., вместе снимались в «Укрощении строптивой» (1929); их голливудский особняк назывался «Пикфер». Самые известные фильмы Фербенкса – «Знак Зорро» (1920), «Багдадский вор» (1924), «Гаучо» (1927), «Железная маска» (1929), «Частная жизнь Дон Жуана» (1934). Пикфорд, крупнейшая звезда немого кинематографа, снялась в 1908–1935 гг. в 236 фильмах, а в 1919 г. они с Фербенксом, Д. У. Гриффитом и Чарли Чаплином основали компанию «Юнайтед артистс».

Валентино, Рудольф (1895–1926) – американский актер итальянского происхождения, знаменитый герой-любовник немого кинематографа; снимался в фильмах «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921), «Шейх» (1921), «Кровь и песок» (1922), «Святой дьявол» (1924), «Сын шейха» (1926) и др.

Уилл Роджерс крутил лассо. – Уилл Роджерс (1879–1935) – артист кино, эстрады, цирка, юморист и ковбой-каскадер, мастер лассо.

Трикси Фриганца (Делия О'Каллахан, 1870–1955) – популярная в 1910–1920-е гг. водевильная певица и актриса; также снималась в кино – преимущественно в эпизодических ролях.

Свенсон, Глория (1899–1983) – звезда немого кино, самая высокооплачиваемая актриса середины 1920-х гг. Впрочем, наиболее известная ее роль – стареющей кинозвезды в фильме Билли Уайлдера «Бульвар Сансет» (1950).

...Лоуэлу Шерману. Эдакий фронт с усами, умер от рака в тридцать четвертом. – Лоуэлл Шерман (1885–1934) – один из первых актеров немого кино, обратившихся к режиссуре, постановщик фильма «Она ему навредила» (1933) с Мэй Уэст и Кэри Грантом (экранизация пьесы Мэй Уэст). Умер не от рака, а от пневмонии.

Том Микс и его лошадь, Тони. – Том Микс (1880–1940) – знаменитый актер вестернов, снявшийся в 1910–1929 гг. в трехстах коротко– и полнометражных фильмах; Тони – его умный конь.

Хут Гибсон, Кен Мейнард. – Хут Гибсон (Эдмунд Ричард Гибсон, 1892–1962) и Кен Мейнард (1895–1973) – знаменитые актеры вестернов, наездники-каскадеры, а также авиаторы; соперничали на Национальных авиагонках 1933 г., причем Гибсон разбил свой самолет и получил серьезные травмы.

Боб Стил (Роберт Адриан Брэдбери, 1907–1988) – актер, снимавшийся главным образом в вестернах 1930-х гг., также исполнял характерные роли.

Хелен Твелттриз (Хелен Мари Юргенс, 1908–1958) – актриса, снялась в 33 фильмах в 1929–1939 гг., частая героиня скандальной хроники, покончила с собой.

Вильма Бэнки (Вильма Лонхит, 1898–1991) – актриса родом из Венгрии, приглашена в Голливуд Сэмюэлем Голдвином в 1925 г. и через два года вышла замуж за Рода Ларока. Прозванная Венгерской Рапсодией, получила известность в фильмах с Рональдом Колменом («Завоевать Барбару Уорт», «Ночь любви», «Волшебное пламя», «Двое влюбленных») и Рудольфом Валентино («Орел», «Сын шейха»).

Вулвортовских – то есть из одного из сетевых универмагов фирмы «Вулворт», где товары продаются по относительно низким ценам. (Прим. пер.)

...бойкая кулиджевская «Деваха» в юбчонке до пупа... – Кулиджевская – то есть «эпохи джаза», времен президентства (1923–1929) Калвина Кулиджа (1872–1933). «Деваха» («The «It» Girl») – прозвище Клары Боу (1905–1965) – первого сексуального символа Америки, снявшейся в 1922–1933 гг. в 58 фильмах, в т. ч. «Ловушка для мужчин» (1926) и «Это» (1927); под «это» («It») имеется в виду сексуальная привлекательность, а что касается «юбчонки до пупа», то в одном из эпизодов все того же фильма 1927 г. героиня Клары Боу перед выходом на свидание решительно подкорачивает юбку.

Демилль, Сесил Блаунт (1881–1959) – знаменитый режиссер и продюсер, снимал преимущественно исторические эпопеи – «Десять заповедей» (1923), «Царь царей» (1927). В 1956 г. сам же выпустил ремейк «Десяти заповедей».

«*Жестокосердая Ханна, вампирша Саванны*» («Hard Hearted Hannah (The Vamp of Savannah)») – песня Милтона Эджера, Чарльза Бейтса, Боба Бигелу и Джека Йеллена, хит 1924 г.

Долли Мэдисон (Доротея Пэйн Тодд Мэдисон, 1768–1849) – жена Джеймса Мэдисона, президента США в 1809–1817 гг.; также выполняла функции «первой леди» при вдовце Томасе Джефферсоне (1801–1809).

...пела в «Чай на двоих», «Чикаго»... – «Чай на двоих» (1950) – фильм с Дорис Дей, послуживший стартом ее звездной карьеры, голливудский вариант бродвейского мюзикла Винсента Юманса и Ирвинга Сизара «Нет, нет, Нанетта» (1924); под своим названием мюзикл был экранизирован в 1929 году. «Чикаго» – впервые поставленная на Бродвее в 1926 г. пьеса Морин Даллас Уоткинс, основанная на реальных уголовных делах, которые Уоткинс освещала в 1924 г. для газеты «Чикаго трибьюн»; пьеса была дважды экранизирована – Сесилем Демилом как «Чикаго» (1927) и Уильямом Уэллманом как «Рози Харт» (1942) с Джинджер Роджерс в главной роли. Самую известную бродвейскую постановку «Чикаго», уже как мюзикла, осуществил в 1975 году Боб Фосс (музыка Джона Кандера, либретто Фосса и Фреда Эбба); именно на этой версии основывался фильм Роба Маршалла 2002 г. с Ричардом Гиром, Кэтрин Зета-Джонс и Рене Зеллвегер.

Фло Зигфелд – Флоренс Зигфелд-мл. (1869–1932) – крупнейший бродвейский продюсер и постановщик первой трети XX в., прославился своими музыкальными ревю.

Гарри Кон (1891–1958) – знаменитый кинопродюсер, президент и один из основателей компании «Коламбия пикчерз».

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – английская медсестра, прославившаяся во время Крымской войны 1853–1856 гг. В 1860 г. учредила в Лондоне школу медсестер, первую в мире.

Рубиновые туфельки – магический артефакт из «Волшебника страны Оз» Л. Ф. Баума.

...в чечеточных туфлях Билла Робинсона. – Билл Робинсон (1878–1949) – знаменитый чечеточник. В кино дебютировал в 1930 г. и снялся в 15 картинах, наибольшим успехом пользовались его фильмы с Ширли Темпл – «Маленький полковник» (1935), «Самый маленький мятежник» (1935), «Ребекка с фермы «Солнечный ручей» (1937).

Призрак за органом, лишившись маски, прыжком вырастает до тридцати футов, чтобы убить тебя одним-единственным взглядом. – Имеется в виду близкий к финалу эпизод «Призрака оперы» (1925) Роберта Джулиана с Лоном Чейни в главной роли – самой известной из множества экранизаций этого романа Гастона Леру (1910).

Requiescat in pace (*лат.*) – да упокоится с миром.

«Кот и канарейка» (1927) – фильм Пауля Лени, вторая из почти десятка экранизаций одноименной пьесы Джона Уилларда.

Люсиль Лесюэр стала Джоан Кроуфорд. – Джоан Кроуфорд (Люсиль Лесюэр, 1908–1977) – американская актриса, выступавшая сначала в качестве танцовщицы, один из секс-символов Голливуда; сыграла роль проститутки в кинофильме «Дождь» (по рассказу С. Моэма), в 1945 г. получила «Оскара» за роль в фильме «Милдред Пирс».

Лили Шошун родилась заново как *Клодетт Кольбер*. – Клодетт Кольбер (Лили Клодетт Шошун, 1903–1996) – кинозвезда 1930–1940-х гг., лауреат «Оскара» за главную женскую роль в романтической комедии Фрэнка Капры «Это случилось однажды ночью» (1934) с Кларком Гейблом.

Кэри Грант был Арчибальдом Личем. – Кэри Грант (Арчибальд Александр Лич, 1904–1986) – звезда Голливуда, герой-любовник; снялся в четырех фильмах Хичкока: «Подозрение» (1941), «Дурная слава» (1946), «Поймать вора» (1955) и «К северу через северо-запад» (1959).

Исполняет все роли в «Больших надеждах». Разыгрывает «Рождественскую песнь»... – «Большие надежды» (1861) и «Рождественская песнь» (1843) – роман и повесть Чарльза Диккенса.

Кто знает? (исп.)

Пообещала оприходовать Джека Уорнера и всех его братьев. – Джек Уорнер (1892–1978) – глава киностудии «Уорнер бразерс», которую учредил в 1918 г. вместе с братьями Гарри Уорнером (1881–1958), Альбертом Уорнером (1883–1967) и Сэмом Уорнером (1887–1927).

Джуди Гарленд (Франсес Этель Гамм, 1922–1969) – американская актриса, прославившаяся исполнением роли Дороти в музыкальном фильме-сказке «Волшебник страны Оз» (1939); в 1940-х гг. играла в нескольких мюзиклах с Микки Руни.

Бетт Дэвис (1908–1989) – американская киноактриса, известная исполнением ролей сильных, решительных женщин; снималась в фильмах «Бремя страстей человеческих» (1934), «Маленькие лисички» (1941), «Все о Еве» (1950) и др.

...Банкхед в «Спасательной шлюпке». – Таллула Банкхед (1902–1968) – актриса, исполнявшая главную роль в фильме А. Хичкока «Спасательная шлюпка» (1944) по одноименной повести Дж. Стейнбека.

Там жил Арти Шоу, после Карузо. – Арти Шоу (Арнольд Якоб Аршавски, 1910–2004) – знаменитый джазмен, кларнетист, руководитель оркестра, один из родоначальников свинга; был женат на кинозвездах Лане Тернер (в 1940 г.) и Аве Гарднер (в 1945–1946 гг.). Карузо, Энрико (1873–1921) – итальянский тенор, крупнейший мастер бельканто, прославился исполнением неаполитанских песен.

Когда она турнула Лоренса Тиббетта, он пел сопрано. – Лоренс Тиббетт (1896–1960) – знаменитый солист нью-йоркской «Метрополитен-опера», баритон; одним из первых оперных звезд добился успеха и в Голливуде.

...загоняла Тальберга на Лесную Лужайку. – Тальберг, Ирвинг Грант (1899–1936) – знаменитый голливудский продюсер, помощник главы студии «МГМ» Луиса Б. Майера. Послужил прообразом Монро Стара – героя неоконченного романа Ф. Скотта Фицджеральда «Последний магнат» (1941).

Вампира (Майла Нурми, р. 1921) – ведущая одноименной хоррор-телепередачи в середине 1950-х гг., отчасти копировавшая образ Мортиции Аддамс из «Семейки Аддамс». Изредка снималась в кино – например, в «Плане 9 из открытого космоса» (1959) Эда Вуда.

Мадам Дефарж – героиня романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах» (1859), фанатичная фурия Французской революции.

Мата Хари (Маргарета Гертруда Зелле, 1876–1917) – исполнительница экзотических танцев, куртизанка, немецкая шпионка в годы Первой мировой войны; расстреляна французами.

Эксперт-бертильонажист, снимал с нее отпечатки пальцев от головы до пят. – Альфонс Бертильон (1853–1914) – французский криминалист, предложивший систему идентификации преступников по 14 единицам измерения: рост, длина верхней части туловища, окружность и длина головы, длина ступней, рук, пальцев и ушей и т. д. Бертильонаж был вытеснен дактилоскопией.

...Тоска бросается в пропасть... – Имеется в виду героиня оперы Джакомо Пуччини «Тоска» (1900).

...Лючией, вновь тронувшейся умом... – Имеется в виду героиня оперы Гаэтано Доницетти «Лючия ди Ламмермур» (1835).

...я *Фейджин, Марли, Скрудж...* – Фейджин – старик-наставник воров из диккенсовского «Оливера Твиста»; призрак Марли и скряга Скрудж – герои «Рождественской песни».

Кросби, Бинг (Гарри Лиллис Кросби, 1904–1977) – знаменитый американский певец и актер, первый «крунер». Его песня «White Christmas» («Белое Рождество») более полувека оставалась самым продаваемым в мире синглом.

И путь до дома ваш далек? – Перефразированная заключительная строка из стихотворения Роберта Фроста «Остановившись на опушке вечером в снегопад». (Прим. пер.)

О'Кейси, Шон (1880–1964) – ирландский драматург, автор пьес «Тень стрелка» (1925), «Юнона и павлин» (1925), «Плуг и звезды» (1926), «Серебряный кубок» (1928) и др.

Бут, Эдвин (1833–1893) – знаменитый американский актер шекспировского репертуара; его младший брат *Джон Уилкс Бут* (1838–1965), также актер, убил президента Линкольна.

Эдгар Уоллес (1875–1932) – популярный английский писатель, автор детективов и триллеров (173 романа, 23 пьесы, более 1000 рассказов). По его произведениям было поставлено ок. 170 фильмов. Умер в Голливуде, работая над сценарием фильма, который в итоге стал «Кинг-Конгом» (1933).

Микки Спиллейн (1918–2006) – популярный американский писатель, автор «крутых» палп-детективов, многие из которых были экранизированы; прославился циклом книг о детективе Майке Хаммере. Суммарный тираж его произведений по всему миру оценивают в 200 миллионов экз.

Джон Стейнбек (1902–1968) – американский писатель, автор романов «Гроздь гнева» (1939), «К востоку от рая» (1952), «Зима тревоги нашей» (1961) и др. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1962 г.

...пьесу *Бернарда Шоу «Святая Иоанна»*. – Бернард Шоу (1856–1950) – известный британский драматург, создатель драмы-дискуссии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1925 г.; драму «Святая Иоанна» выпустил в 1923 г.

Дурак (*нем.*).

...сериалами с Рин-Тин-Тин. – Рин-Тин-Тин (1918–1932) – кинозвезда (немецкая овчарка); щенком привезен в США из Франции капралом ВВС Ли Дунканом после Первой мировой войны и снялся в 1922–1931 гг. в 26 фильмах студии «Уорнер бразерс».

Джон Форд (Джон Мартин Фини, 1895–1973) – знаменитый американский режиссер, лауреат шести «Оскаров», мастер вестерна; в «Дилижансе» (1939) вывел в звезды Джона Уэйна.

Сэчел Пейдж (Лерой Роберт Пейдж, 1906–1982) – бейсболист, игрок Американской лиги. (Прим. пер.)

Каллиопа – паровой орган с пронзительным звуком; используется в США на ярмарках и т. п. с середины XIX в.

Роммель, Эрвин (1891–1944) – немецкий фельдмаршал, во Вторую мировую войну командовал войсками в Северной Африке.

Аль Капоне (Альфонсо Фьорелло Капоне, 1899–1947) – знаменитый чикагский гангстер; под прикрытием мебельного бизнеса занимался бутлегерством, игорным делом и сутенерством. Был известен под кличкой Лицо со Шрамом.

Мильтон, Джон (1608–1674) – выдающийся английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671).

Френология – выдвинутая австрийским врачом и анатомом Францем Йозефом Галлем (1758–1828) теория, утверждавшая, будто на основании формы черепа можно судить о психических особенностях человека. Использовалась в XIX в. как метод психодиагностики.

Николас Никльби – герой одноименного романа Чарльза Диккенса, выпущенного в 1839 г.

Нэнси Дрю. – Сериал о Нэнси Дрю выпускается с 1930 года «Литературным синдикатом Стратемейера», поглощенным в 1984 г. компанией «Саймон и Шустер»; за прошедшие 70 с лишним лет юный детектив Нэнси Дрю повзрослела на два года, с 16 до 18, и разрешила 350 загадочных преступлений, с поразительным постоянством укладываясь каждый раз в 180 страниц.

120

Да (нем.).

«Убийство в Восточном экспрессе» (1974) – фильм Сидни Люмета, в ролях Альберт Финни, Лорен Бэколл, Ингрид Бергман, Жаклин Биссе, Шон Коннери, Джон Гилгуд, Энтони Перкинс, Ванесса Редгрейв; экранизация одноименного романа Агаты Кристи (1934).

Людвиг Бемельманс (1898–1962) – писатель и художник родом из Австрии, известен циклом из шести детских повестей о девочке Маделине, первая из которых вышла в США в 1939 г.

Неопалладианское сооружение...гробницу с палладианскими колоннами... – Палладианский стиль – направление в европейской архитектуре, заложенное итальянским архитектором Андреа Палладио (1508–1580), строгая форма классицизма, восходящая к архитектуре Древнего Рима.

...вотивные свечечки. – Вотивный предмет – посвятельный дар божеству, приносимый по благодарности или по обету.